

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

21 2019
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 21 (259) / 2019

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук (Узбекистан)
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кожурбаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена *Блюма Вульфовна Зейгарник* (1901–1988), советский психолог, основатель советской патопсихологии.

В маленьком литовском городке Пренай родилась девочка, которую называли Женя-Блюма. Ее отец Вульф Герштейн держал магазин в этом городе, а мать Роня Герштейн помогала ему. Это была семья добропорядочных евреев, чьи предки бежали из Европы от преследований. Они были умны, образованны и пользовались большим уважением. В семье говорили по-русски и на идише. Идиш использовался, чтобы обсуждать «взрослые проблемы». «Наивные! — вспоминала Блюма Вульфовна, — они полагали, что я их не понимаю».

В 18 лет она вышла замуж за Альберта Зейгарника, причем ее родители были не в восторге от этого брака: молодой муж был недостаточно состоятелен, на их взгляд. Но со временем они смягчились и решили послать молодую чету учиться в Европу. Таким образом, в 1922 году Блюма поступила на философский факультет Берлинского университета.

Ее особенно заинтересовали лекции Курта Левина, который занимался психологией личности, в частности изучением движущих мотивов личности, поведения в среде, потребностей и «квазипотребностей» личности и их зависимости от социального окружения. Одновременно с занятиями у Левина Зейгарник продолжала посещать занятия и у других профессоров: так, она занималась в психиатрической клинике у К. Гольдштейна, прослушала курсы лекций Э. Шпрангера и М. Дессуара. Приблизительно в это время, после проведения ряда экспериментов она обнаружила закономерность, которая вошла в науку под названием «эффект Зейгарник»: память о незавершенных действиях сохраняется у человека намного дольше, чем о действиях завершенных. Эксперимент сводился к тому, что экспериментатор просил испытуемых за определенное время решить ряд задач. При этом испытуемому не давали завершить часть из них, ссылаясь на нехватку времени. Позже испытуемому предлагали перечислить все задания, которые он запомнил. Предполагалось, что в случае прерывания решения задачи возникает определенный уровень эмоционального напряжения, который не получает своей разрядки в решении задачи и, в свою очередь, способ-

ствует сохранению этого «неудовлетворительного» действия в памяти. Было установлено, что среди сохранившихся в памяти действий отношение незавершенных действий к завершенным 1,9:1. Таким образом, результат отличался почти в два раза!

По окончании университета Блюма Вульфовна возвратилась в Россию и стала заниматься наукой, работая в психоневрологической клинике Института экспериментальной медицины под руководством Л. С. Выготского. В эти годы она стала единомышленницей видных советских психологов, под ее руководством был создан факультет психологии МГУ, кафедра нейро- и патопсихологии. В течение более 40 лет она разрабатывала проблемы патологии психики при душевных заболеваниях. Опираясь на теоретические положения отечественной психологической школы Выготского — Леонтьева — Лурии, она создала новую научную область — экспериментальную патопсихологию, имеющую свой предмет, понятийный аппарат и методический инструментарий. Ею было подготовлено большое число специалистов, работающих в настоящее время в различных областях психологии. Труды Зейгарник в области патопсихологии открыли возможность для становления новой сферы психологической практики.

В 1940 году муж Блюмы Вульфовны Альберт был арестован по обвинению в шпионаже и осужден на десять лет без права переписки. Она осталась с двумя детьми, одному из которых было меньше года, другому — шесть лет. События тех лет наложили глубокий отпечаток на всю последующую жизнь Блюмы Вульфовны. Основным в ее жизни стал страх, прежде всего за судьбу своих детей. Она не оставила после себя почти ничего: ни автобиографии, ни архивов, ни записных книжек, ни воспоминаний — все было уничтожено ею самой. Она не считала важными многие факты своей жизни, не придавала им значения. Ей были скорее важны феномены и паттерны, чем детали. Если открыть почти любую из энциклопедий, где есть биография Блюмы Зейгарник, то можно прочесть, что она родилась в 1900 году. То же написано и в ее кратких автобиографиях, но на самом деле родилась она в 1901 году. «Разве это важно? — говорила она, — годом больше, годом меньше...»

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Бондарев А. В.**
О необходимости изменения российской Конституции 319
- Васнева А. В.**
Способы прекращения деятельности юридического лица 321
- Геворгян Р. Э.**
Уголовно-правовое регулирование оборота спиртосодержащей продукции 323
- Гулузаде С. М.**
Формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей 325
- Гультяев С. В.**
Административно-правовое регулирование в сфере СМИ в современных условиях 330
- Егоянц Ж. А., Ершова М. В.**
Концепция прав и свобод в трудах Жан-Жака Руссо 331
- Елисеева Д. А.**
Проблемы института возвращения уголовных дел для дополнительного расследования 333
- Залитдинов Т. К.**
Противодействие коррупции как основная задача деятельности прокуратуры Российской Федерации 335
- Казарян Эрик Арамович, студент**
Соотношение понятий «свобода» и «права человека» 337
- Каракотова М. Н.**
Специфика недействительности договора, заключенного на торгах: теоретико-правовой аспект 339
- Клюева Е. К.**
К вопросу о проблеме исполнимости решений третейских судов и обеспечении арбитражного решения принудительной силой государства... 342
- Колыженков И. М.**
Задачи воспитательной колонии 344
- Кривошапкин К. Ю.**
Проблемы реализации права традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера на примере Республики Саха (Якутия) 346
- Крымшамхалова А. Ш.**
Информационная безопасность детей как обязанность родителей 348
- Крюкова Ю. О.**
Варианты выдела доли из имущества, находящегося в общей долевой собственности 350
- Латоков А. С., Клычев Р. А.**
Актуальные проблемы развития современной системы гражданского права (на примере защиты прав на интеллектуальную собственность) 352
- Лахтина К. А.**
Проблемные вопросы предварительной проверки сообщений о преступлениях в современных российских реалиях 354
- Литовкина К. А.**
О необходимости продления сроков проведения административных расследований в отношении арбитражных управляющих 356
- Лукьяненко И. В.**
Проблемы квалификации неоконченных преступлений в уголовном праве Российской Федерации 361
- Макарова Д. В.**
Совещательная комната как процессуальный институт гражданского процессуального права 363
- Миренкова Е. П., Кременов И. Н.**
Особенности правового статуса сотрудников органов внутренних дел 365
- Мурсалов Ф. А.**
Меры административного пресечения, используемые органами государственного надзора и контроля в сфере жилищно-коммунального хозяйства 367

Мухин И. Д. Судебный прецедент в странах романо-германской правовой семьи 371	Панова Ю. А. Проблемы молодежной политики в Российской Федерации и пути их решения..... 379
Нефедова Е. П. Проблемы определения признаков вещных прав в современном гражданском законодательстве Российской Федерации 372	Попов Д. В. Институт раскрытия доказательств в гражданском процессе..... 382
Ооржак Б. Ч. Процессуальный статус переводчика в уголовном судопроизводстве 375	Прокофьев М. Г. Ограничение субъектного состава представителей в судах как мера повышения эффективности судопроизводства..... 384
Орлов М. С. Уголовное наказание в виде лишения свободы, его сущность и содержание 377	

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

О необходимости изменения российской Конституции

Бондарев Артём Владимирович, студент магистратуры
Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»

Конституция Российской Федерации — высший нормативно правовой акт государства, принятый на всероссийском референдуме 12 декабря 1993 года. Разработка проекта Конституции началась 22 июня 1990 года после образования Конституционной комиссии на Первом Съезде народных депутатов РСФСР, в который вошло 102 народных депутата, в числе которых были представители всех субъектов федерации. Проект Конституционной комиссии противоборствовал проекту Конституционного совещания, созванного по решению президента РФ Б.Н. Ельцина. В конечном счете, за основу был принят проект Конституционного совещания, вобравший в себя большое количество положений проекта Конституционной комиссии, и после окончательной доработки был вынесен на референдум в том виде, в котором мы знаем ныне действующую Конституцию.

Большинство учёных считает, что действующая Конституция имеет большое количество недостатков, начиная от формулировок некоторых положений, которые являются весьма общими, а в некоторых случаях некорректными, неточными и двусмысленными. Достаточно открыть преамбулу и первые статьи Конституции. «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...» с первых строк говорится о многонациональности нашего народа, тогда как в конституциях развитых стран говорится о едином народе страны. Далее следует: «сознавая себя частью мирового сообщества...» Эти слова означают, что мы считаем себя не суверенным образованием, а частью чего-то больше, частью мирового сообщества, а значит, не считаем себя независимым государством. Статья 1 — «Россия — есть демократическое федеративное государство...» Данная статья противоречит статье 13.2, в которой указано, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве обязательной или государственной», однако первая статья прямо указывает на ультрадемократическую направленность. Статья 6

пункт 3 «гражданин не может быть лишён гражданства или права изменить его» [9]. Данный пункт также вызывает вопросы, потому что из смысла фразы следует, что каким бы человек не был злодеем, он не может быть наказан путём лишения гражданства, а может осуществлять выезд из страны и отказ от гражданства по собственной воле.

Не менее важный фактор — неисполнение положений Конституции. Если обратиться к Главе 1 — Основы конституционного строя (ст. 7, 13), Главе 2 — Права и свободы человека и гражданина (ст. 19, 29, 38–43), то можно заметить некоторые расхождения между установленными положениями и реальным положением вещей, как в социальной сфере, так и в сфере образования, медицины. Стоит отметить наличие перевеса в сфере разделения ветвей власти, а также обратить внимание на огромные полномочия Президента, которые с каждым годом только возрастают. Разумеется, за 25 лет было немало сделано для исправления противоречий Конституции и законодательства, однако, несмотря на эти попытки, создаётся ощущение, что пропасть между должным и реально существующим только увеличивается.

Существует серьёзная проблема легитимности действующей Конституции. В сравнении с развитыми странами Запада степень легитимности Основного закона России находится на очень низком уровне, что недопустимо для динамично развивающегося государства, которое борется за первые позиции на мировой политической арене. Всем известно, что главной целью конституционного процесса является общественное согласие, единство в вопросах государственного строительства. Как говорил П. Хаберле: «Консенсус является результатом конфликта и компромисса между участниками, каждый из которых представляет свое мнение и свои интересы» [11, с. 27]. Немаловажным фактором является и то, что российский народ не был допущен к разработке проекта Конституции, а при проведении референдума было допущено огромное

количество нарушений. Достаточно ознакомиться с законом «О референдуме РСФСР». Он устанавливает, что для принятия проекта Конституции за один из представленных вариантов должно проголосовать более половины всех избирателей, то есть более 53 млн человек. Однако было установлено, что для успешного проведения голосования достаточно простого большинства голосов, при условии, что явка на выборах составит более 50%. Что является грубым нарушением.

Всё это наводит на мысль о пересмотре основных конституционных положений и принятии нового Основного закона, который будет соответствовать требованиям российского общества и конкретно выражать свои формулировки, не допуская неточностей.

Действующая Конституция предлагает 4 варианта внесения поправок и пересмотра, которые регламентируются главой 9:

1. пересмотр глав 1,2,9 (принятие новой Конституции);
2. поправки к главам 3–8 (кроме статьи 65);
3. внесение изменений в статью 65 в связи с изменением наименования субъекта РФ;
4. внесение изменений в статью 65 в связи с изменением состава РФ.

Всего за время действия Конституции было принято 4 Закона о поправке к Конституции, 2 из которых 30 декабря 2008 г. (об увеличении сроков полномочий Президента и Государственной Думы до 6 и 5 лет соответственно [8], и о контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства РФ) [7]. О расширении полномочий Президента, связанных с назначением прокуроров, исключении упоминаний о Высшем Арбитражном суде РФ от 5 февраля 2014 г. [6] О введении в состав Совета Федерации дополнительно представителей РФ, назначаемых президентом РФ и составляющих не более 10% остальных членов Совета Федерации от 21 июля 2014 г [5].

Также было внесено 6 исправлений в связи с изменением наименования субъекта РФ и 6 исправлений в связи с изменением состава Российской Федерации.

С главами 3–8 всё более-менее понятно, даже несмотря на то, что сам процесс пересмотра не из лёгких, а вот с главами 1,2 и 9 всё обстоит намного сложнее. Статья 135 Конституции гласит, что должен быть принят Федеральный конституционный закон о Конституционном собрании, особом учредительном органе, который должен быть создан после внесения предложения о пересмотре Конституции в Государственную Думу. Однако такой закон до сих пор не принят, что делает невозможным процесс пересмотра Конституции. С одной стороны, это придаёт дей-

ствующей Конституции устойчивость, однако, как высказывался С. С. Сулакшин в интервью газете «Наша версия» «Стабильность — это хорошо, но плохо, когда стабильность превращается в паралич. Исчезает развитие, исчезает будущее. Чтобы паралич не наступил, нужен новый Основной закон» [3]. Е. А. Лукьянова считает, что «абсолютная нерушимость» не больше, чем политическая уловка, направленная на удержание насильно навязанного конституционного строя. Как справедливо подметил Правовед Сергей Бабурин подметил: «Конституция 1993 года была «нормативно-правовым актом социального противостояния в обществе». Возможно, именно поэтому противостояние никак не прекратится, пора Основной закон заменить более совершенным. Нужно учесть и исправить крайности и сохранить оправдавшие себя ценности» [1, с.13].

Начиная с 2012 года всё чаще можно услышать заявления политиков и политологов о необходимости внесения поправок в действующую конституцию. Некоторые предложения прямо вносились на рассмотрение Государственной Думы [10]. Хотя в своём большинстве они имеют достаточно осторожный характер и призывают к исправлению старой Конституции, нежели к принятию новой. Примером может служить высказывание главы Конституционного суда России Валерия Зорькина в начале октября 2018 года. «Разумеется, у нашей Конституции есть недостатки. В их числе отсутствие должного баланса в системе сдержек и противовесов, крен в пользу исполнительной ветви власти, недостаточная четкость в распределении полномочий между президентом и правительством, в определении статуса администрации президента и полномочий прокуратуры» [4]. Вместе с этим он уточнил, «исправления нужно вносить точечно в действующий Основной закон, для принятия нового оснований пока нет».

После новогодних праздников о конституционных изменениях высказался спикер Госдумы Вячеслав Володин. В своём интервью журналистам он сказал: «В законодательстве было бы правильно более полно раскрыть определение «социальное государство». А именно это определение содержится в 7 статье Конституции и именно вопрос нерешённых социально-экономических проблем является главным источником напряжённости в обществе.

Всё вышесказанное прямо указывает на то, что конституционный вопрос уже сейчас требует последовательного и продуманного решения. Необходима конкретизация основных конституционных положений и приведение в соответствие прописанных норм к реальному положению вещей.

Литература:

1. Авакьян С. А. Конституция как символ эпохи: В 2 т. / Под ред. проф. С. А. Авакьяна. Т.1. — М.: Изд-во МГУ, 2004. — 375с.
2. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник. М.: Издательская группа «Норма-Инфра-М», 2013. — 79 с.

3. Горевой Р. Кремль готовит федеральный референдум об изменении Конституции России // Наша Версия. — 2018. — № 28. [электронный ресурс] — URL: <https://versia.ru/kreml-gotovit-federalnyj-referendum-ob-izmenenii-konstitucii-rossii> (дата обращения 24.05.2019)
4. Есть ли необходимость менять Конституцию России? // Planet today. URL: <https://planet-today.ru/geopolitika/item/98215-est-li-neobkhodimost-menyat-konstitutsiyu-rossii> (дата обращения: 24.05.2019).
5. Закон РФ о поправке к Конституции РФ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» от 21 июля 2014 г. N11-ФКЗ (с изменениями и дополнениями) // Российская газета. 2014. № 163.
6. Закон РФ о поправке к Конституции РФ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» РФ от 05.02.2014 N2-ФКЗ (с изменениями и дополнениями) // Российская газета. 2014. № 27.
7. Закон РФ о поправке к Конституции РФ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» от 30.12.2008 N7-ФКЗ (с изменениями и дополнениями) // Российская газета. 2008. № 267.
8. Закон РФ о поправке к Конституции РФ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» от 30.12.2008 года N6-ФКЗ (с изменениями и дополнениями) // Российская газета. 2008. № 267.
9. Конституция Российской Федерации 1993 г. (в последней ред. Законов РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 г. № 6-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
10. Проблемы Конституции РФ // РУКСПЕРТ. URL: https://guxpert.ru/Проблемы_Конституции_РФ# (дата обращения: 24.05.2019).
11. Хаберле П. Открытое общество толкователей конституции // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 1. С. 21–28.

Способы прекращения деятельности юридического лица

Васнева Анастасия Валентиновна, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье рассматриваются наиболее распространенные схемы прекращения деятельности организации. Перечислены основные риски при их применении, а также предложения по сокращению таких рисков.

Ключевые слова: корпоративное право, ликвидация, ответственность, налоговые риски.

Лицо, исполняющее обязанности единоличного исполнительного органа, может оказаться учредителем в одной или нескольких компаниях, деятельность которых он хочет прекратить или ликвидировать. Это может быть связано с тем, что они не приносят ему прибыль или привлекают внимание налогового органа. Также распространенной причиной выхода директора из организации является его статус «массового» [6]. Задача корпоративного юриста помочь руководителю выбрать подходящий способ ликвидировать организацию, минимизировать риски и уберечь имущество доверителя. Нами рассмотрены следующие схемы прекращения деятельности организации:

1. Добровольная ликвидация. Законная схема, когда компанию по решению ее участников исключают из Единого государственного реестра юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ) на основании статьи 61 ГК РФ [1]. В 2017 году так ликвидировано 76 тысяч компаний, на 4 тысячи больше 2016 года.

Компанию при ликвидации могут проверить налоговые органы. Трудности возникают в случае, если на мо-

мент ликвидации есть долги по налогам, исполнительные листы или если компанией интересуется полиция [9]. В связи с этим перед ликвидацией целесообразно проверить, наличие всей необходимой документации, сверить с налоговым органом наличие долгов и контрагентами наличие счетов-фактур, актов. Если документов не хватает, восстановить утраченные. Собрать данные на контрагентов, потому что потребуется подтвердить соблюдение своей осмотрительности и то, что именно указанные контрагенты или их уполномоченные лица исполнили сделку.

2. Присоединение к компании с тем же владельцем. Компания присоединяется к другой, которая принадлежит одному и тому же владельцу. Например, реорганизация происходит в группе компаний, у которой одна управляющая организация.

Схема безопасна с точки зрения уголовных рисков, поскольку полностью соответствует закону. Вероятность доначисления налогов и штрафов также невысокая. Реорганизация в рамках одной группы с одним и тем же владельцем не вызывает подозрений у налоговых органов,

поэтому вероятность назначения выездной проверки и выявление нарушений крайне мала.

3. Продажа компании «реальному» покупателю. *Владелец продает настоящему покупателю свою долю в уставном капитале компании или контрольный пакет акций. При этом, на практике такой способ распространен между аффилированными лицами и лицами, пользующимися кредитным доверием друга друга.*

Основной риск состоит в том, что ФНС может увидеть схему, при которой компанию продают якобы номинальному покупателю. Об этом может сказать, например, заниженная цена, по которой продали бизнес.

Поэтому перед продажей необходимо убедиться, что у компании нет долгов по налогам и другим платежам. Долги — причина подозрений налоговых инспекторов и основание для проверки.

4. Переоформление компании на подставное лицо или офшор. Данная схема распространена среди недобросовестных *руководителей компании, которые продают доли в уставном капитале или контрольный пакет акций по цене ниже рыночной. При этом покупатель — номинальная организация в РФ или иностранная компания из офшора.*

При другом варианте данного способа в состав участников вступает новое лицо, после чего текущий учредитель выходит из состава компании.

В обоих случаях в ЕГРЮЛ не вносят запись о том, что компания прекратила деятельность. В реестре у нее останется статус действующей, но новые владельцы не будут вести деятельность. Компания фактически будет брошенной и дожидаться административной ликвидации, описанной в пункте 5 настоящей статьи.

Использование данной схемы имеет определенные риски, так как в случае обнаружения налоговыми органами признаков такой схемы, они передадут материалы проверки в следственные органы для возбуждения уголовного дела [5]. Если использование схемы докажут, владельцу компании, который передал ее новому номинальному собственнику, грозит уголовная ответственность за фальсификацию ЕРГЮЛ (ст. 170.1 УК РФ) [2].

В прошлом году количество приговоров по уголовным делам, которые связаны с фальсификацией ЕРГЮЛ, выросли на 50 процентов по сравнению с 2016 годом, а за незаконное образование или реорганизацию компании — на 82 процента.

5. Административная ликвидация. Компания не отчитывается и не проводит операции по счету в течение года. Тогда ФНС считает, что она фактически прекратила деятельность, и ликвидируют ее [8].

В прошлом году административной ликвидации подверглись 546 тысяч компаний, которые не отвечали налоговикам и не отчитывались. В 2016 году — 656 тысяч компаний.

Риски такого подхода состоят в том, что руководитель и учредитель ликвидированной компании в течение трех лет не сможет занимать должность директора или создать новую компанию [7]. Для исключения таких рисков на практике эту схему обычно сочетают со схемой, описанной в пункте 4 настоящей статьи.

На основании вышеизложенного и анализе статистики ФНС можно сделать вывод, что в настоящее время руководители компаний все чаще выбирают рискованные способы выхода из бизнеса или ликвидации. По нашему мнению, это связано с тем, что они являются менее затратными.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. № 25. Ст. 2954.
3. Приказ ФНС России «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок» от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333@ // Документы и комментарии. № 12.
4. Письмо ФНС России «О проведении работы в отношении юридических лиц, зарегистрированных до 1 августа 2016 года и имеющих признаки недостоверности» от 03 августа 2016 № ГД-4-14/14127@ // Официальные документы. — № 29.
5. Буркова Л.Н. Современные проблемы ликвидации юридического лица / Л.Н. Буркова // Юриспруденция. — 2016. — № 1. — С. 463–465.
6. Калинин А.Р. Некоторые аспекты, связанные с ликвидацией юридических лиц / А.Р. Калинин // Отечественная юриспруденция. — 2018. — № 2. — С. 63–66.
7. Корнева Е., Ткачев В. Иски налоговых органов, связанные с ликвидацией юридических лиц / Е. Корнева, В. Ткачев // Закон и право. — 2017. — № 3. — С. 54–57.

Уголовно-правовое регулирование оборота спиртосодержащей продукции

Геворгян Роберт Эдуардович, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Высокий уровень алкоголизма негативно сказывается на всех сферах общественной жизни в государстве, в частности на демографической обстановке и состоянии здоровья населения. По данным Всемирной организации здравоохранения [1], представленным в 2014 году, в России потребление алкоголя в 2010 году составило 15,1 литра чистого этанола на душу населения в возрасте 15 лет и старше. Это один из самых высоких показателей в мире по потреблению алкоголя, измеряемого в литрах чистого этилового спирта на человека. Противодействие незаконному обороту алкогольной и спиртосодержащей продукции можно назвать одной из важных составляющих обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим отношения в сфере оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции является Федеральный закон от 22.11.1995 г. № 171-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», способствующий ограничению потребления алкогольной продукции.

В соответствии с п. 9 ст. 16 ФЗ № 171 [2] продажа алкоголя запрещена в период с 23 до 8 ч. Нарушение особых требований розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей продукции, включая реализацию алкоголя после 23 часов по ч. 3 ст. 14.16 КоАП [3] с конфискацией товара или без нее составляет:

- 20000–40000 рублей для должностных лиц;
- 100000–300000 рублей для юридических лиц.

Выполнение этих предписаний некоторые предприятия всячески пытаются обойти [4]. Например, зоны беспощинной торговли не работают по российским законам. А это значит, что алкоголь там можно купить посреди ночи вполне легально. Вынести спиртное оттуда могут только те, кто там работает. Также после вступления в силу закона в барах посетителям стали предлагать напитки в розлив.

Важным элементом государственной политики в усилении государственного регулирования в сфере промышленного производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции выступает использование разнообразных налоговых механизмов, прежде всего, путем косвенного налогообложения. Однако, в связи с тем, что система акцизного налогообложения имеет некоторые недоработки, стоимость алкогольной продукции является приемлемой не для всех, малоимущее население подменяет алкогольную продукцию на значительно более дешевые аналоги спиртосодержащей продукции,

непригодной для пищевого употребления. Интоксикация спиртосодержащей продукцией, не предназначенной для употребления, вызывает не только нарушения функционального состояния организма, но и приводит тяжким последствиям для здоровья, в том числе к летальному исходу.

Так, в декабре 2016 года в Иркутской области произошло вопиющее событие, вызвавшее резонанс и широкую огласку в обществе и в СМИ. В результате массового отравления метанолом пострадало 123 человека, 76 из них скончались.

Со стороны государства последовала соответствующая реакция в виде принятия законодательных мер, направленных на совершенствование уголовно-правовых норм по охране производства, оборота и реализации спиртосодержащей продукции. Так, Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 26.07.2017 N 203-ФЗ Уголовный Кодекс Российской Федерации дополнен статьями 171.3 «Незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» и 171.4 «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции».

Из приведенной Пояснительной записки [5] следует, на наш взгляд, что законодатель при решении вопроса о криминализации деяний, ответственность за совершение которых предусмотрена статьями 171.3–171.4 УК РФ, принял во внимание ситуацию, сложившуюся в области противодействия незаконному производству и реализации алкогольной продукции. Об этом свидетельствуют, в частности, содержащиеся в указанной записке статистические данные по числу лиц, умерших от употребления нелегально произведенной алкогольной продукции. Одновременно в этой записке сумма «крупного размера» применительно к ст. 171.3 рассчитывается достаточно точно, «исходя из стоимости минимальной партии алкогольной продукции, возможной к перевозке автомобилем «Газель», — 150 коробок водки по 20 бутылок каждая». Таким образом, решение законодателя о криминализации указанных деяний выглядит научно обоснованным.

Анализируя вышеназванные уголовно-правовые нормы, хотелось бы обозначить, по нашему мнению, упущение формулировок «оборот алкогольной продукции», «оборот спиртосодержащей продукции». Данные понятия отсутствуют как в уголовном законе, так и в профильном Федеральном законе от 22.11.1995 г. № 171-ФЗ. Таким образом, под «оборотом» предлагается понимать разработку, производство, изготовление, переработку, хранение, пе-

ревозку, реализацию, распределение, приобретение, использование, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации алкогольной или спиртосодержащей продукции. Нормативно-правовое закрепление данного положения будет способствовать формированию эффективной уголовно-правовой борьбы с незаконным оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Проведенное исследование [6] ст. 171.3–171.4 УК РФ через призму принципов криминализации деяний позволяет сделать следующие выводы: во-первых, введение указанных новелл в Уголовный кодекс является не только необходимым, но и научно обоснованным, поскольку ликвидируется значительный законодательный пробел. Во-вторых, несмотря на обозначенную необходимость, законодательная конструкция диспозиции ст. 171.3 имеет недостаток, заключающийся в «смешении» производства обозначенной в ней продукции с ее закупкой, поставками, хранением, перевозкой, что способно привести к затруднениям, связанным с практическим применением этой новеллы.

Изучение законодательного опыта криминализации позволяет выявить тенденцию внедрения в уголовный закон

так называемой административной преюдиции, в том числе в положениях о преступлениях в сфере бизнеса. Например, в обновленной статье 171.4 УК РФ условием реализации уголовной ответственности является то, что виновные лица до совершения преступления привлекались к административной ответственности [6]. Ученые критикуют избранный законодателем способ описания такого обязательного условия криминализации содеянного [7]. Суть возражений сводится к давно наболевшему вопросу: увеличивает ли вереница дисциплинарных или административных правонарушений общественную опасность содеянного.

Проанализировав вышесказанное считаем необходимым отметить позитивную тенденцию к развитию общественных отношений в изучаемой области, поэтапной реорганизации норм права в сфере торговли, что влечет возникновение потребности в комплексном исследовании указанной группы уголовно-наказуемых деяний, а правовые основы этой деятельности нуждаются в дальнейшей своевременной оценке, анализе и совершенствовании с учетом изменяющихся современных общественных реалий.

Литература:

1. Глобальный доклад ВОЗ о положении в области алкоголя и здоровья (2014) — данные по состоянию на 2010 год. — URL: http://www.who.int/substance_abuse/publications/global_alcohol_report/msb_gsr_2014_3.pdf
2. Федеральный закон от 22.11.1995 N 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (ред. от 29.07.2017) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 21.05.2019).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. От 30.10.2017) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 21.05.2019).
4. Гусейнова С. М. К., Усанова М. А., Макаревич М. Л. Ответственность предприятий за несоблюдение торгового законодательства при реализации алкогольной и спиртосодержащей продукции // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2017. №7 (25). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-predpriyatij-za-nesoblyudenie-torgovogo-zakonodatelstva-pri-realizatsii-alkogolnoy-i-spirtosoderzhashey-produktsii> (дата обращения: 21.05.2019).
5. Пояснительная записка к проекту Федерального закона №50030–7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/57263400/> (дата обращения: 21.05.2019).
6. Лозинский И. В. К проблеме дальнейшего совершенствования уголовного законодательства российской федерации, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. №435. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-dalneyshego-sovershenstvovaniya-ugolovnogo-zakonodatelstva-rossiyskoy-federatsii-ohranayayuschego-obschestvennye> (дата обращения: 21.05.2019).
7. Незнамова З. А. Преступления с административной преюдицией в Уголовном кодексе РФ: коллизии межотраслевого регулирования [Текст] / З. А. Незнамова // Российское право. Образование, практика, наука. — 2015. — №6. — с. 20–25.

Формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей

Гулузаде Сямра Мубаризовна, аспирант
Бакинский государственный университет (Азербайджан)

Формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, представляют собой деятельность государства в области устройства таких детей. Основными формами являются усыновление, опека и попечительство, а также приемная семья. В статье рассматриваются все три формы, их условия и порядок, а также субъекты, которые могут выступать усыновителями, опекунами (попечителями) и приемными родителями.

The form of upbringing of children without parental care is the activity of the State in the settlement of such children. The main forms is adoption, guardianship and foster care. All three forms, their conditions and procedure, as well as individuals who can act as adopter, guardians (trustees) and adoptive parents are considered in the article.

Статистика современности свидетельствует о том, что количество детей, остающихся без попечения родителей, продолжает расти. Причины этого заключаются в экономических и социальных проблемах, которые сопутствуют любому обществу в его переходный период.

Устройство детей, оставшихся без попечения родителей, является одним из приоритетных направлений деятельности государства в сфере регулирования семейно-правовых отношений. Так, СК АР предусматривает три основные формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Однако, орган исполнительной власти, а в Азербайджанской Республике эту функцию выполняет Кабинет Министров, может установить альтернативные формы устройства детей.

Следует отметить, что исследования последних десятилетий доказывают преимущество семейного воспитания детей, например Антокольская М.В пишет, что «семейным формам воспитания детей отдается безусловное предпочтение» [7]. Тем не менее, сложившаяся реальность и, соответственно, судебная практика показывают, что указанные в СК АР формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, хоть и имеют своей целью определить таких детей в семьи, однако не решают их насущных проблем. Государство должно стремиться к усовершенствованию механизмов регулирования отношений в этой сфере, чтобы каждый ребенок на территории Азербайджанской Республики мог бы получить обеспечение исполнения своих законных интересов и прав.

Итак, для начала, следует прояснить, кто является детьми и какими правами они обладают. Особую роль при рассмотрении этого вопроса играет «Конвенция о правах ребенка» ООН, к которой Азербайджан присоединился 21 июля 1992 г. [4] Ст. 49.1. СК АР в соответствии с понятием «ребенок», сформулированным в ст.1 Конвенции о правах ребенка, дает следующее определение: ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия), которое не обрело полную дееспособность. Применительно к правам детей, закон выделяет следующие: право жить и воспитываться в семье,

которое состоит из ряда правомочий: непосредственно правомочие жить и воспитываться в семье, правомочие знать своих родителей, правомочие на заботу со стороны родителей, правомочие на совместное проживание с родителями, если это не противоречит интересам ребенка; право на общение с обоими родителями, дедушкой, бабушкой, братьями, сестрами и другими родственниками; право на защиту своих прав и законных интересов, которая осуществляется родителями или лицами, их заменяющими; право ребенка выражать собственное мнение; право ребенка на имя, отчество и фамилию.

Для реализации вышеуказанных прав ребенок должен быть в контакте с родителями, а в случаях, когда дети лишены родительского попечения — лицами, их заменяющими. Поэтому, устройство детей, оставшихся без попечения родителей играет столь значимую роль, ведь после передачи ребенка на законном основании, защита прав и законных интересов ребенка будет возложена на принявшего ребенка на воспитание субъекта.

Так, ст.114 Семейного Кодекса Азербайджанской Республики гласит, что защита прав и интересов детей в случаях смерти родителей, лишения их родительских прав, ограничения их в родительских правах, признания родителей недееспособными, болезни родителей, длительного отсутствия родителей, уклонения родителей от воспитания детей или от защиты их прав и интересов, в том числе при отказе родителей взять своих детей из учреждений социальной защиты населения, воспитательных учреждений, лечебных учреждений, родильных домов и других аналогичных учреждений, а также в других случаях отсутствия родительского попечения возлагается на соответствующий орган исполнительной власти. Этим органом, в соответствии с указом 297 Президента Азербайджанской Республики от 06.03.2006 года, являются органы опеки и попечительства при местной исполнительной власти. Эти органы выявляют детей, оставшихся без попечения родителей и должны их провести первичный учет. Для этого они собирают информацию, предоставляемую из родильных домов, дошкольных, общеобразовательных, лечебных и других учреждений, или гражданами, которые располагают

сведениями таких детей. Отметим, что должностные лица этих учреждений обязаны сообщить данную информацию органам опеки и попечительства. Далее органы опеки и попечительства предоставляют в Государственный Комитет по проблемам Семьи, Женщин и Детей информацию для ведения общего учета таких детей и, исходя из конкретных обстоятельств утраты попечения родителей, избирает формы устройства этих детей, а также осуществляют контроль за условиями их содержания, воспитания и образования. Помимо этого, в случае если дети, лишенные родительского попечения, не могут быть переданы на воспитание в семью, органы опеки и попечительства обязаны предоставить сведения о детях до трех лет в Министерство Здравоохранения Азербайджанской Республики, а о детях с трех лет — в Министерство Образования Азербайджанской Республики. Последние, в свою очередь, обязуются поставить этих детей на централизованный учет. Далее, информация о детях, оставшихся без попечения родителей, передается для принятия на общий учет со стороны Государственного Комитета по проблемам Семьи, Женщин и Детей Азербайджанской Республики. Таким образом, по азербайджанскому законодательству существует четкая дифференциация действий государственных органов по выявлению, учету и устройству детей, оставшихся без попечения родителей. Кабинет Министров Азербайджанской Республики определяет порядок производства учета таких детей.

Как уже отмечалось выше, наиболее приемлемым на сегодняшний день устройством детей, оставшихся без родительского попечения, считается семья. Именно поэтому, закон предусматривает три формы воспитания детей, которые лишены родительского попечения, направленные на нахождение ребенка в семье, или, иными словами, семейные формы воспитания детей. Кабинет Министров Азербайджанской Республики может установить другие формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Устройством детей можно считать передачу органом опеки и попечительства ребенка под опеку или на усыновление, или в приемную семью. Законное представительство несовершеннолетнего при этих формах воспитания осуществляется, соответственно, усыновителями, опекунами (попечителями) или приемными родителями.

Традиционно, изучение форм воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, начинают с усыновления, т. к. именно оно определено как наиболее схожее с родительскими правоотношениями. При усыновлении между ребенком и его будущими потомками, усыновителем (усыновителями), и его родственниками устанавливаются такие же правовые отношения, как и предусмотренные законом для родителей и детей. Под усыновлением понимается общественное отношение, суть которого сводится к тому, что в семью принимается посторонний ребенок с целью содержания и воспитания как своего родного сына или дочери [16].

Если ребенок поставлен на учет, как лишенный родительского попечения, в отношении него допускается усыновление, но только до достижения им совершеннолетия, если тому отвечают его интересы.

В соответствии со ст. 117 Семейного Кодекса Азербайджанской Республики, один и тот же ребенок не может быть усыновлен двумя лицами, если они не являются супругами. Супруг может усыновить своего внебрачного ребенка или ребенка другого супруга. Также, различные лица не могут усыновить братьев и сестер, за исключением случаев, когда усыновление отвечает интересам ребенка. Поэтому, на практике нередко можно встретить такое усыновление.

В законодательстве Азербайджанской Республики существуют определенные ограничения по субъектному составу, в частности, иностранные граждане или лица без гражданства могут стать усыновителями граждан Азербайджана только в случае, если этих детей невозможно передать на воспитание в семьи граждан Азербайджанской Республики, а также в случае, если родственники детей отказались их усыновить. Без разрешения Государственного Комитета по проблемам Семьи, Женщин и Детей усыновление азербайджанских граждан иностранцами не допускается.

Особое значение при усыновлении имеет согласие ребенка, которое является обязательным для всех детей старше 10 лет. При регулировании многих семейных правоотношений, десятилетний возраст ребенка связывают с его правом принимать решение относительно своего будущего. Органы опеки и попечительства детально анализируют побуждения детей, в целях чего привлекаются психологи и преподаватели. На наш взгляд, 10 лет для принятия столь важного решения — завышенный возраст, и поэтому, желательно было бы сократить его до 8 лет, так как восьмилетний ребенок, который уже ходит в школу и получает образование, может принимать окончательное решение относительно своих усыновителей. Закон устанавливает, что если до подачи заявления об усыновлении ребенок проживал в семье усыновителя и считает его своим родителем, усыновление может быть произведено без согласия ребенка (ст.124.6) Семейного Кодекса Азербайджанской Республики.

Во избежание злоупотреблений при усыновлении, т. е. институте, где «чужие дети становятся родными» Азербайджанское государство строго контролирует деятельность в данной сфере, в первую очередь, путем подробного установления условий и порядка усыновления в Семейном Кодексе Азербайджанской Республики. Существенное развитие в нем получили также правовые последствия усыновления и основания и порядок прекращения усыновления. Значимым является тот факт, что деятельность юридических и физических лиц устройству детей, оставшихся без попечения родителей, не допускается (ст.114.3). Устройством детей могут заниматься только уполномоченные на то органы исполнительной

власти. В противном случае, облаченные в благие намерения бесконтрольные действия, так называемых, «посредников» при усыновлении, вполне возможно, привели бы к завуалированной форме детского рабства.

В результате усыновления прекращается правовая связь между детьми и родными родителями и их родственниками, хотя существуют исключения из этого правила [14]. Например, в соответствии со ст. 129, несовершеннолетние, имеющие к моменту своего усыновления право на пенсию и государственное пособие, полагающиеся им в связи со смертью главы семьи, сохраняют это право и после усыновления.

Защищая интересы ребенка, Семейный кодекс Азербайджанской Республики предъявляет специальные требования к лицам, которые могут быть усыновителями. Это совершеннолетние лица обоего пола, состоящие в браке супруги, одинокие мужчины и женщины, для которых существуют следующие ограничения: они не могут быть признаны судом недееспособными, ограниченно дееспособными; они не могут быть лишены родительских прав или ограниченных судом в родительских правах; они не могут быть отстранены от обязанностей опекуна (попечителя) за ненадлежащее выполнение возложенных на него законом обязанностей; они не могут быть бывшими усыновителями в усыновлении, которое отменено судом по их вине; они не могут быть лицами, которые по состоянию здоровья не могут осуществлять родительские права. Помимо этого, лица, не состоящие между собой в браке, не могут совместно усыновить одного и того же ребенка. Иначе говоря, усыновить одного и того же ребенка могут только супруги, что представляет особую важность, т. к. усыновление ребенка не зарегистрировавшими брак лицами создает схожее по правовой природе положение, когда родители ребенка не оформляют своих отношений в отделах регистрации актов гражданского состояния. Как нам известно, государство старается сократить количество такого рода отношений, предоставляя лицам определенные льготы, в частности, в соответствии со ст. 9.3. СК АР, при беременности и рождении ребенка брак может быть заключен в день подачи заявления, в то время как обычная процедура заключения брака требует месячного срока ожидания между подачей заявления и непосредственной регистрацией брака.

Усыновление представляет собой искусственную попытку создания семейных отношений между посторонними друг другу людьми, и если она не удастся настолько, что жизнь ребенка в семье усыновителя становится невыносимой, усыновление приходится отменять даже при отсутствии вины с обеих сторон [7].

Следующей формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей является опека и попечительство.

В целях содержания, воспитания, образования, а также защиты прав и обязанностей детей опека и попечительство устанавливаются в следующих случаях: в случаях смерти родителей, лишения их родительских прав, ограничения их в родительских правах, признания родителей

недееспособными, болезни родителей, длительного отсутствия родителей, уклонения родителей от воспитания детей или от защиты их прав и интересов, в том числе при отказе родителей взять своих детей из учреждений социальной защиты населения, воспитательных учреждений, лечебных учреждений, родильных домов и других аналогичных учреждений, а также в других случаях отсутствия родительского попечения.

Институт опеки и попечительства основан на нормах не только семейного, но и гражданского права, а также административного права, т. е. по своей сути является комплексным [8].

В отличие от института усыновления, в полной мере регулируемого Семейным Кодексом, установление и прекращение опеки и попечительства над детьми определяются гражданским законодательством Азербайджанской Республики. Семейным и Гражданским Кодексом установлено, что опека устанавливается над детьми, не достигшими возраста четырнадцати лет, а попечительство — над детьми в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет.

Рассмотрим детально, какие субъекты могут быть назначены опекуном (попечителем) детей. Статья 137 СК АР указывает, что это только совершеннолетние и полностью дееспособные лица. При назначении ребенку опекуна (попечителя) важно учесть его нравственные и иные личные качества. Способность опекуна (попечителя) к выполнению своих обязанностей тоже имеет не последнее значение. Так, например лицам в преклонном возрасте тяжело было бы исполнять обязанности опекуна (попечителя), что должно учитываться при назначении их таковыми. Отношения между опекуном (попечителем) и ребенком и отношение к ребенку членов семьи опекуна (попечителя) являются существенным фактором при установлении опеки (попечительства). Желание самого ребенка учитывается по возможности, в отличие от усыновления, где оно обязательно с 10 лет. Это обусловлено тем, что опека и попечительство не порождают такой тесной связи между детьми и опекуном (попечителем), как усыновление, приравненное к кровному родству родителей и детей.

Закон ставит ограничения для назначения лиц опекунами (попечителями). Это, в первую очередь, лица, больные алкоголизмом или наркоманией. Также не могут быть опекунами (попечителями) лица, отстраненные от выполнения обязанностей опекунов (попечителей) и лица, ограниченные в родительских правах. Бывшие усыновители, если усыновление отменено по их вине, не в праве становятся опекунами (попечителями). Ограничения существуют и для лиц, которые по состоянию здоровья не могут осуществлять обязанности по воспитанию ребенка. Последнее, на наш взгляд, является излишним основанием, так как его широкое толкование может привести к ущемлению интересов ребенка, в частности, когда его опекуном мог бы быть назначен близкий человек, но в силу закона, он не может быть опекуном.

Согласно ст. 35.3. ГК АР, опекун или попечитель может быть назначен только с его согласия. Данное условие является императивным, так как принуждение к исполнению обязанностей опекуна или попечителя противоречит конституционным правам граждан, и тем самым может повлечь нарушение законных прав и интересов ребенка.

Еще одно отличие опеки и попечительства от усыновления заключается в органах, которые вправе отменить опеку и попечительство. Если усыновление может быть отменено только в судебном порядке, то опека (попечительство) отменяются органами опеки и попечительства при местных исполнительных властях. Происходит это по нескольким основаниям. Во-первых, в случаях возвращения несовершеннолетнего его родителям или его усыновления. Во-вторых, в случае помещения подопечного в воспитательное, лечебное учреждение, учреждение социальной защиты населения или другое аналогичное учреждение. В-третьих, это случаи ненадлежащего выполнения опекуном или попечителем лежащих на нем обязанностей, к которым закон относит использование опеки или попечительства в корыстных целях или оставление подопечного без надзора и необходимой помощи. И наконец, в-четвертых, это случаи волеизъявления самого опекуна (попечителя) при наличии у него уважительных причин, таких как различного рода заболевания, существенное изменение имущественного положения или сложные отношения с ребенком, над которым установлена опека (попечительство).

Прекращение опеки или попечительства может быть связано с другими юридическими фактами, но, в этих случаях, дополнительного решения со стороны органов опеки и попечительства при местных исполнительных властях не требуется. Итак, в соответствии со статьей 38.6 Гражданского Кодекса Азербайджанской Республики, по достижении малолетним подопечным четырнадцати лет опека над ним прекращается, а физическое лицо, осуществлявшее обязанности опекуна, становится попечителем несовершеннолетнего без дополнительного решения об этом. В статье 38.7 указывается, что попечительство над несовершеннолетним прекращается без особого решения по достижении несовершеннолетним подопечным восемнадцати лет, а также при вступлении его в брак и в других случаях приобретения им полной дееспособности до достижения совершеннолетия.

Следует принять во внимание, что функции опекуна и попечителя исполняются привлеченными лицами безвозмездно, если иное не установлено в законе. Это, однако, не исключает возможности, в случае наличия у подопечного доходов, использования их на расходы, необходимые для содержания подопечного. Доходы подопечного физического лица должны расходоваться исключительно в интересах подопечного и с предварительного разрешения органа опеки и попечительства. Случаи отсутствия доходов у подопечного Гражданским Кодексом Азербайджанской Республики не урегулированы. Ответ на этот вопрос дает

нам Семейный Кодекс, где в статье 141.6 говорится, что на содержание ребенка опекуну (попечителю) ежемесячно выплачиваются материальные средства, установленные государством. Поэтому, напрашивается вывод о том, что опекун (попечитель) назначается именно в целях обеспечения семейного воспитания ребенка, а не его содержания, которое осуществляется или за счет самого ребенка, или за счет государства. На наш взгляд, статьи 136.1 и 141.6 Семейного Кодекса Азербайджанской Республики нужно привести в соответствие друг с другом.

Следующей, последней формой воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, предусмотренной законом, является приёмная семья. Кабинет Министров Азербайджанской Республики вправе установить иные формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, но на практике такой необходимости пока не возникает.

Порядок организации приемной семьи в контексте, который отражен в Семейном Кодексе Азербайджанской Республики, предполагает, в первую очередь, заключение договора о передаче ребенка на воспитание. Указанный договор заключается между органом опеки и попечительства и приемными родителями (супругами или отдельными гражданами, желающими взять ребенка на воспитание в семью) (статья 142 Семейного Кодекса Азербайджанской Республики).

Как и в предыдущих формах воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, возраст лица, которое передают в приемную семью, не должен превышать 18 лет. В качестве приемных родителей могут выступать лица, у которых отсутствуют ограничения, предусмотренные для опекунов (попечителей) и усыновителей.

Далее, требуется определить, какой правовой природой обладает данный договор. В литературе по этому вопросу можно встретить различные мнения: некоторые авторы относят этот договор к семейно-правовым договорам, другие полагают, что он относится к разновидности трудовых договоров [10], а третьи полагают, что это гражданско-правовой договор [11]. На наш взгляд, данная категория договоров носит гражданско-правовой характер. Его следует рассматривать как срочный, взаимный, возмездный, фидуциарный и каузальный [15].

Договор о передаче ребенка на воспитание в семью своим предметом имеет оказание услуг по содержанию, воспитанию и образованию приемного ребенка. Т. е., услуги по исполнению «родительских функций». Говорить о возникновении трудовых отношений здесь достаточно сложно, несмотря на то, что в статье 143.1 говорится о «размере оплаты труда приемных родителей». Трудовые отношения предусматривают трудовой распорядок, график посещаемости, выходные и отпуск для его участников. Однако, в договоре о передаче ребенка (детей) на воспитание в семью указанные пункты отсутствуют, и их даже невозможно включить в виду природы отношений. Договор о передаче ребенка (детей) на воспитание в семью должен предусматривать права и обязанности приемных родителей (родителя) с одной

стороны и права и обязанности органа опеки и попечительства с другой стороны. Условия содержания, воспитания и образования ребенка являются существенными условиями этого договора, так как их обязательность установлена законодательством. Как и любой гражданско-правовой договор, договор о передаче ребенка (детей) на воспитание в семью должен содержать основания и последствия его прекращения. Договор прекращается или истечением предусмотренного в нем срока, или в результате расторжения одной из сторон. Инициаторами расторжения до окончания срока действия договора могут быть приемные родители, если у них имеются уважительные причины, такие как болезнь, изменение семейного или имущественного положения, отсутствие взаимопонимания с ребенком, конфликтные отношения между детьми. Орган опеки и попечительства может расторгнуть договор в случае возникновения в приемной семье неблагоприятных условий для воспитания и образования ребенка, или в случае возвращения ребенка в семью, а также, в случае усыновления ребенка. Было бы желательно предусмотреть в договоре санкции за неисполнение сторонами своих обязательств, но закон не ставит таких требований. Цена договора определяется

как «размер оплаты труда приемных родителей» и не подлежит согласованию между сторонами, потому что определяется законодательством, которое также может предусматривать льготы, предоставляемые приемным родителям в зависимости от количества принятых ими на воспитание детей.

После обретения независимости в Азербайджанской Республике постоянно проводились и продолжают проводиться мероприятия по созданию и улучшению условий жизни детей, оставшихся без родительского попечения. Законодательно предусмотренные формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, уже сами по себе являются передовым шагом в этом направлении. Мы также можем наблюдать налаживание непосредственных процессов данного рода деятельности государства в сфере семейно-правовых отношений. Но, несмотря на это, проблемы, связанные с воспитанием детей, оставшихся без попечения родителей, остаются злободневными. Для их решения нужно постоянно руководствоваться нормами о правах детей и их защите. Любое развитие личности, а тем более детей, лишенных родительского попечения, должно, по мере возможности, происходить в условиях семьи.

Литература:

1. Конституция Азербайджанской Республики 12.11.1995 г. // интернет-источник <http://www.taxes.gov.az/>
2. Семейный кодекс Азербайджанской Республики от 28.12.1999 // интернет-источник <http://www.taxes.gov.az/>
3. Гражданский Кодекс Азербайджанской Республики от 28.12.1999 // интернет-источник <http://www.taxes.gov.az/>
4. Конвенция «О Правах Ребенка» от 20.11.1989 г., ратифицированная Азербайджанской Республикой Законом №236 от 21.07.1992
5. Указ Президента Азербайджанской Республики о применении Закона Азербайджанской Республики «Об утверждении и вступлении в силу Семейного Кодекса и связанных с этим вопросов правового регулирования вступления в силу» от 06.03.2000 г. // интернет-источник <http://www.e-qanun.az/>
6. Указ Президента Азербайджанской Республики «О некоторых вопросах, связанных с применением Семейного Кодекса Азербайджанской Республики» №519 от 04.07.2001 г. // интернет-источник <http://www.e-qanun.az/>
7. Антокольская, М. В. Семейное право: учебник / М. В. Антокольская. — М.: Юристъ, 2006. — 638 с.
8. Гражданское право: Учебник. Том I / Под ред. доктора юридических наук, профессора О. Н. Садикова. — Юридическая фирма «Контракт»: «ИНФРА-М», 2006 г. — 561 с.
9. Дети-сироты: консультирование и диагностика / под ред. Е. А. Стреблевой. — М.: Полиграф-сервис, 2008. — 344 с.
10. Козлова М. Н. Гражданское право России. Краткий курс. Доп.тираж. Эксмо.2006. — 336 с.
11. Михеева Л. Правовое регулирование патронатного воспитания детей. // Российская юстиция, 2003, №7.
12. Очерки о развитии детей, оставшихся без родительского попечения / под ред. М. Н. Лазутовой. — М.: Инфра-М, 2005. — 312 с.
13. Постатейный научно-практический комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / под ред. А. М. Эрделевского. — М.: Волтерс Клувер, 2006. — 557 с.
14. Рузакова О. А. Семейное право: учебник / Рузакова О. А. М.: Юристъ 2010. — 204 с.
15. Сергеев А. П. Гражданское право. Учебник Том 1. 6-е изд. С грифом М О. Учебник. Проспект. — М.: 2005. — 758 с.
16. Тресцова Е. В. «Развитие института усыновления в новых экономических условиях» // Семья в новых социально-экономических условиях — Н.Новгород, 2006, 150 с.

Административно-правовое регулирование в сфере СМИ в современных условиях

Гультяев Станислав Владимирович, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассмотрены вопросы становления и текущее состояние административно-правового регулирования в сфере СМИ. Работа может быть полезна для специалистов, работающих с правовыми аспектами функционирования СМИ.

Ключевые слова: *СМИ, медиарегулирование, административное право, цензура, законодательство.*

Распространяя сообщения и материалы, и, создавая таким образом информационную повестку, средства массовой информации воздействуют на общественное мнение, взгляды, настроения, во многом определяя поведение отдельных людей, социальных групп и общества в целом. Таким образом, формируя взгляды людей на реалии окружающего мира, СМИ представляют собой основной инструмент социальной регуляции современного социума. Крупнейшие международные правовые институты, в частности, Комитет по правам человека Организации Объединённых Наций неоднократно акцентировали внимание на том, что наличие независимых национальных СМИ представляет собой неизменный атрибут любого государства, поскольку призваны защищать одно из ключевых прав закреплённых в Международном Пакте о гражданских и политических правах — право на свободу выражения мнения [1].

В сфере общественной жизни, связанной со СМИ, вовлечено большое количество различных по функциональному проявлению участников, между которыми существуют самые разнообразные связи. Их совокупность образует целостный комплекс взаимоотношений, требующий государственно-правового воздействия. В России к настоящему моменту сформировалась достаточно устойчивая система регулирования, обладающая сложной административно-правовой организацией.

С переходом современной глобальной цивилизации к этапу развития, получившему название «информационное общество», сфера массовой информации стала одной из самых быстро развивающихся в общественной жизни большинства стран мира. Сегодня многие исследователи указывают, что технологии в сфере массовой информатизации и коммуникации переживают настолько стремительные трансформации, что механизмы их правового регулирования не всегда успевают за изменениями [3, с. 15].

Периодический анализ ситуации в связи с происходящими трансформациями в сфере массовой информации и их административно-правовом регулировании позволяет актуализировать нормативную базу, а также определять вектор дальнейшего развития данной отрасли права.

В России медиарегулирование (включая его исторически более ранние формы) имеет достаточно глубокие традиции. Первые попытки публичного (как светского,

так и церковного) регулирования отношений в сфере книгопечатания встречаются еще в допетровский период и обусловлены главным образом борьбой государства и официального духовенства с ересью.

В XVIII-XIX вв. происходит разновекторное изменение законодательной политики от ужесточения цензурной политики к ее либерализации и наоборот. Зачастую колебания государственной политики были связаны с личностями императоров (правителей), политическими событиями в странах Западной Европы и в самой России. Государство на протяжении XIX столетия остается важнейшим регулятором общественных отношений в данной сфере, жестко определяющим правила поведения всех субъектов. Последствием жесткой императивной цензурной политики становится кризис отечественной печатной индустрии, ее отставание от бурно растущих и развивающихся европейских рынков печатной продукции.

Советский период государственного регулирования деятельности СМИ характеризовался значительным административным аппаратом, осуществлявшим систематический цензурный контроль в стране. В то же время к моменту разрушения Советского Союза в стране было сформировано колоссальное по масштабам медиапространство. В государстве издавались тысячи газет, выпускались сотни теле- и радиопередач ежегодно самой разной тематики (политической, развлекательной, познавательной, детско-юношеской и другой направленности) на десятках языков [2].

Новейший этап развития законодательства о СМИ обусловлен политическими изменениями в жизни нашего общества и государства в 1991 г. Конституционный запрет цензуры, установление идеологического многообразия и политического плюрализма привело к зарождению современной российской медиасистемы, задавшей качественно новые параметры законодательного регулирования сферы массовой информации в России. За последние годы произошло лавинообразное увеличение законодательного массива в сфере медиарегулирования. Однако государство по-прежнему признает закреплённые в Конституции РФ права и свободы в области СМИ, составляющие фундамент нормального демократического общества, в целом обеспечивает функционирование свободного медиапространства.

В наши дни большинство правовых норм, применяемых в целях нормативно-правового регулирования сферы СМИ, относятся к сфере гражданского права. Эти нормы регулируют широкий круг общественных отношений, складывающихся в сфере медиа (включая правовое положение субъектов медиаотношений (журналистов, редакций, учредителей СМИ и т. д.), основания возникновения и порядок осуществления вещных прав и прав на результаты интеллектуальной деятельности, корпоративные, обязательственные отношения и т. д.). Данный перечень во многом совпадает с кругом отношений, прямо отнесенных статьей 2 Гражданского кодекса Российской Федерации к предмету гражданско-правового регулирования, по сути, представляя особую их разновидность [2].

Современное отечественное законодательство в сфере СМИ можно считать развитым. Оно представлено значительным количеством нормативно-правовых актов и дополняется международными источниками права. Базовые принципы, связанные с правами и свободами гражданина, закреплены в Конституции РФ. Одним из таких прав является право свободно выражать свои мысли, а также свободно искать, получать и распространять информацию любым законным способом. Положения Конституции последовательно раскрываются в федеральных конституционных законах, федеральных законах, кодексах, Указах Президента Российской Федерации, Постановлениях Правительства Российской Федерации, ведомственных и региональных нормативных документах.

Литература:

1. «Международный пакт о гражданских и политических правах» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 20.05.2019).
2. Ульбашев А. Х. Основы медиарегулирования: учебно-практическое пособие. — М.: Инфотропик Медиа, 2017. — 244 с.
3. Городнова Е. А. Некоторые тенденции трансформации сми в информационном обществе // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. — 2016. — №2. — с. 15.

Концепция прав и свобод в трудах Жан-Жака Руссо

Егоянец Жанна Артуровна, студент;
 Ершова Мария Владимировна, студент
 Саратовская государственная юридическая академия

Жан-Жак Руссо является одним из великих мыслителей предреволюционной Франции. Ему принадлежат рассуждения о происхождение и основаниях неравенства между людьми, идеи социальной справедливости. Кроме того, он является теоретиком договорного происхождения государства и теоретиком народного суверенитета [1].

Стоит отметить многообразие произведений, написанных Жан-Жаком Руссо. Основными работами, отражающими его политические, правовые идеи являются: «Рассуждение о происхождение и основаниях неравенства между людьми» (1774 год), «Об общественном договоре» (1762 год), «О политической экономии» (1755 год), «Рассуждение о науках и искусствах» (1750 год).

Особое внимание Жан-Жак Руссо уделил теории естественного состояния и возникновению государства. Он опровергнул ранее существовавшую теорию, которая была выдвинута посредниками школы естественного права и представил аргументы для выдвижения новой теории естественного состояния как состояния дикости. Жан-Жак Руссо отверг теорию Гроция о том, что есте-

ственный человек имеет потребность в общении с людьми и о том, что человек для взаимодействия с другими людьми должен жить в обществе.

Данный вопрос остро стоял еще во времена античности. Стоики в своих учениях также подчеркивали, что человек по своей природе склонен к социальным взаимоотношениям. Согласно стоикам, первоначальное естественное состояние было «мирным союзом». А эпикурейцы подчеркивали, что человек по своему естеству асоциален. Для них естественное состояние — это война каждого против всех. Несмотря на кардинальные идеи представителей данных школ, они сошлись во мнении, что в начале люди были свободны и равны, как с политической, так и с экономической точки зрения.

Сущность естественного состояния проявляется в равенстве. Жан-Жак Руссо утверждал, что в естественном состоянии человек обладает всем необходимым, у него есть лишь малые потребности, в связи с чем нет взаимодействия с другими людьми, нет нравственных отношений между ними и соответственно нет вражды. Также он говорит, что в естественном состоянии нет понятий о добре

и зле, не существует добродетелей и пороков. Главная цель человеческого бытия — стремление к человеческому самосохранению.

Однако положения теории естественного состояния Руссо противоречат изложенным им мыслям в статье «Политическая экономия», написанной для Энциклопедии в 1755 г., в которой Руссо утверждает, что частная собственность самое священное право человека, может быть, более священное, чем сама свобода.

Жан-Жак Руссо говорит о том, что естественный человек живет страстями и не следует рассудку. Однако с развитием общества развивается и разум человека. Возрастают и потребности человека, для удовлетворения которых возникает необходимость вступать в разнообразные отношения с людьми. В связи с чем появляется борьба интересов, возникают конфликтные ситуации.

Как следствие у людей появляются интересы материального характера и остро встает вопрос о частной собственности, что служит поводом для возникновения государства. Таким образом, появляется первая форма социального неравенства — имущественное неравенство, что подразумевает деление общества на богатых и бедных. Между двумя классами ведется борьба. Целью богатых является сохранность своей собственности и увеличения своего материального состояния. Богатые желают поработить бедных, чтобы последние не посягали на их имущество. Для этого обманым путем предлагают заключить общественный договор и создать аппарат публичной власти. В результате общественного договора возникло государство и новый вид социального неравенства — политическое: между правящими и управляемыми.

Третьей формой неравенства является установление в государстве деспотической власти. Необходимо политическое решение, направленное на восстание и создание нового государства, призванного обеспечить свободу и равенство на основе нового общественного договора.

Насущным остается вопрос, связанный с частной собственностью. Ее невозможно уничтожить, однако следует установить законодательно закрепленные ограничения. Также, общественное достояние должно возрастать.

Суть общественного договора — суверенитет народа [2]. Сувереном всегда является только народ, есть нечто иное как коллективное существо, осуществляющее законодательную власть непосредственно. Каждый человек должен подчиняться только закону для того, чтобы оставаться свободным.

Несмотря на то, что Новгородцев считает значимым учения о суверенитете народа, он в тоже время совместно с другими представителями русского либерализма XX

века, такими как Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, Г. Д. Гурвич показывает ограниченность концепции народного суверенитета в интерпретации Руссо [3]. Понятие неотчуждаемых прав личности противоречит понятию «общей воли», а неотчуждаемые права личности противоречат абсолютному народоправству, общественное мнение есть только путь к образованию справедливого закона, общая воля может воплотиться только в маленьких патриархальных государствах.

Особенный интерес проблема общей воли и воли всех вызывает в связи с революционными событиями 1917 года, когда мыслители видят на практике неоднозначные последствия реализации воли народа [4].

Не случайно статья Н. А. Бердяева названа «Об истинной и ложной народной воле», в ней он ведет спор с Руссо. Для Бердяева народная воля является только волей всех, общая воля народа не может быть выражена самим народом, не может быть выражена и Учредительным собранием. Как и представители консервативной мысли, Бердяев резко критикует парламентаризм и формальную демократию.

Политический идеал для Жан-Жака Руссо — республика, основанная на имущественном равенстве. Он также считал, что монархия целесообразна для больших государств, аристократия — для средних, демократия — для небольших. Приведенные идеи Руссо по поводу лучшей формы правления нельзя анализировать на примере современного общества в целом [5]. На сегодняшний день неопровержим тот факт, что в современных монархиях уровень и качество жизни выше, чем в некоторых республиках. Более того, в отличие от ряда республик, в европейских монархиях имеет место высокий уровень демократии и строгое соблюдение прав человека. Он является сторонником непосредственной демократии без политических партий. Стоит отметить, что он критикует представительную демократию и критикует теорию государственного суверенитета.

Таким образом, основным вкладом Жан-Жака Руссо является обоснование необходимости предоставления права принять закон народу. Также он рассмотрел вопрос о социальном равенстве и его разрешении на законодательном уровне [6]. Важным аспектом является и то, что идеи Жан-Жака Руссо были в последующем отражены в НПА. Принятая в 1789 году декларация прав человека и гражданина закрепила в статье 1, что «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах», в статье 2: «Цель всякого политического союза — обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека». Они также были перефразированы и в Конституции Франции 1791 г. и 1793 г.

Литература:

1. Алексеев-Попов В. С. О социальных и политических идеях Жан-Жака Руссо. // Руссо Ж. — Ж. Трактаты. — М., 1969. — с. 487–554.
2. Евгеньев-Максимов В. Апостол свободы и социальной справедливости // Жизнь для всех. 1912. — №8. — Стб. — С.1199–1211.

3. Герман Л. Памятник революционно-политической мысли XVIII века // Книга и пролетарская революция. 1938. — № 10–11. — с. 94–100. // Рец. на: Жан-Жак Руссо. Об общественном договоре, или принципах политического права. — М.: Соцэкгиз, 1938. — с. 124.
4. Бердяев Н. А. Об истинной и ложной народной воле // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. Опыты 1917–1918 гг. — СПб., 1999. — с. 264–274.
5. Дивильковский А. Наш 200-летний современник: (Ж. Ж. Руссо) // Современный мир. 1912. — №9. — с. 234–245.
6. Живов В. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. — 2008. — №91. — с. 114–140.

Проблемы института возвращения уголовных дел для дополнительного расследования

Елисева Дарья Александровна, студент магистратуры
Петрозаводский государственный университет

В России в первой половине XIX века были заложены основы института возвращения уголовных дел для дополнительного расследования, что свидетельствовало о развитии уголовного процесса по направлению защиты прав и свобод человека и гражданина.

На протяжении двух столетий настоящий институт формировался, развивался и изменялся в целях обретения своей идеальной формы, обеспечивающей интересы всех участников уголовного судопроизводства. Однако на данный момент законодатель так и не смог создать совершенную модель института возвращения уголовных дел для дополнительного расследования, что обуславливает существование различных проблем, которые ежедневно встречаются в процессе правоприменительной деятельности и требуют безотлагательных решений.

Сущность института заключается в устранении препятствий для рассмотрения судом уголовного дела и вынесение по нему законного, обоснованного и справедливого решения. Институт возвращения уголовных дел для дополнительного расследования обеспечивает такие принципы уголовного судопроизводства как: защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; законность; осуществление правосудия только судом; независимость судей; охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве; презумпция невиновности; состязательность сторон; обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту и свобода оценки доказательств. Институт направлен на реализацию большей части принципов как уголовного, так и уголовно-процессуального права, именно поэтому он является одним из важнейших механизмов уголовного судопроизводства. Также институт возвращения уголовных дел для дополнительного

расследования не только защищает личность от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод, он также направлен на изобличение виновного лица и назначение ему справедливого наказания.

Наиболее актуальными проблемами института возвращения уголовных дел для дополнительного расследования являются:

1) **Самостоятельность суда в принятии решений о возвращении дел для дополнительного расследования.**

2) **Типичны ошибки органов предварительного расследования, являющиеся причиной возвращения уголовных дел для дополнительного расследования.**

Вопрос самостоятельности суда в принятии решений о возвращении дел для дополнительного расследования стал проблемным после принятия в 1960 года Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, статья 232 которого, предоставляла суду инициативу (без участия сторон уголовного судопроизводства) в решении вопроса о возвращении уголовного дела. В силу отсутствия инициативы сторон в решении вопроса о возвращении дел для дополнительного расследования, инициатором в большинстве случаев выступал сам суд, в связи с чем стало распространённым мнение о том, что состязательный процесс стал склоняться в сторону обвинительного, а публичность суда стала чрез чур преувеличенной [1, 2].

Попыткой решения вышеуказанной проблемы стало Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 N7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно — процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород», согласно которому положения пп. 1 и 3 ч. 1 ст. 232 и ч. 1 ст. 258 УПК

РСФСР, как возлагающие на суд обязанность по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору, были признаны не соответствующими ч. 1 ст. 46, ст. 49, 52 и ч. 3 ст. 123 Конституции РФ [3,4].

Но такая позиция решения обозначенной проблемы не стала окончательной, и, уже в рамках принятого в 2001 году Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации было вынесено Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. N16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда», согласно которому положения ч. 1 ст. 237 УПК РФ были признаны не соответствующими ст. 10, ч. 1 ст. 17, ч. 1, 2 ст. 19, ч. 1 ст. 21, ст. 45, ч. 1, 2 ст. 46, ч. 3 ст. 55, ч. 1, 2 ст. 118 и ч. 1 ст. 120 Конституции РФ, в той мере, в какой эти положения в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с частью второй статьи 252 УПК РФ, препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления [5].

Так на данный момент судам опять была возвращена самостоятельность в принятии решения о возвращении дел для дополнительного расследования.

Таким образом в настоящее время остается актуальной проблема инициативности суда в решении вопроса о возвращении дел для дополнительного расследования, данная проблема включает в себя следующие аспекты:

1) Судебная практика преднамеренно пошла по пути направления дел на дополнительное расследование по своей инициативе вне зависимости от желания сторон процесса, в целях реализации интересов государства, направленных на укрепление законности и правопорядка, предупреждение и искоренение преступности, что в свою очередь вызвало обвинительный характер судопроизводства в нарушение принципа разграничение судебной функции разрешения дела и функции обвинения, а также принципа состязательности и равноправия сторон.

2) Надуманность факта чрезмерной судебной инициативности, ввиду отсутствия заинтересованности сторон процесса, а также нежелание их проявлять собственную инициативу ввиду субъективных факторов.

3) Реализация судами своего права на самостоятельную и независимую деятельность по отправлению правосудия, а именно по принятию решения по собственному внутреннему убеждению в рамках закона и профессионального правосознания, в условиях, исключающих постороннее воздействие на них.

Типичными ошибками органов предварительного расследования, являющимися причиной возвращения уголовных дел для дополнительного расследования — являются технические ошибки. Такие ошибки чаще всего встречаются в написании времени, дат, данных о лицах, местах совершения преступлений и производства следственных действий; также они заключаются в отсутствии каких-либо сведений, наличие ошибочных данных; некорректность или неполнота изложения фактических обстоятельств дел и так далее. Такие ошибки, в отличие от первой актуальной проблемы, в большинстве случаев не затрагивают интересы участников уголовного судопроизводства, но при этом являются одной из главных причин возвращения дел для дополнительного расследования.

Решение этой проблемы основывается на проведении профилактических мероприятий, направленных на внедрение различных многоуровневых систем изучения уголовных дел до направления их прокурору или в суд с составлением справок об изучении уголовного дела, где должны быть указаны выявленные при проверке уголовных дел недостатки, пути их решений и сроки исправлений; снабжение рабочих компьютеров сотрудников предварительного расследования автоматическими информационными поисковыми системами с актуальными сведениями и изменениями законодательства. Возможно применение кадровых постановок лиц, не справляющихся с возложенными на них обязанностями, а также ужесточение требований к знаниям уголовного законодательства кандидатами, впервые поступающими на службу.

Институт возвращения уголовных дел для дополнительного расследования продолжает развиваться и совершенствоваться под воздействием судебно-следственной практики, общественных и государственных интересов и потребностей, постепенно преодолевая обозначенные проблемы, институт с одной стороны стремится обрести свою совершенную форму, а с другой стороны обозначить новые актуальные вопросы.

Литература:

1. Михайлов А. А. Возвращение судом уголовного дела для дополнительного расследования: 150 лет истории, теории, практики // Уголовная юстиция. 2014. № 1(3). С. 33–34.
2. УПК РСФСР 1922 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справ. правов. система / Компания «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — [Москва], cop. 1997. — URL: <http://www.consultant.ru>. — (Дата обрац. 25.09.2018).

3. Штекеров К. И. Возвращение уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ: Эволюция и современное состояние института // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 290–291.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 N7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно — процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справ. прав. система / Компания «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — [Москва], cop. 1997. — URL: <http://www.consultant.ru>.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. N16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справ. прав. система / Компания «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — [Москва], cop. 1997. — URL: <http://www.consultant.ru>.

Противодействие коррупции как основная задача деятельности прокуратуры Российской Федерации

Залитдинов Темирлан Камалутдинович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В работе автором анализируются некоторые вопросы противодействия коррупции как основной задачи деятельности прокуратуры. Противодействие коррупции является важным направлением в становление правового государства. Именно противодействие коррупции служит гарантом пресечения неправомерных действий со стороны должностных лиц. Автор выявляет проблемные вопросы прокурорского надзора с сфере противодействия коррупции, предлагает регламентации по их устранению.

Ключевые слова: прокуратура, коррупция, противодействие, правовое государство.

Counteraction of corruption as the main task of the activities of the prosecutor's office of the Russian Federation

The author analyzes some issues of anti-corruption as the main task of the prosecutor's office. Anti-corruption is an important direction in the formation of the rule of law. It is anti-corruption that serves as a guarantor for the prevention of unlawful actions by officials. The author reveals the problematic issues of prosecutorial oversight in the sphere of combating corruption, proposes regulations for their elimination.

Keywords: prosecutor's office, corruption, counteraction, the rule of law.

Коррупция на современном этапе является наиболее негативным проявлением противоправной деятельности в органах государственной власти и в сфере государственного управления.

Несмотря на то, что в России существует сильная правовая база и организационная структура противодействия коррупции, данное опасное явление в значительной мере затрудняет функционирование конституционно-правовых механизмов.

Так, согласно правовой статистике, за 2017 год зарегистрировано 3188 преступления, предусмотренные ст. 290 УК РФ, также 2272 преступления, предусмотренные ст. 291 УК РФ [1]. Данные статистические данные пока-

зывают, что в России совершается достаточно большое количество коррупционных преступлений.

Коррупция приобрела в настоящий момент такой масштаб, что стала угрожать национальной безопасности всего государства. Это привело к тому, что противодействие коррупционным фактором стало важным элементом внутригосударственной политики [6].

В связи с указанным, деятельности прокуратуры по противодействию коррупции являются востребованной и актуальной.

Противодействие коррупции — это деятельность органов власти, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий по

профилактики коррупции, борьбе с коррупцией и по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Одним из главных и важнейших государственно-правовых институтов, призванных бороться с коррупцией в органах государственной власти и в сфере управления, являются органы прокуратуры.

Согласно законодательству России, прокуратура РФ — это единая система федеральных централизованных органов, которые от имени России осуществляют прокурорский надзор за соблюдением законности на территории страны.

Таким образом, одним из направлений прокуратуры является противодействие коррупции в РФ и ряд полномочий в сфере административного принуждения за несоблюдение законов, содержащих положения о противодействии коррупции.

В целях реализации законодательства о противодействии коррупции прокуратура Российской Федерации осуществляет такие действия, как: выявление коррупционных действий; надзор за соблюдением законодательства при проведении оперативно-розыскных действий по делам коррупционной направленности; поддержку государственного обвинения в стадии судебного производства по уголовным делам в сфере коррупции; надзор за соблюдением уголовно-процессуального законодательства в процессе расследования коррупционных преступлений; анализ и мониторинг за исполнением законодательства по борьбе с коррупцией и т.д. [2].

Основной деятельностью прокуратуры в борьбе с коррупцией выступает прокурорский надзор. Именно средствами прокурорского надзора выявляются и предупреждаются различного рода правонарушения.

Кроме того, для противодействия коррупции прокуратура осуществляет координационную деятельность правоохранительных органов и антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов.

Литература:

1. Портал правовой статистики // <http://crimestat.ru/> (дата обращения 21.11.2018).
2. Зиновик М. Н. Повышение эффективности координации прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: теория и практика сборник научных статей. 2017. С. 104–113.
3. Беловецкий Д. Д. Административная ответственность за неисполнение обязанностей, нарушение запретов и ограничений, установленных в целях предупреждения коррупции // Административное право и процесс. 2017. № 7.
4. Цирин А. М. Критерии распространения антикоррупционных запретов, ограничений и обязанностей, установленных в отношении государственных корпораций и компаний, на их дочерние организации // Журнал российского права. 2017. № 12.
5. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 30.10.2018) «О противодействии коррупции» // Российская газета, № 266, 30.12.2008.
6. Распоряжение Правительства РФ от 29.01.2019 № 98-р «Об утверждении Программы по антикоррупционному просвещению обучающихся на 2019 год» // Собрание законодательства РФ, 04.02.2019, № 5, ст. 440.

Рассмотрев основные положения заявленной темы, хотелось бы выделить ряд проблемных вопросов.

Так, следует отметить, что в науке авторами высказывается, что остаются нерешенными организационные и методические вопросы, связанные с деятельностью организаций по профилактике коррупции [3], что также сказывается на результативности прокурорского надзора в данной сфере [4]. В этой связи видится необходимым издание подзаконного нормативного акта, регламентирующего порядок выполнения предписаний ст. 13.3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [5].

Кроме того, отсутствие утвержденной на федеральном уровне надлежащей методики проведения антикоррупционной деятельности не может гарантировать качественное выполнения поставленных задач. В связи с этим мы считаем необходимо разработать и утвердить точные рамки полномочий прокуратуры по противодействию коррупции.

Также, нам представляется, что прокурорский надзор не всегда может определить коррупционные факторы.

Таким образом, мы считаем, что в органах прокуратуры необходимо ввести обучение по вопросам профилактики коррупции.

Так, для организации эффективной деятельности прокуратуры в сфере противодействия коррупции необходимо выделение дополнительных финансовых ресурсов. В силу того, что даже хорошо организованные мероприятия, направленные на предупреждение коррупционных правонарушений, оказываются не столь эффективными, если они надлежащим образом не профинансированы из государственного бюджета.

Подводя итог работе, можно сделать вывод, что устранение проблемных аспектов поможет наладить и регламентировать деятельность прокуратуры по противодействию коррупции.

Соотношение понятий «свобода» и «права человека»

Казарян Эрик Арамович, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Проблема прав и свобод является одной из наиболее древних и дискуссионных. На протяжении длительного времени вопрос терминологического соотношения двух данных понятий волновал многих учёных и мыслителей.

Важно с самого начала отметить, что право многогранный социальный феномен, который следует рассматривать с различных сторон: как общественный регулятор или же в качестве субъективного права. Как пишет А. В. Корнев: «Именно субъективное право абсолютно верно связывается со свободой, ибо это мера свободы» [1, с.113].

За весь длительный процесс государственной и общественной эволюции люди пришли к наиболее полному пониманию данных категорий. В связи с появлением и развитием принципа признания прав и свобод высшей ценностью появляются особые механизмы их защиты, как на национальном, так и на международном уровне.

Данная проблема имеет довольно богатую историю. Так, свобода, как политико-юридический термин, который был признан каким-либо государством появился сравнительно недавно, а именно в XVIII веке в Французской декларации прав и свобод человека и гражданина 1789 года, которая была принята после Великой Французской революции. Великая французская революция — это важное историческое событие, результат кровавой борьбы людей за свои права и свободы. 1789 год является точкой, с которой началось появления новых тенденций развития государств. Как и у любой другой революции ключевую роль в ней сыграла идеологическая основа. В Великой Французской революции ею выступила естественно-правовая школа права. Можно сделать вывод, что уже с XVIII века люди стали задумываться о двух данных категориях, как о занимающих центральное место в государственно-правовой действительности

Несмотря на довольно раннее появление данной категории, свои позиции по данному вопросу выразили многие ученые.

В их числе и профессор А. В. Корнев, который в своей статье выражает мнение, что свобода — возможность субъекта проявлять свою волю в рамках законов развития социальных и природных систем

Известный французский мыслитель Констан де Ребек Бенжамен Анри рассматривает данный вопрос в историческом аспекте. Публицист отразил свои размышления о свободе в книге «О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей» и пришел к следующему выводу: «Целью древних было разделение общественной власти между всеми гражданами страны. Это-то они и называли свободой. Цель наших современников — без-

опасность частной сферы; и они называют свободой гарантии, создаваемые общественными институтами в этих целях» [2, с.383]. Данное высказывание следует рассматривать в контексте социальной организации первобытного общества, когда частной сферы, как таковой и не было. Но с её появлением условия, при которых возможна её защита, и стала называться свободой.

Необходимо отметить, что многие ученые рассматривали термин свобода и до 18 века, но они смотрели на содержание данного термина не с политико-юридической стороны, а скорее, с философской. Причем понимание этой самой свободы менялось вместе с коренными изменениями в структуре и взглядах самого общества: от божественного предопределения свободы, то есть религиозной сущности, со временем политико-правовая мысль пришла к пониманию связи правопорядка и свободы, что находит отражение в трудах учёных, в частности в философии И. Канта. И ещё Гегель отмечал, что свобода является категорией проявляющаяся прежде всего в праве [3, с. 339]

Схожую мысль выразил и доктор юридических наук В.С. Нерсесянц, который считает, что какой-либо другой формы бытия и выражения свободы в общественной жизни людей, кроме правовой, человечество до сих пор не изобрело [4, с.3]. Трудно не согласиться с данной позицией. Вряд ли человечество изобретёт в будущем внешнее выражение свободы прогрессивнее, чем право. Это кажется не только невозможным реализовать практически, но и не целесообразным.

Очень точно определил значение свободы профессор А.Е. Дик Ховард: «Необходима свобода, чтобы верить в замыслы, следовать выбранной религии, участвовать в духовных и полноценных дебатах, оценивать конкурирующие идеи, понимать прошлое, пользоваться настоящим и представлять себе будущее». С помощью обширного комплекса свобод мы реализуем наши интересы, он дает нам возможность полноценно взаимодействовать с другими членами общества [5, с.55].

Права и свободы получили довольно широкую правовую регламентацию, как на национальном уровне, так и на международном. Так, действует Конвенция о защите прав человека и основных свобод, которая в своей первой статье закрепляет обязанность всех сторон, подписавших договор не нарушать права, закреплённые в документе. В российском законодательстве ключевым документом является, конечно, Конституция РФ. Как и во многих других демократических государствах, она уделяет отдельное внимание правам и свободам. Они находят своё отражение в 2 главе «Права и свободы человека и гражданина». Следует отметить, что даже законодатель про-

водит различие между двумя данными правовыми категориями. Права и свободы, заявленные в Конституции, конкретизируются в федеральных законах. Таковыми являются Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Закон РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» и др.

В позитивном праве еще во времена Древнего Рима термин свобода использовался в значении физической свободы, и люди в соответствии с этим критерием делились на рабов и свободных, в Конституции РФ свобода употребляется в 2-х значениях, а именно свобода как физическое состояние, как например в пункте 3 статьи 32, в которой говорится о лишении свободы или же свобода, как возможность что-либо делать. Данное различие связано с особенностями русского языка. Так, если взять в качестве примера английский язык, то эквивалентом русскому слову свобода будет 2 слова «liberty» и «freedom». Одно в значении физической свободы, а другое в отношении выбора модели поведения.

Для того чтобы понять, в чем же разница между правами и свободами, необходимо сравнить 2 формулировки, которые мы можем наблюдать в Конституции СССР и в Конституции РФ. Так в статье 40 мы можем наблюдать следующую формулировку: «Граждане СССР имеют право на труд, — то есть на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством и не ниже установленного государством минимального размера, — включая право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей».

Таким образом, в советской Конституции право на труд трактуется как гарантированное трудоустройство. Необходимо отметить, что в данных правоотношениях непосредственной стороной является само государство. У человека нет свободы труда, ему не дается свобода выбрать будет он работать или нет. В вышеупомянутом документе мы можем обратиться к 60 статье, где закрепляется уже обязанность человека: «Обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина СССР — добросовестный труд в избранной им области общественно полезной деятельности, соблюдение трудовой дисциплины. Уклонение от общественно полезного труда несовместимо с принципами социалистического общества». Как мы видим право на труд в данном случае лишает человека какой-либо автономии в своей деятельности

В Российской же Конституции права на труд уже нет, и мы наблюдаем совершенно иную формулировку, связанную с провозглашением свободы труда. Так, пункт 1 статьи 37 гласит: «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию» [6].

Свободу труда следует понимать, как возможность выбора, будет ли человек работать или нет. В данном случае государство не является субъектом правоотношений. Оно

обязано вмешаться только лишь, если свобода будет каким-либо образом ограничена. Употребляя данную формулировку, законодатель снимает с себя обязанность обеспечить своих граждан работой. Но в то же время, государство даёт большую степень самоопределения. Как бы то странно не звучало, в демократическом государстве не должно быть права на труд в значении, в котором оно употребляется в конституции СССР. Это можно расценить как ограничение свободы в выборе своей деятельности. В демократическом государстве правительство должно стимулировать развитие государства преимущественно экономическими методами.

С данной статьей тесно связан пункт 1 статьи 34: «Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Человек не может осуществлять предпринимательскую деятельность без вмешательства государства». Как мы видим в данной статье экономическая деятельность это уже скорее право, нежели свобода. Это связано с тем, что люди не смогут реализовать свою возможность заниматься предпринимательской деятельностью без вмешательства государства. Законодателем подробно регламентирован любой не запрещенный вид экономической деятельности. Регламентация включает в себя создание условий и гарантий для реализации данного права. Создаются определенные органы, уполномоченные контролировать весь процесс реализации данного права. Считается, что без помощи государства люди не смогли бы реализовать свой экономический потенциал.

В 1 пункте 29 статьи Конституции РФ провозглашается свобода слова и печати. Рассматривая данную свободу, необходимо понять, что для ее реализации человеку не требуется какое-либо обращение к государству в лице его органов, или какая-либо иная деятельность государства для реализации. Это естественная свобода, которая принадлежит каждому человеку от рождения. Оно ограничивается лишь в исключительных случаях, а именно, когда мы нарушаем свободу друг их людей, то есть когда речь идет о оскорблении, разжигании расовой или национальной вражды. Данное ограничение идет во благо личности и всего общества.

Несмотря на многие отличия друг от друга прав и свобод, есть и определенные сходства между этими двумя понятиями. Так, содержание двух данных категорий довольно похоже друг на друга. В обоих случаях речь идет именно о возможности выбора человека и гражданина. Довольно сильна защита со стороны государства и мирового сообщества. Разрешается ограничить права и свободы в исключительных случаях, только на основании закона или в некоторых случаях, если речь идет об одном человеке на основании судебного решения. Согласно пункту 3 статьи 56 Конституции ряд прав и свобод вообще не подлежит ограничению. В числе таковых: право на жизнь, право на неприкосновенность частной жизни, свобода совести и вероисповедания.

Анализируя все вышеприведенные примеры, можно с полной уверенностью сказать, что несмотря на то, что два таких понятия, как право и свобода, довольно похожи, зачастую даже сложно найти грань между ними. Но все же есть и существенные различия, ведь не зря даже законодатель разграничивает эти категории, употребляя их отдельно друг от друга, но всегда вместе, подчеркивая их смысловую схожесть

Правом следует назвать скорее возможность, которую обязано обеспечить государство. Закрепляя права, государство берет на себя обязанность по его реализации, понимая, что человек не сможет сделать это сам в силу объективных причин. Свобода, в отличие от права, гораздо более вариативна, право скорее дает нам возможность выбрать один из представленных вариантов поведения личности. Из этого можно сделать вывод, что право ограничено по своей сущности гораздо сильнее. Сравнивая, можно сказать, что свобода ставит нас в рамки только в отношении свобод других людей, а право еще и в отношении представленных государством вариантов поведения. Данные понятия, несмотря на всю схожесть, имеют существенное различие, а именно способ его реализации.

Существенным отличием является и время возникновения. Человек рождается свободным и в соответ-

ствии с свободой он равен остальным членам общества. Многие права же скорее появляются с усложнением общественной структуры, с эволюционированием, появлением новых социальных отношений.

Некоторые исследователи считают, что в определенных случаях свободы заменяются законодателем правами. «Свободы» — это всегда естественные права, т. е. не предоставленные гражданам государством, а вытекающие из самой природы человека. Отношения по их реализации не носят предоставительно-обязывающего характера, т. е. не требуют от государства (или кого-либо) встречных действий: «жить, свободно выразить свои мысли, трудиться человек может даже на необитаемом острове. Главная обязанность всех иных лиц в таких отношениях — не мешать [7, с. 14].

Таким образом, можно сделать вывод, что вопрос терминологического соотношения прав и свобод несмотря на всю свою историю и множество позиций ученых остаётся дискуссионным. Следует отметить, что исторический аспект данного вопроса имеет ключевое значение. Мы можем наблюдать, что отношение человека к правам и свободам, их соотношению меняется пропорционально этапам развития самого общества.

Литература:

1. Корнев А. В. Свобода и право: соотношение понятий // Lex Russica. — 2015. — №4. — с. 113.
2. Антология мировой правовой мысли: в 5 т. — Т. 3. — М.: Мысль, 1999. — 830 с
3. Гегель Г. В. Ф. Философия религии. М., 1977. Т. 2. С.573.
4. Право — математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. — М.: Юрист, 1996. — 160 с. ISBN 5–7357–0082–0
5. Верховенство права: сб. ст. М.: Прогресс, 1992. с. 55.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 1993. № 237.
7. М. В. Пресняков // Гражданин и право, 2014. — №4. — с. 3–16. — ISBN 2220–9018

Специфика недействительности договора, заключенного на торгах: теоретико-правовой аспект

Каракотова Марьям Назировна, студент магистратуры;

Научный руководитель: Бекирова Фатима Султановна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

В статье изучаются теоретические и практические аспекты признания недействительными гражданско-правовых договоров, заключенных по итогам публичных торгов в сфере исполнительного производства, гражданско-правового договора, реализации имущества на аукционе.

Ключевые слова: торги, аукцион, конкурс, заявитель, кредитор, должник, имущество, Верховный суд, решение, сделка, иск, исполнительное производство.

В соответствии с п.1 ч.1 ст. 447 ГК РФ договор может быть заключен путем проведения торгов. Торги

представляют собой один из известных теории и законодательству способов заключения договора. В со-

временной российской юридической литературе часто отмечается важное позитивное значение торгов как рыночного механизма организации экономических отношений. Так, обращается внимание на то, что торги тесно связаны с основными законами свободного рынка и выражают их наиболее последовательно, представляют собой один из самых сложных, но при этом довольно эффективных способов заключения договора, практика использования которого расширяется год от года. Механизм торгов в форме аукциона или конкурса применяется в различных отраслях российского законодательства. Торги в форме аукциона являются неотъемлемой частью исполнительного производства, поскольку имущество должника по правилам ч.1 ст. 87 ФЗ «Об исполнительном производстве» подлежит принудительной реализации путем его продажи специализированными организациями, при этом в соответствии с Соглашением ФССП и Росимущества N 01–12/65 от 30.04.2015 «Об общих условиях взаимодействия по вопросам продажи арестованного имущества» под специализированным органом понимается Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (Росимущество), которое обязано в десятидневный срок со дня получения имущества должника по акту приема-передачи размещать информацию о реализуемом имуществе в Сети-Интернет, на практике сведения подобного характера размещаются на официальном сайте организации, а также в печатных средствах массовой информации. [8]. Чаще всего продаже с аукциона подлежит недвижимое имущество должника, например квартира в случае ненадлежащего исполнения должником обязательств по исполнению условий договора ипотечного кредитования. Так исходя из смысла ч.1 ст.1 ФЗ «Об ипотеке» по договору о залоге недвижимого имущества (договору об ипотеке) одна сторона — залогодержатель (банк), имеет право получить удовлетворение требований к должнику по этому обязательству из стоимости заложенного недвижимого имущества другой стороны — залогодателя (кредитора). В таком случае на основании решения суда, вступившего в законную силу, залогодержатель получает право на удовлетворение права требования путем получения исполнительного листа и дальнейшего обращения в органы Федеральной службы судебных приставов. Чаще всего залогодатель предпринимает все попытки для урегулирования подобных проблем, возникающих в виде ненадлежащего исполнения обязательств. Однако на практике происходят случаи, когда залогодатель узнает о наличии в отношении него исполнительного производства только на стадии реализации его имущества на торгах. Так К. обратилась с иском к организатору публичных торгов (далее — общество), Ф. о признании торгов и договора купли-продажи недействительными и применении последствий их недействительности.

В обоснование требований заявитель указала, что реализация ее жилой площади, была осуществлена без ее

ведома, поскольку она не была надлежащим образом извещена и продолжала вносить ежемесячные платежи по договору ипотеки. Победителем указанных торгов признана Ф., с которой 28 сентября 2015 г. общество заключило договор купли-продажи данной квартиры, которая по смыслу норм гражданского права являлась добросовестным приобретателем. Узнав о данных обстоятельствах, К. обратилась в суд с заявлением об отмене заочного решения, которое определением суда от 13 ноября 2015 г. было удовлетворено. При новом рассмотрении дела решением суда от 3 февраля 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением от 26 апреля 2016 г., отказано в удовлетворении исковых требований залогодержателя закладной к К. о расторжении договора займа, взыскании долга и об обращении взыскания на заложенное имущество. При таких обстоятельствах, по мнению истца, основания для продажи ее квартиры с торгов отсутствовали.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям. Организация и порядок проведения торгов, а также заключения договора на торгах установлены ст. 447 и 448 ГК РФ. Правила, предусмотренные ст. 448 и 449 ГК РФ, применяются к публичным торгам, если иное не установлено данным кодексом и процессуальным законодательством [2, стр.16]. Должник, взыскатели и лица, имеющие права на имущество, продаваемое на публичных торгах, вправе на них присутствовать (п. 3). В ст. 93 Федерального закона от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» определено, что торги могут быть признаны недействительными по основаниям и в порядке, которые предусмотрены ГК РФ. Признание торгов недействительными влечет недействительность договора, заключенного с лицом, выигравшим торги, и применение последствий, предусмотренных ст. 167 ГК РФ. Как разъяснено в п. 71 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. N 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства», приведенный в п. 1 ст. 449 ГК РФ перечень оснований для признания публичных торгов недействительными не является исчерпывающим.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2016 г. N 2, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 6 июля 2016 г. указано, что публичные торги могут быть признаны недействительными и в связи с нарушениями, допущенными судебным приставом-исполнителем, повлекшими незаконную передачу на публичные торги имущества должника. Законность этих постановлений (действий) судебного пристава-исполнителя суд оценивает при рассмотрении иска о признании публичных торгов недействительными [5, стр.54].

Из приведенных положений закона и актов его толкования следует, что отсутствие нарушений со стороны организатора торгов само по себе не является безусловным основанием для отказа в удовлетворении требований о признании торгов недействительными.

Нередки случаи, когда публичные торги могут быть признаны недействительными по причине множественных фиктивных заявок, поданных одним заявителем. Так арбитражным управляющим должника — ООО «Сириус» был объявлен аукцион по реализации имущества организации-банкрота в целях погашения кредитных обязательств. На реализацию был выставлен корпус со столовой и парковочными местами. К участию в торгах были допущены семь участников, в том числе коммерческое юридическое лицо «КавказГелиос» и общество «ХолодМаш». Заявки были поданы в следующей последовательности: «ХолодМаш» в размере 7.2 млн руб.; физическое лицо Ю. в размере 7.3 млн руб.; «КавказГелиос» в размере 7,62 млн руб.; физическое лицо Р. в размере 6.3 млн руб. После чего физическое лицо Р. сделало в течение нескольких минут еще 34 заявки с повышением размера предложения. В последней заявке он предложил за имущество 28.3 млн руб. Победителем торгов был признан Р., который, однако, от приобретения имущества отказался. В итоге договор купли-продажи имущества был заключен с «ХолодМаш» по цене 7,2 млн руб., так как к этому времени другие участники отказались от участия в торгах. Данная цепь манипуляций на первый взгляд не представляет собой недобросовестные намерения, однако при отслеживании действий участников очевидно, что множественные заявки со стороны физического лица Р. были направлены на удовлетворение интересов «ХолодМаш». Так общество «КавказГелиос» обратилось в суд с требованием признать недействительными торги по продаже имущества должника, а также заключенные между должником и «ХолодМаш» по результатам торгов договоры купли-продажи имущества.

В обоснование своих требований заявитель ссылаясь на нарушение в ходе торгов требований Федерального закона от 26.10.2002 № 127 «О несостоятельности (банкротстве)», а также на наличие технического сбоя, мешавшего ему принять участие в торгах. Суд первой инстанции удовлетворил требование заявителя, указав на нарушение организатором торгов п. 14 ст. 110 Закона о банкротстве и непринятие мер по обеспечению равного доступа к торгам всем заинтересованным лицам. Суд посчитал, что Р. своими действиями создавал препятствия для участия в торгах другим лицам, не имея при этом намерения приобрести имущество.

Суд апелляционной инстанции не согласился с выводами суда субъекта. Он исходил из того, что оператор электронной площадки обеспечил непрерывность проведения торгов и надежность функционирования программных и технических средств, используемых для про-

ведения торгов, участники торгов имели равный доступ к участию в электронных торгах. Верховный суд РФ отменил Постановления апелляции и кассации и оставил в силе акт первой инстанции. Прежде всего, Верховный суд РФ обратил внимание на то, что оспариваемые торги проведены в форме электронного аукциона. По смыслу п. 13 ст. 110 Закона о банкротстве при подобном способе определения покупателя имущества цена формируется на конкурентной основе в режиме реального времени путем пошагового повышения начальной продажной цены. Верховный суд РФ отметил, что, вопреки выводам нижестоящих судов, недобросовестность в поведении участника торгов может выражаться не только в наличии доказанного сговора с их организатором или оператором торговой площадки либо в использовании специальных технических средств, но также и иным образом. Ссылаясь на отсутствие доказательств наличия технического сбоя в ходе торгов, суды апелляционной инстанции и округа не проанализировали, могли ли действия Р. исказить саму суть процедуры аукциона.

Что касается споров по искам непосредственных участников торгов, то в отдельных случаях суды приходят к выводам о том, что значимым для дела обстоятельством является вопрос о наличии у истца возможности выиграть конкурс при прочих равных условиях, предоставленных иным его участникам, в ситуации отсутствия нарушений, связанных с проведением торгов.

В целом суды приходят к единому выводу о том, что заинтересованным лицом признается субъект, чьи права и законные интересы могут пострадать или уже пострадали в результате совершения сделки. Если истец не обладает материальным интересом в споре и не является заинтересованным лицом по смыслу гражданского законодательства, он не обладает правом на оспаривание сделки.

Однако в некоторых случаях суды выносят положительные решения о признании торгов недействительными и по искам лиц, которые не были участниками торгов и которым не отказывали в доступе к участию в торгах.

Пример такого случая — дело N А32–38204/2017 по иску публичного собственника — муниципального образования об оспаривании торгов по распоряжению муниципальным унитарным предприятием недвижимым имуществом по причине отсутствия у предприятия права хозяйственного ведения на часть реализуемых объектов.

При рассмотрении этого спора суд пришел к выводу, что недействительность договора, заключенного по результатам торгов, может быть связана не только с нарушением правил их проведения, но и с иными нарушениями требований закона и (или) нормативных актов (ст. 168 ГК). Под заинтересованным лицом следует понимать лицо, имеющее юридически значимый интерес в деле. Такая юридическая заинтересованность может признаваться за участниками сделки либо за лицами, чьи права и законные интересы прямо нарушены оспариваемой сделкой.

Таким образом, круг заинтересованных лиц, которые могут оспорить торги, не ограничивается только лицами, которые участвовали в торгах либо имели право на участие в них.

Проанализировав положительные решения арбитражных судов, судебную практику по делам о признании торгов недействительными, можно прийти к однозначному выводу, что при рассмотрении исков о признании торгов недействительными суды исходят из общих критериев, выработанных судебной практикой, и устанавливают, являются ли допущенные нарушения существенными, а именно — способны ли повлиять на число

участников торгов или результат определения их победителя.

Безусловно, невозможно все нарушения, предусмотренные в специальных федеральных законах, допускаемые при проведении торгов, указать в одной норме, однако, по нашему мнению, закрепление в ст. 449 ГК указания на то, что допущенные нарушения в конечном итоге повлекли за собой ограничение числа участников, а также неправильное определение победителя торгов либо излишнее расходование бюджетных средств, окажет положительное влияние на единообразие складывающейся правоприменительной практики.

Литература:

1. «Актуальные вопросы современного конкурентного права. Сборник научных трудов» (выпуск 2) (отв. ред. М. А. Егорова) («Юстицинформ», 2018)
2. Беляева О. А. Правовые проблемы аукционов и конкурсов. М.: Юриспруденция, 2018.
3. Егорова М. А. Возмещение убытков как способ защиты гражданских прав при нарушении антимонопольного законодательства / М. А. Егорова // Lex russica. 2017. N 5. с. 95—104.
4. Пластинина Е. А., Коротаева А. И. Осуществление закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) / Е. А. Пластинина, А. И. Коротаева. Ярославль, 2017. 72 с.
5. Публичные закупки: проблемы правоприменения: Материалы Третьей Всероссийской научно-практической конференции (9 июня 2018 года, МГУ им. М. В. Ломоносова). М.: Юстицинформ, 2018. 249 с.
6. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019).
7. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.03.2019).
8. Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ (ред. от 06.03.2019) «Об исполнительном производстве» (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2019).

К вопросу о проблеме исполнимости решений третейских судов и обеспечении арбитражного решения принудительной силой государства

Клюева Евгения Константиновна, студент магистратуры
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

В современных условиях ускоренного развития экономических отношений особенно актуальным является вопрос эффективного применения альтернативных способов разрешения споров, которые позволяют хозяйствующим субъектам наиболее оперативно разрешать правовые конфликты и продолжать сотрудничество.

Среди альтернативных способов разрешения споров особенно актуальным и значимым является арбитраж (третейское разбирательство), который в связи со своей распространенностью с 2016 года подвергается реформированию.

Применение арбитража было бы невозможным без участия государственных судов: осуществление функций

содействия и контроля в отношении третейского суда играет важное значение и обеспечивает вынесение справедливого итогового решения в результате третейского разбирательства. При этом следует отметить, что процессуальное законодательство в данной сфере имеет недостатки и нуждается в совершенствовании и пересмотре некоторых аспектов осуществления государственными судами указанных функций

В рамках института содействия и контроля государственных судов в отношении третейских интересным является вопрос о необходимости выделения такой категории дел, как выдача исполнительного листа на принудительное решение третейского суда.

В данном праве государственного суда можно усмотреть как функцию содействия — решение третейского суда обеспечивается принудительной силой государства, так и функцию контроля — исполнительный лист может быть выдан только после обязательной проверки решения суда на его законность (основания для отказа в выдаче исполнительного листа совпадают с основаниями для отмены решения третейского суда).

Следует определить некоторые свойства итогового решения третейского суда.

Согласно ст. 38 ФЗ «Об арбитраже» стороны, заключившие третейское соглашение, принимают на себя обязанность добровольно исполнять арбитражное решение [1]. Важно отметить, что закрепленное в названной статье свойство обязательности арбитражного решения распространяется исключительно на стороны третейского разбирательства. На иных лиц, не участвовавших в заключении арбитражного соглашения, решение третейского суда распространяться не может [2].

Вторым важным свойством арбитражного решения является его исполнимость. В случае, если решение не исполняется добровольно, то заинтересованная сторона имеет право обратиться в суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение. В последнем случае начинает действовать механизм обеспечения арбитражного решения принудительной силой государства. До вынесения решения суд общей юрисдикции обязан проверить решение третейского суда на наличие процессуальных нарушений, которые будут являться основанием для отказа в удовлетворении заявления (ст. 426 ГПК РФ содержит исчерпывающий перечень таких оснований). В этом и проявляется контрольная функция государства.

Среди ученых и практиков не раз высказывалась идея о возможности приравнивания решений третейских судов к исполнительным документам, как это произошло с судебными приказами, исполнительными надписями нотариуса, удостоверениями комиссий по трудовым спорам [3, с. 8].

Когда речь идет о преимуществах третейского разбирательства, одним из первых обычно называют минимальный срок рассмотрения спора. При этом стороны, передавая свой спор в третейский суд, заинтересованы не собственно в рассмотрении спора и вынесении формального решения, а именно в быстром исполнении вынесенного решения. В случае отказа проигравшей спор стороны исполнить решение добровольно заинтересованная сторона вынуждена идти в суд за исполнительным листом. На этом этапе начинается затяжной процесс его получения со своими процессуальными сроками и особенностями. Так, ч. 1 ст. 426 ГПК РФ установлен срок рассмотрения данной категории дел — 1 месяц. Однако ч. 6 этой же статьи допускает приостановление производства, предоставляя при этом проигравшей стороне затягивать процесс получения исполнительного листа путем подачи заявления об отмене решения третейского суда.

Таким образом, важнейшее преимущество — быстрота третейского разбирательства — нивелируется. Падает значение и самого решения третейского суда как акта, что влечет за собой торможение развития третейского судопроизводства. Фактически у такого решения отсутствует реальная юридическая сила. Наделить ей арбитражное решение предлагается на уровне законодательства путем приравнивая его к исполнительному документу.

В связи с тем, что основания, по которым решение третейского суда отменяется, аналогичны указанным для отказа в удовлетворении заявления о выдаче исполнительного листа, можно считать возможным сохранить только один вид государственного судебного контроля — механизм оспаривания решений третейских судов. Это будет способствовать одной из основных целей третейской реформы в целом — разгрузка государственных судов.

Уже упомянутые судебные удостоверения комиссии по трудовым спорам, исполнительные надписи нотариуса являются исполнительными документами в силу ч. 1 ст. 12 Федерального закона «Об исполнительном производстве» [4]. Если вспомнить, что одним из аспектов реформы третейских судов является повышение профессионализма состава арбитров, видится правовая несправедливость в том, что законодатель не доверяет арбитрам, которые зачастую являются судьям в отставке, деятелям юридической науки, высококвалифицированными специалистами с высшим юридическим образованием. При таком подходе вряд ли возможно решить проблему загруженности государственных судов [3, с. 9].

Необходимо отметить, что участниками третейского разбирательства могут быть не только хозяйствующие субъекты, имеющие профессиональных представителей, но и граждане, не имеющие юридического образования. Большинство таких споров связаны с кредитными договорами, где второй стороной выступают кредитные организации. Если третейский суд вынесет решение в пользу гражданина, то с большой долей вероятности можно предположить, что банк, будучи экономически сильной стороной, добровольно исполнять такое решение откажется. Недобросовестная кредитная организация предложит в письменных ответах гражданину пойти в суд общей юрисдикции, при этом полагая, что гражданин в суд за исполнительным листом не пойдёт: ему не хватит правовой грамотности. Гражданину с обыденным уровнем правосознания сложно понять, почему решение, вынесенное в его пользу несмотря на арбитражное соглашение с банком без помощи государственного суда исполнено быть не может. Учитывая, что исполнительные листы даже на решения судов общей юрисдикции граждане получают далеко не всегда, вряд ли в данном случае выигравшая сторона будет добиваться выдачи исполнительного листа. Решение в её пользу останется только на бумаге, а основная цель арбитража — защита гражданских прав — достигнута не будет. В этом случае популярность рассматриваемого альтернативного способа разрешения споров и уровень до-

верия к нему будут понижаться, что также не соответствует целям третейской реформы.

В завершение следует отметить, что институт взаимодействия третейских и государственных судов направлен на обеспечение функционирования единой системы качественного и эффективного урегулирования споров, защиты прав, свобод законных интересов субъектов [5]. В связи с этим в целом нормы о содействии и контроле за деятельностью третейских судов должны быть сконструированы с учетом правовой природы третейских судов и сбалансированного подхода к разграничению компетенции и делегированию публичных функций по разрешению гражданских споров негосударственным органам — третейским судам [6, с. 22].

Особенно важен для эффективной совместной работы государственных и третейских судов механизм

контроля за соблюдением прав сторон в третейском разбирательстве. Однако при регулировании данного механизма нужно помнить, что преобладание публичного или частного интереса может привести к нарушению прав одной из сторон или лиц, не привлеченных к участию в разрешении спора на доступ к правосудию или к чрезмерному вмешательству государства в частные интересы. В этом смысле контроль государственных судов в отношении третейских судов должен быть ограничен.

Действие механизма ограниченного контроля должно, с одной стороны, обеспечить конституционное право каждого на доступ к правосудию, а с другой — реализовать возможность урегулирования гражданско-правовых споров внесудебным способом и соблюсти правовую природу арбитража [7, с. 78].

Литература:

1. Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ. — Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс». — Загл. с экрана.
2. Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) / под ред. О. Ю. Скворцова, М. Ю. Савранского. М.: Статут, 2016. Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс». — Загл. с экрана.
3. Скуратов, Ю. И. Третейское судопроизводство в России: состояние и перспективы развития / Ю. И. Скуратов, Н. В. Кузьминых // Современное право. 2014. № 10. с. 9–20.
4. Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ. — Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс». — Загл. с экрана.
5. Зверева, Н. С. Взаимодействие альтернативных методов урегулирования споров и гражданского судопроизводства в праве России и Франции. автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / Н. С. Зверева. Екатеринбург. 2016. 28 с.
6. Курочкин, С. А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика / С. А. Курочкин. М.: Волтерс Клувер. 2007. 272 с.
7. Нешатаева Т. Н. Третейские и государственные суды / Т. Н. Нешатаева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2001. № 2. С. 69–78.

Задачи воспитательной колонии

Колыженков Илья Михайлович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Несовершеннолетние в мировой юридической практике считаются особой категорией субъектов правоотношений и преступлений. В силу их неполного нравственного, поведенческого и интеллектуального развития они не могут в полной мере осознавать последствия своих действий. Именно поэтому для них в отечественной системе исправительных институтов и учреждений создано специальное учреждение [5, с. 43].

Разделение взрослых и подростков при отбывании наказания обеспечивает воспитательная колония. Воспитательная колония — это один из видов исправительных учреждений в стране. В нем отбывают наказание в виде

лишения свободы лица, не достигшие возраста в 18 лет. До 1997 года такие колонии носили название «трудовые колонии» или ВТК «воспитательно-трудовые колонии». Их число в то время было в разы меньше, чем сегодня. Особенности функционирования воспитательных колоний и порядок исполнения наказания в данном виде исправительного учреждения закреплены в главе 17 Уголовно-Исполнительного Кодекса [1].

Актуальность темы обусловлена тем, что в системе исправительных учреждений воспитательные колонии занимают особое место, поскольку главным фактором, определяющим условия отбывания наказания в них, является

несовершеннолетие преступников, которое, с одной стороны, требует более льготных по сравнению со взрослыми учреждениями уголовно-исполнительной системы условий содержания, а с другой — открывает широкие воспитательно-педагогические возможности для исправления несовершеннолетних осужденных.

Отбывание несовершеннолетних, отделенных от взрослых преступников, обеспечивает защиту от негативного влияния и настроения закоренелых уголовников с их психологическими отклонениями. Для такого типа раздельного размещения характерно подключение к воспитательной работе с подростками общественных организаций, родителей, это позволяет более полно пользоваться осужденному правами на исправление и восстановление.

Колония для несовершеннолетних в большей степени носит не карающий характер, а воспитательный. Такое воздействие создает почву для потенциального исправления малолетних преступников, с целью ограждения их от рецидива.

Несовершеннолетним создаются более улучшенные условия отбывания наказания. Среди которых: повышенные нормы питания, длительные прогулки — не менее двух часов, организация досуга — спортивные игры и просмотр фильмов, организация образования [2].

Среди современных мер воспитательного воздействия применяются меры поощрения и наказания. К мерам поощрения относится право выхода из колонии на спортивно-культурные мероприятия под контролем сотрудников, или же перевод из строгих условий в обычные. Наказанием считается:

1) запрещение просмотра кинофильма в течение месяца;

2) помещение в дисциплинарный изолятор до семи суток, в котором запрещены телефонные разговоры, курение, посылки, длительные свидания и настольные игры.

Первоочередной задачей воспитательной колонии является создание необходимых условий для умственного, духовного, нравственного, психологического, физического развития воспитанника, его реабилитации и адаптации, что при исключении гуманистической направленности отношений не может эффективно реализовываться.

Воспитательная работа организуется дифференцированно с учетом психологических, возрастных особенностей осужденных и их криминальной предрасположенности с применением передовых форм и методов психолого-педагогического воздействия на несовершеннолетних осужденных. Рассматриваемое средство реализуется по следующим направлениям: нравственное, правовое, трудовое, эстетическое, физическое воспитание осужденных.

Воспитательная колония для несовершеннолетних правонарушителей создана государством специально для осуществления исправительного, корректирующего воздействия на личность подростков, отличающихся стой-

кими негативными деформациями, во многом определяющими противоправный характер и повышенную общественную опасность их поведения.

Работа по нравственному воспитанию имеет целью приобретение подростком морально-нравственных ценностей, эстетических установок, навыков уважительного общения с окружающим, норм и правил этикета, а также на то, чтобы осужденный приобщился к общечеловеческим ценностям. Правовое воспитание призвано сформировать у осужденных представления о сущности взаимоотношений между обществом и государством, осознание необходимости соблюдения правовых норм, недопустимости нарушения закона и выполнения возложенных обязанностей.

Трудовое воспитание имеет целью выработку у осужденных трудовых навыков, получении ими профессии, необходимой для трудоустройства после исполнения наказания. Данное направление воздействия способствует развитию активности ребенка, а также способностей в различных сферах трудовой деятельности. Необходимым аспектом является обращение к потребностям рынка труда и предоставляемым рабочим местам.

Эстетическое воспитание, безусловно, направлено на эмоциональное развитие подростков, развитие способности воспринимать, ценить и понимать достижения, результаты духовной сферы деятельности человека.

Физическое воспитание необходимо рассматривать в двух аспектах: с одной стороны, оно призвано поддерживать физическое и психическое здоровье несовершеннолетних в условиях малоподвижного образа жизни в воспитательных колониях, а с другой стороны, является способом организации досуга осужденных [6, с. 182].

Отметим, что в будущем, воспитательные колонии, предполагают заменить воспитательными центрами, в которых несовершеннолетние преступники будут проживать в общежитиях группами по четыре человека. Возрастет количество психологов, социальных педагогов и социальных работников, дабы к каждому осужденному был индивидуальный подход [3].

В этом контексте, приведем зарубежный опыт. Так, в США есть практика воспитательных центров — общежитий. С 70-х годов тюремное заключение, для несовершеннолетних, совершивших уголовные преступления небольшой тяжести, заменяется, пребываем в школах по перевоспитанию, молодежных лагерях, закрытых приютах, центрах круглосуточного надзора [4, с. 47].

Развитие психологической помощи — реабилитации проводится как в России, так и за рубежом. Такие направления реабилитации несовершеннолетних преступников, как тренинговые группы, арт-терапия, психодрама (выявление и решение проблем с помощью актерского мастерства).

В завершении отметим, что для создания системы воспитания несовершеннолетних осужденных, необходимо уделять наибольшее внимание психологической помощи. Созданию духовно-нравственного каркаса, который в дальнейшем не позволит пойти на рецидив преступления.

Литература:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Российская газета, № 9, 16.01.1997.
2. Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 19.07.2018) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Российская газета, № 139, 20.07.1995.
3. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ, 25.10.2010, № 43, ст. 5544.
4. Бечки Ш. Молодежь и помощь несовершеннолетним в США. М.: Институт молодежи, 1991. — 144 с.
5. Городинец Ф. М., Нецветная К. А. Воспитательное воздействие на несовершеннолетних лиц, отбывающих уголовное наказание в воспитательных колониях // Вестник науки и образования. 2019. № 6—1 (60). с. 43—45.
6. Шувалова В. С. Воспитательная работа с осужденными к лишению свободы в воспитательных колониях как ведущее средство исправительного воздействия // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе Материалы Международной научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов. 2018. с. 182—185.
7. <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitatelnoe-vozdeystvie-na-nesovershennoletnih-lits-otbyvayuschih-ugolovnoe-nakazanie-v-vospitatelnyh-koloniyah>

Проблемы реализации права традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера на примере Республики Саха (Якутия)

Кривошапкин Кирилл Юрьевич, студент магистратуры
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

В статье рассматриваются актуальные проблемы законодательства в сфере защиты прав коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации, а именно реализации права на традиционное природопользование на примере Республики Саха (Якутия).

Ключевые слова: *коренные малочисленные народы Севера, территории традиционного природопользования, традиционный образ жизни, проблемы законодательства, Республика Саха (Якутия)*

In this article considered actual issues of legislation in the field of protecting the rights of small indigenous ethnic communities of the North of the Russian Federation, namely the realization of the right to traditional nature management in The Republic of Sakha (Yakutia).

Keywords: *the traditional nature management territories, small indigenous ethnic communities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation, the traditional life-style, legislation issues*

Законодательство о праве традиционного природопользования на федеральном уровне носит декларативный и отсылочный характеры. Отсутствует дефиниция права на традиционное природопользование, отсутствует конкретика полномочий государственных органов, регулирующих отношения коренных малочисленных народов, отсутствует четкая регламентация лимитов на виды традиционного природопользования. В виду этого широкий пласт нормотворчества и толкования законодательства предоставляется субъектам Федерации. Однако зачастую существуют и случаи элементарного дублирования федерального законодательства. К примеру, некоторые положения статей и норм Закона Республики Саха (Якутия) «О территориях традиционного природопользования и традиционной хо-

зяйственной деятельности» от 2006 года являются дубликатом ФЗ «О ТТП». Однако опыт правотворчества субъектов имеет и положительную сторону. К примеру, на данный момент, в эпоху промышленного освоения районов Севера весьма остро стоит вопрос отношения недропользователей и представителями коренных малочисленных народов Севера. В виду этого, стоит отметить действительно важный, имеющий практическую и научную значимость Закон Республики Саха (Якутия) от 14.04.2010 820-З N 537-IV «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)». Федеральный законодатель, давая понятие этнологической экспертизы в федеральном

законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» не принимает отдельного акта, который бы конкретизировал цели, задачи, принципы процедуру проведения этнологической экспертизы. Федеральное агентство по делам национальностей — компетентный орган, разрабатывающий государственно-национальную политику аргументирует отсутствие подобного нормативного акта наличием обязательного характера проведения этнологической экспертизы, т. е. оценивая его как административный барьер для ведения хозяйственной деятельности, так же подвергаются сомнениями компетентность состава экспертной комиссии. На данный момент этнологическая экспертиза — это научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса.

По результатам этнологической экспертизы принимаются решения о согласии проведения хозяйственных работ на территории традиционного природопользования, либо решение об отказе. Решения имеют юридическую силу. На данный момент в Республике Саха (Якутия) проведено 13 этнологических экспертиз.

Самой важной проблемой законодательства и юридической практики в Российской Федерации и ее субъектов является отсутствие четкого механизма определения национальной принадлежности. Возникает вопрос: кто обладает правом на традиционное природопользование.

Идентификация гражданина к определенному малочисленному этносу создает определенные льготы. К примеру, осуществление охоты свободно, без каких-либо разрешений возможно для коренных малочисленных народов Севера в границах территорий традиционного природопользования. Такой подход устраняет административные барьеры и облегчает доступ к охотничьим ресурсам, но, в то же время, добыча охотничьей продукции без каких-либо ограничений, без квот добычи с целью реализации добытой продукции создает благоприятную почву для злоупотреблений и бесконтрольности в сфере оборота охотничьей продукции.

В настоящее время сложилась следующая ситуация:

1. Выдача вкладышей к паспорту со сведениями о национальной принадлежности не производится с 2015 года.
2. По существующему положению установление юридического факта национальной принадлежности возможно только в судебном порядке. Для этого каждый гражданин лично обращается в суд с заявлением об установлении юридического факта национальной принадлежности.

Встает вопрос о компетентности судов в определении национальной принадлежности. Основывается ли суд исключительно на свидетельских показаниях, прописке, знании языка. При желании злоумышленники могут легко пройти данный барьер для национального определения.

Для решения данного вопроса предлагается следующее:

— внесение дополнения в п.5 Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации 8.07.1997 г. №828 добавить «при желании гражданина производится отметка о национальной принадлежности»;

— разработать четкую процедуру национального определения, где будут учитываться: свидетельство о рождении, прохождение языкового экзамена, с привлечением квалифицированных специалистов, данные о месте проживания гражданина. При этом детей, родившихся в семье, где оба родителя или один из родителей относится к коренным малочисленным народам, до достижения возраста получения паспорта (14 лет) автоматически относить к коренным малочисленным народам;

— расширить полномочия органов местного самоуправления в области определения национальной принадлежности того или иного человека, тем самым убрав судебный порядок установления национальной принадлежности.

Подобный подход поможет сохранить особый статус коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и реализовать должным образом право на традиционное природопользование, поскольку лица, собирающиеся злоупотребить данным правом и не относящиеся фактически к коренным малочисленным народам Севера, должны быть отсеяны от льгот.

Таким образом, отметим следующие выводы:

1) в законодательстве РФ и ее субъектов существуют определенные проблемы, связанные с механизмом определения национальной принадлежности, которые можно разрешить путем внесения поправок в положение о Паспорте;

2) Выделяется значимость этнологической экспертизы как наиболее эффективного механизма защиты при реализации права на традиционное природопользование. Автором поддерживается инициатива разработки законопроекта об этнологической экспертизе РФ на основе закона Республики Саха (Якутия) «Об этнологической экспертизе»;

3) Подчеркиваются недействующие статьи Федерального закона РФ от 2001 года «О территориях традиционного природопользования». В частности, статья 5, которая предусматривает ТТП федерального уровня;

4) порядок образования территорий традиционного природопользования определен в ряде нормативно-правовых актов, а именно в ФЗ «о территориях традиционного природопользования», законах субъектов РФ о ТТП, Положения о ТТП субъектов РФ; полномочия компетентных органов власти по координации образования ТТП определены в положениях к ним; первоочередным основанием образования является обоснованное обращение представителей коренных малочисленных народов Севера о необходимости создания ТТП в адрес уполномоченных органов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398;
2. Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах от 27.06.1989;

3. Декларация Организации Объединенных Наций «О правах коренных народов» от 13.09.2007 года
4. Федеральный закон от 7.05.2001 г. N 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (ред. от 01.04.2015); www.pravo.gov.ru;
5. Федеральный закон от 20 июля 2000 г. N 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (ред. от 28.12.2013); www.pravo.gov.ru;
6. Федеральный закон от 30.04. 1999 г. N82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (ред. от 13.07.2015); www.pravo.gov.ru;
7. Конституция (Основной Закон) Республики Саха (Якутия) от 4.04.1992 г. (ред. от 8.08.2012 г) www.sakha.gov.ru
8. Закон Республики Саха (Якутия) от 24.06.2013 1220-З N1327-IV «Об Уполномоченном по правам коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия)» www.sakha.gov.ru;
9. Закон Республики Саха (Якутия) от 25.06.2006 “О северном домашнем оленеводстве”; www.sakha.gov.ru;
10. Закон Республики Саха (Якутия) от 13.07.2006 370–З № 755-III (ред. от 15.10.2009) «О территориях традиционного природопользования и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия); www.sakha.gov.ru;
11. Закон Республики Саха (Якутия) от 01.03.2011 897–З N121-III (ред. от 10.06.2014) «О защите исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия); www.sakha.gov.ru.

Информационная безопасность детей как обязанность родителей

Крымшамхалова Альбина Шаухаловна, студент магистратуры;

Научный руководитель: Чочуева Зульфия Азреталиевна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

В современном мире сфера информации постоянно изменяется, и как следствие, отношения, которые возникают по поводу информации и информационных процессов, усложняются, и требуют соответствующих изменений в законодательстве. Наиболее важным является вопрос информационной безопасности людей, в первую очередь детей.

Ключевые слова: информация, безопасность, правовое регулирование, вред здоровью, подстрекательство, суицид, обязанность родителей, виртуальный мир, глобальная сеть.

Основным, регулирующим данную область, документом является ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4]. Между тем он не охватывает вопросы обеспечения информационной безопасности детей.

Необходимо обратить внимание на значимость в рассматриваемой области такого правового акта, как Концепция информационной безопасности детей, которая была утверждена Правительством Российской Федерации в 2015 году, и не является обязательным к применению [9]. Ее целью является совершенствование правового регулирования обеспечения информационной безопасности детей. Между тем данный правовой акт не относится к нормативным актам, который обязателен для применения, а носит лишь формальный характер и включает в себя общие положения, основные задачи государства по обеспечению информационной безопасности детей.

Нормативно-правовым актом в области информационной безопасности детей также является Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от инфор-

мации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [3]. Указанный закон регулирует отношения, которые возникают при наступлении угрозы информационной безопасности детей, определяет способы их защиты.

Однако этот нормативно-правовой акт имеет существенные недостатки. При проведении системного анализа его норм усматривается, что невозможно определить как обязанности родителей, так и обязанности производителей различного рода информационной продукции, при этом подразумевается добровольное исполнение закона.

Пункт 1 статьи 56 Семейного кодекса РФ определяет право ребенка на защиту своих прав и законных интересов, в связи с чем, одновременно возникает обязанность родителей по их защите [2].

Согласно ч. 4 ст. 29 Конституции РФ каждый имеет право свободно искать, получать передавать, производить, распространять информацию любым законным способом, включая сети «Интернет», что на сегодняшний день является актуальным для ребенка [1].

Поскольку пунктом 1 статьи 63 Семейного Кодекса РФ установлена обязанность родителей воспитывать и за-

ботиться о ребенке, можно сделать вывод о том, что это невозможно сделать без контроля родителями над получаемой ребенком информацией, и при необходимости, ограничения его доступа к информации, приносящей вред.

При этом необходимо отметить, что пунктом 2 статьи 63 Семейного Кодекса Российской Федерации предусмотрена обязанность родителей обеспечить получение ребенком образования, что невозможно без поиска и обработки информации ребенком.

Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» устанавливает обязанность органов государственной власти Российской Федерации по принятию мер защиты ребенка от информации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию (ст. 14) [5].

Можно сделать вывод, что дети обладают правом на защиту от наносящей вред их здоровью информации, и обязанность по защите возлагается на родителей. Полагаем, что возлагая на родителей обязанности по заботе о здоровье детей и их развитии, предполагается также, что эта забота должна включать в себя также и защиту детей от информации, приносящей им вред.

На сегодняшний день, к сожалению, не смотря на то, что общеизвестен и научно доказан факт существования информационной зависимости ребенка, что приводит к потере чувства реальности, не всегда родители понимают всю значимость влияния на детей информации и не принимают никаких мер к его ограничению. И нет сомнений в том, что получение ребенком информации различного рода, без должного контроля над этим со стороны родителей, всегда будет иметь негативные последствия. Родителям необходимо обращать внимание на то, что причиной интереса детей к получению информации, приносящей вред их здоровью является нездоровая атмосфера в семье, одиночество.

Согласно статистическим данным, число детских самоубийств в стране в целом увеличилось на 14% в 2018 году — 788 случая, по сравнению с 2017 году — 692 случая. В последнее время большое распространение в просторах сети Интернет получили так называемые «группы смерти». Под ними следует понимать некие сообщества, которые возникают в социальных сетях, и целью которых является подстрекательство детей к суициду. Согласно данным Роскомнадзора в 2017 году ими были ликвидированы более четырех тысяч такого рода сообществ, в которых по некоторым данным насчитывается около семидесяти тысяч детей, тем не менее, меньше их не становится [10].

Необходимо отметить, что это свидетельствует о том, что нет надлежащего контроля над детьми со стороны родителей, они фактически предоставлены сами себе.

На наш взгляд, основным действенным способом информационной защиты детей будет являться надлежащее

выполнение родителями своих обязанностей, в том числе и осуществление родительского контроля.

При этом под надлежащим выполнением обязанностей по осуществлению информационной защиты необходимо понимать, прежде всего, контроль поведения детей, при ограничении в получении вредной информации, постоянный мониторинг их деятельности, обучение культуре использования источниками информации, в том числе сети «Интернет».

Одним из основных обязанностей родителя является обеспечение безопасности ребенка, которое включает в себя принятие активных мер по исключению какого-либо риска для здоровья и развития детей. Гарантия информационной безопасности ребенка как обязанность родителя обеспечивается принятием ими таких мер, которые будут направлены на защиту ребенка от информации, наносящей вред его здоровью, пропаганду насилия и жестокости, защиту нравственного развития детей, в том числе от антиобщественного поведения. Данные меры также регламентируются Федеральным законом от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 18.04.2018) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации».

Можно сделать вывод о том, бесконтрольное получение ребенком информации любым способом, в том числе посредством просмотра телевизионной продукции, различных зрелищных мероприятий, печатной продукции, приносит вред ребенку. Поэтому главным действенным методом защиты ребенка от такого вреда, наносимого информацией, является, несомненно, применение родительской власти в форме запрета и контроля.

Важно отметить, что на сегодняшний день при современных условиях жизни необходимо направлять положительную энергию ребенка в реальный мир, чтобы она не была поглощена Интернетом. Прежде всего, родители должны принимать участие в жизни своих детей, уметь вовремя замечать их склонности, помогать в решении их проблем, советовать, для того чтобы у них не возникло чувства одиночества, не понимания, и, как следствие, причина для поиска «сторонников» на стороне. Также государство должно постоянно вести борьбу с опасной и вредоносной информацией, при этом, не ограничиваясь узкими национальными рамками, так как Интернет является «всемирной паутиной», и задача государства обеспечить надлежащую безопасность детей, взаимодействуя с различными международными объединениями.

Сегодня Интернет стремительно вошел в нашу жизнь, в связи с этим возникают вопросы по поводу психологической и нравственной безопасности. В России около восьми миллионов пользователей сети интернет — дети. Через глобальную сеть они знакомятся с миром и познают его. Но в отличие от взрослых, в виртуальном мире они не чувствуют опасности. И обязанность родителей — защищать своих детей от негативного воздействия внешнего мира.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета. — 1993. № 237.

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Российская газета. 1996. № 1.
3. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 01.05.2017) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Российская газета. 2010. № 297.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 25.11.2017) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. № 165.
5. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Российская газета. 1998. № 147.
6. Банщикова с. Л., Гольяпина И. Ю. «Обязанности родителей по обеспечению информационной безопасности несовершеннолетних детей и административная ответственность за неисполнение обязанности» // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2018.
7. Гольяпина И. Ю. О направлениях совершенствования закона «О защите детей от вредной информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Право и государство: теория и практика. — 2015. — № 10 (130). — С. 146—150.
8. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Правовая справочно-информационная система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2019).
9. Распоряжение Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей» // СЗ РФ. — 2015. — № 49. — Ст. 7055
10. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Режим доступа URL: <https://rkn.gov.ru/> (дата обращения 10.05.2019)

Варианты выдела доли из имущества, находящегося в общей долевой собственности

Крюкова Юлия Олеговна, студент магистратуры
Ивановский государственный университет

Ключевые слова: доля, денежная компенсация, долевая собственность, вариант выдела доли, доля автомобиля, собственность.

С тоит начать с того, чтобы напомнить и дать определение что же такое общедолевая собственность?

Общедолевая собственность — это некоторая совокупность правовых норм, которые регулируют отношения по принадлежности составляющего единое целое имущества (например, квартиры) сразу же нескольким лицам (например, нескольким наследникам собственника квартиры) в долях, а в субъективном смысле — право двух и более лиц вместе по своему усмотрению владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим им в определенных долях имуществом, которое составляет единое целое. [1, с. 67]

Наверное, все мы знаем, что имущество будь то квартира или жилой дом может находиться в собственности нескольких лиц одновременно.

Каковы же варианты выдела доли из имущества, находящегося в общедолевой собственности?

Существует два варианта выдела доли в общедолевом имуществе.

Первый вариант — в натуре, второй — в денежном выражении. Рассмотрим более подробно первый вариант. Конечно же размер долей фиксируется документально, например: 4 собственника имеют по $\frac{1}{4}$ доли в имуществе.

Вопрос о том, как выделить долю из имущества решается на практике неоднозначно. Допустим, если у этих 4 собственников $\frac{1}{4}$ находится в доме, который достаточно большой, то есть состоит из большого количества комнат, то тогда можно друг от друга их изолировать. Однако, если доля находится в небольшой (к примеру, 2-х комнатной квартире), то разделение не всегда будет возможно.

В действующем законодательстве говорится о выделе доли в натуре только при том условии, что имуществу не будет нанесен какой-либо ущерб по итогу процедуры раздела имущества. Процедура такая невозможна, доля маленькая, например $\frac{1}{4}$ в однокомнатной квартире. Так же нельзя выделить долю в натуре если такой выдел не допускается законом или просто невозможен без несоразмерного ущерба, в частности из неделимых вещей (автомобиль, мотоцикл, музыкальный инструмент, коллекции монет или картин). Поэтому в таком случае будет выплачена денежная компенсация, о чем сказано далее, в соответствии с Пленумом ВАС РФ №8 от 01.07.1996.

Давайте приведем пример судебного решения по вышеуказанным обстоятельством о невозможности выдела доли?!

К примеру, Решение Зеленодольского городского суда Республики Татарстан от 19.08.2014 [2] по иску Нуриевой О. В. к Нуриевой В. И. о признании права долевой собственности, выплате денежной компенсации, прекращении права долевой собственности. Нуриева О. В. обращается в суд за признанием за Нуриевой В. И. права собственности на 1/8 долю автомобиля, о признании за ней 1/8 доли гаража, с выплатой Нуриевой В. И. компенсации за 1/8 долю в праве собственности на данный автомобиль и 1/8 долю в праве собственности на гараж в общем размере 24 983 руб. 00 коп., просит о прекращении права собственности Нуриевой В. И. на 1/8 долю автомобиля после выплаты денежной компенсации в размере 24 983 руб. 00 коп.

В обосновании иска указано, супруг истца Нуриев Д. Н. умер. Наследниками после смерти Нуриева Д. Н. является истец на основании завещания и его мать — Нуриева В. И. как наследник, имеющий право на обязательную долю. После его смерти осталось наследственное имущество, в том числе в виде автомобиля и гаража. Автомобиль и гараж были приобретены истцом и умершим Нуриевым Д. Н. в браке и являлись совместной собственностью супругов. В ходе разбирательства установлено, что после смерти Нуриева Д. Н. нотариусом Зеленодольского нотариального округа Кучмистой Л. И. было заведено наследственное дело. Наследниками являются жена Нуриева О. В. и его мать Нуриева В. И. как наследник, имеющий право на обязательную долю.

После смерти Нуриева Д. Н. осталось наследственное имущество (автомобиль и гараж). Из пояснений истца, автомобиль и гараж были приобретены истцом и умершим Нуриевым Д. Н. в браке и являлись совместной собственностью супругов, поэтому нотариусом с учетом указанного были определены доли и выданы свидетельства о праве собственности на автомобиль и гараж. В ходе судебного разбирательства по ходатайству ответчика была назначена судебная оценочная экспертиза для определения рыночной стоимости гаража. Согласно заключению эксперта рыночная стоимость гаража составила — 58000 руб. 00 коп. Следовательно, что стоимость 1/8 доли составит 7250 руб. 00 коп. Ответчик с выводами эксперта не согласилась, сама намерена выкупить имущество соразмерно доли другого собственника. На что истец дал отказ и пояснил, что доли между сторонами уже определены нотариусом. Так же утверждала, ответчик гаражом не пользуется. Тем не менее ответчиком правоустанавливающие документы, выданные нотариусом Зеленодольского нотариального округа, так и не были оспорены. В связи с чем доля Нуриевой О. В. в спорном имуществе

составит — 7/8 долей, а Нуриевой В. И. — 1/8 доли. Также, как выяснилось при разбирательстве, у ответчика нет водительских прав.

Из технического паспорта на гараж площадь гаража составила 19,9 кв.м. Соответственно 1/8 доля, приходящаяся Нуриевой В. И. составила 2,49 кв.м. Реальный раздел доли Нуриевой В. И. невозможен. Поэтому суд и посчитал возможным при отсутствии согласия Нуриевой В. И. обязать Нуриеву О. В. выплатить ответчику денежную компенсацию стоимости 1/8 доли гаража, причитающейся ответчику, поскольку из пояснений Нуриевой В. И. установлено, что существенного интереса в использовании гаража она не имеет, намерена выкупить гараж у истца и продать его по более выгодной (дорогой) цене.

Суд посчитал отчет эксперта допустимым доказательством по делу. Заключение является мотивированным и четким, имеет научную и практическую основу, оснований сомневаться в компетентности оценщика, его заинтересованности, суд не усматривает. Также была произведена оценка рыночной стоимости автомобиля, которая составила 141864 руб. 00 коп. Суд также посчитал отчет допустимым доказательством.

Таким образом, суд искивые требования Нуриевой О. В. удовлетворил, признал за Нуриевой О. В. право собственности на 1/8 долю автомобиля, на 1/8 долю гаража с выплатой Нуриевой В. И. компенсации за 1/8 долю в праве собственности на данный автомобиль и 1/8 долю в праве собственности на гараж в общем размере 24994 руб. 13 коп. и прекратил право собственности Нуриевой В. И. на 1/8 долю автомобиля и на 1/8 долю гаража после выплаты компенсации 24994 руб. 13 коп. Что еще раз подтверждает ранее сделанные выводы.

Обращаясь к второму варианту выдела доли, можно говорить о том, что если собственники могут договориться добровольно, то один из них сможет выкупить скажем так долю другого, выплатив ему денежные средства, так сказать «денежную компенсацию» [3]. Но судя по количеству находящихся в судах судебных разбирательств по поводу выдела доли можно сделать вывод о том, что мирно решить вопрос удается далеко не всем. Тогда заинтересованный собственник общедолевого имущества имеет право разрешить ситуацию подав исковое заявление в суд. К тому же судьи могут принимать разные решения о выделе. В некоторых случаях выдел может быть и натуральным, а иногда как денежная компенсация. Стоит обратить внимание на то, что если доля собственности незначительная, а у её владельца нет заинтересованности пользоваться данным объектом, то суд вправе потребовать предоставления соответственно денежной компенсации, не учитывая мнения истца.

Литература:

1. Асламураева Ф. А. Особенности общей долевой собственности // Проблемы Науки. №1 (19). 2014. с. 197.
2. Решение Зеленодольского городского суда Республики Татарстан от 19.08.2014 по иску Нуриевой О. В. к Нуриевой В. И. о признании права долевой собственности, выплате денежной компенсации, прекращении права

долевой собственности. // Архив Зеленодольского городского суда Республики Татарстан за 2014 год. Гражданское дело № 2—3028/2014.

- Иванов А. М. Основания прекращения общей долевой собственности // Проблемы законности. № 126. 2014. с. 156.

Актуальные проблемы развития современной системы гражданского права (на примере защиты прав на интеллектуальную собственность)

Латоков Ахмед Султанович, студент магистратуры;
Клычев Рафаэль Арзабекович, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

В данной статье рассматриваются проблемы защиты интеллектуальной собственности в Интернете. Рассмотрены проблемы современного российского законодательства, регулирующего данную сферу правоотношений, представлен зарубежный опыт и предложены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, интернет, авторские права, защита интеллектуальной собственности.

Последние несколько десятилетий характеризуются техническим прорывом во всех областях науки. В повседневную жизнь человека прочно вошли компьютеры, смартфоны и прочие гаджеты, позволяющие выйти в Интернет.

Актуальность темы данной статьи обусловлена тем, что развитие технологий повлекло за собой создание принципиально новым гражданских правоотношений, которые еще не получили должного закрепления в законодательстве. Так, к примеру, вопрос о праве на интеллектуальную собственность, размещенную или созданную в сети Интернет.

Согласно Гражданскому Кодексу РФ, под интеллектуальной собственностью понимаются результаты интеллектуальной деятельности и приравненными к ним средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана [1].

За 2018 г. аудитория Интернета в Российской Федерации увеличилась до 84 млн. пользователей. Фактором столь значительного роста считается то, что в стране наибольшую популярность набрали портативные или мобильные устройства. Так, за три года (2015—2018) выход в Интернет с помощью смартфона увеличился более чем в 2 раза. В 2015 году со смартфона Интернетом пользовались только 17,6 %. В 2018 доля подобных пользователей увеличилась до 42,2 % [7].

Интернет в Российской Федерации менее урегулирован, чем в зарубежных странах. При том, что компьютерные сети — это наиболее полный источник любой информации.

В законодательстве зарубежных стран, таких, как США, имеются специальные законодательные акты, которые регулируют авторское право в сети «Интернет». Например: Digital Millennium Copyright Act — Закон

о защите авторских прав в цифровую эпоху 1998 г., предусматривающий защиту авторского права в целом [3], и Family Entertainment and Copyright Act — Закон о защите авторского права в области частного воспроизведения, защищающий авторов от видео- и аудиопиратства в Интернете [5].

В России с 1 января 2008 г. вступила в силу часть четвертая Гражданского Кодекса РФ [2]. Она усовершенствовала дополнение правового регулирования авторского права в сети «Интернет». Но данные поправки не дали должного эффекта, и информация в Интернет-пространстве так и остается в свободном доступе. В связи с этим, целесообразно поднять вопрос, как же все-таки бороться с данной проблемой.

В качестве решения предлагается дополнить ч. 4 Гражданского Кодекса Российской Федерации дополнительной главой, которая могла бы приспособливаться к быстрорастущей проблеме неконтролируемого роста и распространения информации в свободном доступе.

Новая глава могла бы выступить улучшенной и адаптированной версией нынешнего законодательства. Подобные изменения Гражданского кодекса, позволят Российской Федерации не отставать от зарубежных стран, а даже в чем-то их превзойти. В таких аспектах как, например, объем информации, то есть вместо двух нормативно правовых актов таких как: Digital Millennium Copyright Act — Закон о защите авторских прав в цифровую эпоху 1998 г., а так же Family Entertainment and Copyright Act — Закон о защите авторского права в области частного воспроизведения, создать всего лишь одну главу в ГК РФ, «не изобретая вновь велосипед», сократив тем самым объем подобных актов. Адаптированная версия ГК РФ к применению его в отношении свободного пространства в сети Интернет

не будет сильно отличаться от устаревшей версии за исключением специфики использования его в подобных вопросах, проще говоря, новая глава будет наиболее применима в условиях информационно-технического прогресса. По факту адаптация будет заключаться в том, что необходимо пересмотреть ч. 4 ГК РФ на предмет применимости ее к правовым вопросам, возникающим у субъектов гражданских правоотношений в области интеллектуальной собственности непосредственно в глобальной паутине.

Вдобавок внести изменения об ответственности интернет провайдеров в вопросе предоставления качественной и легитимной информации, т. е. предоставлять доступ только к тем веб-сайтам, которые прошли проверку Роскомнадзора, на которых не присутствуют запрещенные на территории Российской Федерации материалы. К тому же репродукции изобразительного искусства, аудио, видео материалы, а также программы ЭВМ, которые были размещены на том или ином не официальном веб-сайте не имеющих лицензии на распространение подобных материалов. В свою очередь блокировать и перекрывать доступ на веб-сайты с сомнительным содержанием, которые могут навредить пользователю (клиенту провайдера) сделав его нарушителем Российского права. Ведь заходя на сайт, пользователь не должен и не может знать о легитимности информации, находящиеся на просторе того или иного веб-сайта, в результате чего пользователь копирует, использует и распространяет материалы и данные, находящиеся под охраной интеллектуального права РФ.

В рамках рассмотрения проблем защиты интеллектуально собственности в Интернете нельзя обойти стороной социальные сети. Известно, что большое количество трафика в России сейчас проходит по всем известным социальным сетям «ВКонтакте», «Одноклассники», «Инстаграм». Основную массу контента там составляют записи (посты) содержащие ту или иные объекты интеллектуальной собственности (текстовые, визуальные, аудиовизуальные).

Рассмотрим суть проблемы на примере социальной сети «ВКонтакте». Любой желающий может здесь неоднократно зарегистрироваться под разными именами и загружать, использовать и воспроизводить объекты авторского права. Из-за этого повсеместно нарушаются авторские права создателей того или иного контента. Конечно, в пользовательском соглашении указано, что Пользователь сайта несет личную ответственность за любую информацию, которую он загружает, но, так или иначе, на просторах этой социальной сети встречается пиратский контент [6].

Конкретно рассматривая вопрос аудио-контента, возникает вопрос, отслеживается ли загрузка отдельных файлов в базу данных социальной сети. Если пользователь на стороннем сайте скачивает ту или иную аудиозапись, а затем загрузит её в базу данных, то у системы не возникает вопроса подлинности и, что самое важное,

принадлежности загружаемого файла самому Пользователю [4].

На основании вышеизложенного, было бы логично внедрить систему некоей первичной верификации аудиофайла, чтобы, например, при загрузке файла, пользователь мог указать сайт, где он скачал его, указать автора и иную информацию, которая позволила бы иным пользователям найти правообладателя. Так же было бы целесообразно собрать некую базу данных аудиофайлов с присвоенными им именами правообладателей или авторов. То есть, первичная верификация аудиофайла проходила бы по данным, которые указал пользователь, вторичная же, уже сличала аудиофайл, загружаемый пользователем с файлами, которые уже есть в базе. Возможно внедрение некоего аналога электронной подписи для аудиофайлов, основанного на подтвержденных данных (тегах). Настройка взаимодействия систем социальной сети и базой данных аудиофайлов является уже техническим вопросом.

Возможно, стоит так же разработать определенный алгоритм для того, чтобы молодые исполнители, так же и молодые художники, и иные творцы цифровой эпохи, наравне с огромными медиа магнатами пользовались своими авторскими правами. Например, разработать некую систему регистрации как музыканта/художника/писателя, уже внутри социальной сети. И предоставить им возможность пользоваться своими исключительными и смежными правами, на то же распространение и продажу, и, например, возможное заключение лицензионных договоров уже внутри социальной сети.

С точки зрения права, данный механизм частично решил бы проблемы, связанные с размещением интеллектуальной собственности в социальных сетях и с многочисленными нарушениями авторского права.

Подводя итог, можно сказать, что проблема указания авторства и использование результатов интеллектуальной деятельности, без уведомления непосредственного автора, очень часто встречается в русскоязычном сегменте Интернета. Стоит так же отметить, что за довольно большой отрезок времени, как и законодатель, так и непосредственные участники отношений, связанных с интеллектуальной собственностью, не создали каких-либо алгоритмов и способов предупредить подобные нарушения. Да, безусловно, есть способы изымать или удалять тот или иной контент по запросу правообладателя, но это не является панацеей.

Вышеизложенные проблемы присутствуют так же в других социальных сетях со своей спецификой. Например, в Twitter и Facebook отсутствует возможность прослушивания аудиозаписей, для решения этой проблемы Пользователи используют сторонние сервисы, такие как Spotify и Pandora Radio, данные ресурсы специализируются на бесплатном потоковом прослушивании музыки, без скачивания и ущемления авторских прав.

Таким образом, в России необходимо разработать действенные способы предупреждения нарушений прав на интеллектуальную собственность, используя как мировой

опыт, так опыт рунета. В данном вопросе очень важна именно техническая реализация приведенных выше аспектов, что подразумевает плотную работу с непосредственными социальными сетями.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. №32 ст. 3301.
2. Часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. №230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 25 декабря 2006 г. №52 (часть I) ст. 5496.
3. Лукьянов А. А. Основные концепции интернет-права // Информационное право. 2018. №3. С. 81.
4. Набоков Л. В., Шмат И. В. Защита прав интеллектуальной собственности в сети Интернет // В сборнике: Уголовный закон: современное состояние и перспективы развития: Материалы II Международной научно-практической конференции, приуроченной ко дню принятия Уголовного Кодекса РФ. 2018. с. 432.
5. Рассолов И. М. Право и Интернет. Теоретические проблемы: монография. М.: Норма, — 2017.
6. Фатиков Ю. О. Проблемы правового регулирования интеллектуальной собственности в сети Интернет // В сборнике: Социально-экономические, институционально-правовые и культурно-исторические компоненты развития муниципальных образований Сборник трудов XV научно-практической конференции. Министерство образования и науки Российской Федерации; Южно-Уральский государственный университет. 2018. с. 138.
7. Исследование GfK: аудитория интернета в России превысила 80 миллионов пользователей. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-auditorija-interneta-v-rossii-prevysila-80-millionovpolzovatelei/>.

Проблемные вопросы предварительной проверки сообщений о преступлениях в современных российских реалиях

Лахтина Ксения Александровна, студент магистратуры
Петрозаводский государственный университет

В статье даётся характеристика существующему на сегодняшний день законодательству Российской Федерации, касающегося вопроса проверки сообщений о преступлении. Автор акцентирует внимание на проблемах в правотворчестве, обращает внимание на проблемные вопросы в деле предварительной проверки подобных сообщений, говорит о необходимости модернизации правового законодательства с целью выхода из сложившегося положения, кардинальным способом устранения имеющихся противоречий в регламентации проверки сообщений о преступлениях.

Ключевые слова: преступление, нормативно-правовая база, закон, сообщение о преступлении, предварительная проверка.

Problem questions of preliminary check communications of crimes in modern Russian realities

The article describes the current legislation of the Russian Federation on the issue of verification of reports on crime. The author focuses on the gaps in lawmaking, draws attention to problematic issues in the preliminary verification of such reports, speaks of the need to modernize the legal legislation in order to overcome the current situation, a cardinal way to eliminate existing contradictions in the regulation of verification of reports on crimes.

Key words: crime, regulatory framework, law, crime reporting, preliminary verification.

Существование и развитие любого государства предусматривает наличие законов, правовых норм, обязательных для исполнения всеми гражданами этого государства. Законы не являются константным компонентом норматив-

но-правовых норм цивилизованного общества, они имеют тенденцию развиваться и совершенствоваться вместе с этим обществом, преследуя цель соответствовать запросам и требованиям поступательно развивающейся цивилизации.

Законодательство является продуктом человеческой мысли, поэтому оно не всегда может «похвастаться» своим совершенством. Вопросы проверки сообщений о преступлениях давно обозначились в качестве предмета пристального внимания ученых-специалистов, правоведов в сфере российского уголовно-процессуального права и криминалистики.

Значительным шагом вперёд по пути усовершенствования уголовно-процессуального законодательства, теории и практики проверки сообщений о преступлениях обоснованно считается принятие Федерального закона от 4 марта 2013 г. №23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [3,111].

Положения этого правового акта, позднее включенные в статью 144 УПК Российской Федерации «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении» [1] (в редакции выше обозначенного закона), существенно уточнили и расширили права дознавателя, следователя, органа дознания и руководителя органа в их деятельности по проверке поступившего сообщения о преступлении.

Тем не менее, на сегодняшний момент в теории и практике юриспруденции остаётся нерешенным ряд проблем, связанных с рассматриваемым видом деятельности органов российского уголовного судопроизводства. В частности, к таковым следует отнести вопросы:

- о тактике планирования и реализации планируемых действий органов дознания, следствия и судопроизводства, учитывая влияние фактора времени;
- о самом наименовании и содержании этой деятельности;
- о соответствующем технико-криминалистическом обеспечении проверочных действий;
- о привлечении адвоката, переводчика, законного представителя к участию в процессе приема сообщения о преступлении (и самой его проверки) в целях обеспечения прав граждан, не владеющих языком судопроизводства, и несовершеннолетних;
- о взаимодействии следователя с оперативными сотрудниками, средствами массовой информации и ответственностью в ходе предварительной проверки;
- об особенностях использования специалистами полиграфа, основ когнитивной психологии и методов гипнорепродукционного опроса в условиях предварительной проверки сообщения о преступлении и т. д. [3,112].

Поскольку перечень неразрешённых на сегодняшний день проблем можно продолжить, а возможности публикации ограничены, автор статьи позволил себе остановиться лишь на некоторых вопросах, имеющих, на его взгляд, первостепенное значение.

Итак, в первую очередь, следует остановиться на упорядочении самого понятия «предварительная проверка сообщения о преступлении», поскольку как токовое на

сегодняшний день оно не нашло себе места в юридическом глоссарии. Специалисты-правоведы имеют различный подход к его определению. Обобщая их умозаключения, мы можем сказать, что предварительная проверка сообщений о преступлении выражается в деятельности компетентных должностных лиц правоохранительных органов по анализу принятой и зарегистрированной в установленном порядке информации о предполагаемом преступном событии. Можно добавить, что сюда же входит сбор дополнительных сведений о следах и иных признаках преступного действия, необходимых для начала расследования и возбуждения уголовного дела. Не менее важно, обнаружение в полученной информации фактических данных, указывающих на признаки преступления (или их отсутствия), имеющих значение для квалифицированного и обоснованного принятия следственными органами одного из предусмотренных уголовно-процессуальным законом решений.

Предполагаем, что структура процесса такой проверочной деятельности должна состоять из следующих этапов:

- 1) анализа сведений, находящихся в зарегистрированном сообщении, с целью обнаружения в нём признаков, необходимых и достаточных для возбуждения конкретного уголовного дела;
- 2) при необходимости, сбор дополнительной информации о таких признаках с применением методов и средств, предусмотренных статьёй 144 УПК Российской Федерации [1];
- 3) анализа всех полученных в процессе приема, регистрации и проверки сообщения сведений для принятия решения о дальнейших действиях в соответствии со статьёй 151 УПК РФ или согласно части 2, статьи 20 УПК РФ [1].

Не менее насущной проблемой в теории и практике разрешения сообщений о преступлении является компетентный перечень тех мер, методом, средств и действий, которыми должны располагать ответственные лица, проверяющие такие сообщения.

Это обстоятельство весьма важно, поскольку обозначенные лица уполномочены всеми возможными способами установить наличие (отсутствие) данных, указывающих на признаки преступления, необходимых и достаточных для возбуждения уголовного дела и производства расследования по нему.

Поскольку все работники правоохранительных, следственных, судебно-исполнительных органов имеют высшее образование, планомерно повышают свою квалификацию, уделяют время самообразованию, а наука с её достижениями не стоят на месте, упомянутый выше перечень необходимо систематически пополнять инновационными средствами и методами следствия, дознания и проверочных мероприятий.

По мнению автора публикации, законотворчеству в области права, решающему проблемы в вопросах проверки сообщений о преступлениях, следует отказаться от определения этой проверки, как «предварительной»

или «доследственной». Её целесообразно и юридически грамотно проводить уже в рамках расследования по уголовному делу, принятому к производству согласно сообщению о преступлении.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001.
2. Гаврилов Б. Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1 (37).
3. Лавров В. П. Проблемы предварительной проверки сообщений о преступлениях в современных российских условиях // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). с. 111–114.
4. Наумов А. М. Проблемы выполнения следственных действий до возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2016. № 7.
5. 5. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях. Электронный ресурс. Режим доступа: www.tstu.ru/book/elib/pdf/2010/kopylova-a.pdf.

О необходимости продления сроков проведения административных расследований в отношении арбитражных управляющих

Литовкина Ксения Александровна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Проведение административного расследования в отношении арбитражного управляющего должно быть проведено и завершено в установленный КоАП РФ срок и по итогу процессуально оформлено. Однако, согласно практике ведения административного производства в отношении арбитражных управляющих должностными лицами Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестра) не всегда возможно завершить административное расследование в установленный законодательством срок. Поскольку при составлении протокола об административном правонарушении должностными лицами Росреестра необходимо соблюсти процессуальные права лица в отношении, которого составляется протокол об административном правонарушении. Для этого необходимо уведомить арбитражного управляющего надлежащим образом о времени, дате и месте составления протокола об административном правонарушении.

В статье раскрываются особенности проведения административного расследования должностными лицами Росреестра в отношении арбитражных управляющих. Автором проведен анализ судебной практики в части привлечения арбитражных управляющих к административной ответственности, в результате выявлены проблемы, возникающие в связи со своевременным завершением административного расследования. Предлагается внести дополнения в Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и в КоАП РФ о необходимости увеличения срока проведения административного расследования в отношении арбитражных управляющих, а также предлагается обязать арбитражных управляющих на законодательном уровне своевременно получать почтовую корреспонденцию.

Ключевые слова: *арбитражный управляющий, административное производство, административная ответственность, надлежащее извещение, сроки рассмотрения дела об административном правонарушении, суд, рассмотрение дела об административном правонарушении.*

При возбуждении административного производства и проведении административного расследования в отношении арбитражного управляющего, должностное лицо Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее — Росреестр), в случае выявления административного правонарушения, обязано зафиксировать их, дать юридическую квалификацию, и по итогам проведения административного расследования, в соответствии с действующим Российским законода-

тельством, процессуально оформить — в случае обнаружения административного правонарушения при проведении административного расследования должно выявить состав такого правонарушения, и по итогу вынести протокол об административном правонарушении. Необходимо учитывать формальность состава при рассмотрении административных дел в сфере несостоятельности (банкротства). В статье освещаются проблемы, связанные со сроком проведения административного расследования

и порядком продления рассмотрения административного расследования.

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 01.06.2009 № 457 «О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии» [6] Росреестр, является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю (надзору) за деятельностью саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, в силу пункта 10 части 2 статьи 28.3, части 4 статьи 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [4] должностные лица Росреестра, имеют право составлять протоколы об административных правонарушениях.

Согласно пункту 1, 2 и 3 части 1 статьи 28.1 КоАП РФ [4], поводами к возбуждению дела об административном правонарушении являются: непосредственное обнаружение; поступившие из правоохранительных органов, из других государственных органов, органов местного самоуправления, от общественных объединений материалы; сообщения и заявления физических и юридических лиц, сообщения в средствах массовой информации; на основании части 1.1. этой же статьи 28.1. КоАП РФ [4], заявления лиц, участвующих в деле о банкротстве, и лиц, участвующих в арбитражном процессе по делу о банкротстве, органов управления должника — юридического лица, саморегулируемой организации арбитражных управляющих, содержащие достаточные данные, указывающие на наличие события административного правонарушения.

В соответствии с частью 2 статьи 28.1 КоАП РФ [4], материалы, сообщения, заявления, указанные в пунктах настоящей статьи, подлежат рассмотрению должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях.

На основании вышеизложенного сотрудники Росреестра имеют право рассматривать дела об административных правонарушениях в сфере несостоятельности (банкротства) в отношении арбитражных управляющих, а также по итогам проведения административного расследования составлять протоколы об административных правонарушениях.

После возбуждения дела об административном правонарушении в отношении арбитражных управляющих, должностные лица Росреестра проводят административное расследование. Согласно положениям части 5 статьи 28.7 КоАП РФ [4], срок проведения такого расследования не должен превышать одного месяца с момента вынесения определения о возбуждении дела и проведении административного расследования об административном правонарушении.

В соответствии с пунктом 1 части 5 статьи 28.7 КоАП РФ [4], в исключительных случаях срок проведения административного расследования по письменному ходатайству должностного лица, в производстве которого находится данное дело, может быть продлен решением руководителя органа, в производстве которого находится

дело об административном правонарушении, или его заместителя — на срок не более одного месяца.

Согласно статье 26.10 КоАП РФ [4], должностные лица, в производстве которых находится дело об административном расследовании вправе выносить определение об истребовании необходимых сведений.

Надлежащим уведомлением лица в отношении, которого возбуждено административное дело, согласно части 1 статьи 25.15 КоАП РФ [4], является заказное письмо с уведомлением о вручении, повесткой с уведомлением о вручении, телефонограммой или телеграммой, по факсимильной связи либо с использованием иных средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование извещения или вызова и его вручение адресату.

Из вышеизложенного следует, что максимальный срок для рассмотрения административного дела и проведения административного расследования об административном правонарушении в сфере банкротства, не может превышать двух месяцев с учетом продления, что также закреплено в пункте 1 статьи 4.5. КоАП РФ [4].

В процессе проведения административного расследования должностные лица Росреестра сталкиваются с проблемой технического характера. Арбитражные управляющие зачастую проживают в одном регионе, а осуществляют свою деятельность по всей стране. При направлении определения о возбуждении, а также определения об истребовании необходимых сведений у саморегулируемой организации, в которой состоит арбитражный управляющий, а также у самого арбитражного управляющего, в силу географической отдаленности, ответ на определения Росреестра получить в сроки, отведенные для проведения самого административного расследования, не всегда представляется возможным.

Однако ненадлежащее извещение лица в отношении которого вынесен протокол об административном правонарушении, о дате, времени и месте составления такого протокола, является одним из оснований для отказа о привлечении виновного лица к административной ответственности. В научной статье Горб Е.Е, Степенко В. Е. «Надлежащее извещение арбитражных управляющих в производстве по делам об административных правонарушениях» [8], подробно рассмотрена данная проблема, и для соблюдения прав лица привлекаемого к административной ответственности, для соблюдения всех процессуальных норм для составления протокола об административных правонарушениях, предложено включить в КоАП РФ отдельную статью, в которой должны быть определены основания для признания лица, извещенным надлежащим образом, содержание такой статьи должно быть аналогично статье 123 АПК РФ [5].

Считаем, что наличие такой статьи в КоАП РФ, принципиально необходимо, поскольку КоАП РФ регулирует достаточно большой блок общественных отношений в сфере административных правонарушений, следовательно, ключевым этапом в процессе привлечения лиц к административной ответственности, является соблюдение их прав

и свобод, регламентированных всем гражданам Российской Федерации положениями Конституции РФ [1].

На практике отведенный срок на проведение административного расследования в 30 (тридцать) календарных дней недостаточен для соблюдения права, на извещение лица привлекаемого к административной ответственности о времени и месте составления протокола. Данные трудности обусловлены тем, что Российская Федерация занимает первое в мире место по территории согласно общеизвестным географическим данным. Факт недостаточности установленного срока КоАП РФ на проведение административного расследования, подтверждается практикой рассмотрения административных дел арбитражными судами.

Так, из материалов судебного дела №А41—47346/17 [9] следует, что Решением Арбитражного суда Московской области от 22.09.2017 заявление Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Московской области (далее — Управление) удовлетворено, арбитражный управляющий привлечен к административной ответственности по части 3.1 статьи 14.13 КоАП РФ [4] в виде дисквалификации сроком на 6 (шесть) месяцев.

Постановлением Десятого Арбитражного Апелляционного суда от 24.11.2017 решение Арбитражного суда Московской области от 22.09.2017 по делу №А41—47346/17 отменено, по следующим основаниям.

Управлением 26.04.2017 было вынесено определение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования. Также 26.04.2017 у саморегулируемой организации (далее — СРО), в которой состоит арбитражный управляющий, истребованы сведения о дате и месте рождения арбитражного управляющего, его паспортных данных, адресе его регистрации и фактического проживания, адресе его электронной почты и его телефон.

Арбитражному управляющему 27.04.2017 было направлено сообщение от 26.04.2017, в котором, среди прочего, предложено явиться 24.05.2017 в 12:00 для вынесения процессуального решения в соответствии с частью 6 статьи 28.7 КоАП РФ [4].

Административного расследования было продлено до 16.06.2017 в связи с неполучением арбитражным управляющим заказного письма от 26.04.2017 со всеми приложениями.

Сообщение от 25.05.2017, было направлено арбитражному управляющему в котором, среди прочего, предложено явиться 16.06.2017 в 11:00 для вынесения процессуального решения в соответствии с частью 6 статьи 28.7 КоАП РФ [4]. Данное сообщение от 25.05.2017 было направлено по адресу, предоставленному СРО в качестве адреса места регистрации арбитражного управляющего.

Почтовое отправление от 25.05.2017, как следует из материалов дела, прибыло в место вручения 02.06.2017 и только 03.07.2017 было выслано обратно отправителю.

Апелляционный суд отмечает, что указание почтовой организацией на то, что 03.06.2017 состоялась неудачная

попытка вручения данного почтового отправления не имеет правового значения для правильного рассмотрения дела и не свидетельствует об отказе арбитражного управляющего от получения почтовой корреспонденции.

Согласно пункту 34 Правил оказания услуг почтовой связи, утвержденных Приказом №234 от 31.07.2014 Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (далее — Правила оказания услуг почтовой связи) [7], письменная корреспонденция и почтовые переводы при невозможности их вручения (выплаты) адресатам (их уполномоченным представителям) хранятся в объектах почтовой связи места назначения в течение 30 (тридцати) дней.

На момент составления протокола об административном правонарушении уведомление, о времени и месте составления протокола арбитражным управляющим получено не было, срок хранения почтовой корреспонденции в адресе места получения почтовой корреспонденции не истек, сведениям об отказе арбитражного управляющего от получения, направленного сообщение или об истечении срока его хранения в связи с неявкой арбитражного управляющего за получением, Управление не располагало, и располагать не могло.

Иных доказательств извещения арбитражного управляющего о составлении протокола об административном правонарушении 16.06.2017 в материалы дела не представлено. Следовательно, арбитражный управляющий был не извещен надлежащим образом о времени и месте составления протокола об административных правонарушениях, а следовательно был лишен предоставленных законом процессуальных прав и гарантий защиты: прав на ознакомление с материалами дела, с протоколом об административном правонарушении и представлять объяснения и замечания по содержанию протокола, дачу объяснений и представления доказательств, заявлять ходатайства и отводы, пользоваться юридической помощью защитника.

Таким образом, Управлением были допущены процессуальные нарушения при составлении протокола об административном нарушении, на основании чего суд апелляционной инстанции отказал Управлению в привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности, несмотря на то, что совершенные им административные правонарушения были признаны судами.

На основании вышеизложенного следует вывод о том, что срок на проведение административного расследования, установленный частью 5 статьи 28.7 КоАП РФ [4] недостаточен для соблюдения требований к составлению протокола об административном правонарушении предусмотренных частью 4.1 статьи 28.2 КоАП РФ [4], в случае неявки физического лица, или законного представителя физического лица, или законного представителя юридического лица, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении, если они извещены в установленном порядке, протокол об административном правонарушении составляется в их отсутствие.

На наш взгляд, необходимо увеличить срок проведения административного расследования до 45 (сорока пяти) календарных дней. Увеличение срока на проведение административного расследования поможет избежать пробелов и «лазеек» в законодательстве в сфере привлечения лиц к административной ответственности.

В отсутствие надлежащего уведомления лица, в отношении которого возбуждено административное дело производство, это лицо нельзя привлечь к административной ответственности. При этом, арбитражные управляющие, привлекаемые к административной ответственности, могут умышленно уклоняться от получения корреспонденции, поскольку на законодательном уровне обязанность своевременно получать корреспонденцию не закреплена. Учитывая, что, например, срок доставки письма из Магадана до Кургана составляет 11 (одиннадцать) дней, без учета срока приема и обработки такого письма, — это в среднем еще дополнительно 2 (два) дня к сроку доставки письма [10].

В обратную сторону из Кургана до Магадана срок доставки составляет 9 (девять) дней, а также около 2 (двух) дней на обработку — получение письма отделением почтовой связи, формировании и направление адресату уведомления о почтовом отправлении.

При этом, ответ на определение об истребовании сведений контролирующего органа должен быть направлен в трехдневный срок со дня получения определения (ст. 26.10 КоАП РФ) [4].

Итак, срок доставки уведомления о месте и времени составления протокола, определения об истребовании арбитражному управляющему и получение ответа от управляющего, с письменными пояснениями в среднем может занимать от 3 (трех) до 27 (двадцати семи) дней. В то время, как срок на проведение административного расследования составляет 30 (тридцать дней).

Арбитражный управляющий, действуя недобросовестно может избегать получения корреспонденции от административного органа, так как срок хранения письма в отделении почтовой связи явно превысит срок, отведенный на проведение административного расследования, и пока срок хранения не истечет, считается, что арбитражный управляющий еще может получить письмо.

Таким образом, считаем, что диспозитивность права на получение корреспонденции, должна быть переведена в императивную норму — в обязанность на своевременное получение корреспонденции арбитражным управляющим, в силу его правового статуса и роли в сфере банкротства.

При проведении административных расследований должностные лица, одновременно направляют уведомления о возбуждении административного дела не только арбитражному управляющему, но и в адрес саморегулируемой организации, в которой состоит арбитражный управляющий.

На практике саморегулируемые организации своевременно получают всю почтовую корреспонденцию, направленную в их адрес, а также предоставляют документы

и информацию во исполнение определений об истребовании контролирующего органа в сроки, установленные статьей 26.10 КоАП РФ [4] (трехдневный срок). Как правило в сопроводительных письмах о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования, должностные лица Росреестра просят саморегулируемую организацию уведомить арбитражного управляющего о месте и времени составления протокола об административном правонарушении.

Однако арбитражные суды, в большинстве случаев уведомление саморегулируемой организацией арбитражного управляющего о месте и времени составления протокола об административном правонарушении не рассматривают в качестве надлежащего уведомления, что подтверждается материалами судебных дел: №А60—65322/2017, А41—47346/17, А41—106314/17 [9]. Хотя именно сотрудники саморегулируемой организации достоверно знают: адрес места жительства, нахождения, пребывания; телефонные номера; адреса офисов арбитражных управляющих, которые являются членами той или иной саморегулируемой организации.

Рассмотрим увеличение срока проведения административного расследования на примере дела №А41—47346/17 [9]. Согласно материалам данного судебного дела, нам известно следующее:

- 25.05.2017 Управлением было принято решение о продлении срока проведения административного расследования;
- 03.06.2017 состоялась неудачная попытка вручения почтового отправления арбитражному управляющему о месте и времени составления протокола об административных правонарушениях;
- 16.06.2017 был составлен протокол об административных правонарушениях — на 22 (двадцать второй) день со дня вынесения определения о продлении срока проведения административного расследования;
- 03.07.2017 почтовое отправление, направленное в адрес арбитражного управляющего о месте и времени составления протокола об административных правонарушениях, было выслано обратно отправителю.

Между тем согласно календарю 2017 года, нам известно, что:

- в мае 2017 года был 31 (тридцать один) день,
- в июне 2017 года было 30 (тридцать) календарных дней.

Согласно статье 191 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [2], течение срока, определенного периодом времени, начинается на следующий день после календарной даты или наступления события, которыми определено его начало.

Следовательно, если срок проведения административного расследования составлял бы 45 (сорок пять) календарных дней, последним днем такого расследования было бы 09.07.2017 — воскресенье.

Режим работы Управления — с понедельника по четверг с 9 часов 00 минут до 18 часов 00 минут, в пятницу

с 9 часов 00 минут до 16 часов 45 минут, суббота и воскресенье являются выходными днями (информация взята с сайта <https://rosreestr.ru/site/>).

Таким образом, крайней датой для назначения явки арбитражного управляющего для составления протокола могло быть как 07.07.2017 — пятница, так и 10.07.2017 — понедельник, в силу статьи 193 ГК РФ [2] (если последний день срока приходится на нерабочий день, днем окончания срока считается ближайший следующий за ним рабочий день). И по состоянию на 07.07.2017 или 10.07.2018 Управление имело бы сведения о том, что срок хранения почтового отправления истек в отделении почтовой связи, содержащее информацию о дате и месте составления протокола, и было направлено обратно отправителю.

Однако судебная практика, в части увеличения или сокращения сроков на проведение административных исследований, контролирующим органом, достаточно неоднозначна.

Так, исходя из материалов судебного дела № А38—13205/2017, суд указывает, что, если срок давности, предусмотренный статьей 4.5 КоАП РФ [4], не истек, то составление протокола за пределами срока административного расследования не является обстоятельством, исключающим производство по делу об административном правонарушении.

Согласно решению суда по делу № А60—27340/2016 [9], положения статьи 28.7 КоАП РФ [4] не обязывают компетентные органы составлять протокол об административном правонарушении только лишь по окончании срока административного расследования, равно как и не предусматривают необходимости в вынесении ими определения об окончании расследования. Поскольку административное расследование направлено на сбор дополнительных сведений и материалов, получение которых требует значительных временных затрат, основной его целью является накопление такой совокупности доказательств, которые бы позволили административному органу всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело об административном правонарушении.

В силу того, что по делу № А60—27340/2016 [9] сотрудником Росреестра протокол был вынесен раньше окончания проведения административного расследования, но при этом арбитражный управляющий был надлежащим образом уведомлен о месте и времени составления протокола, то данные действия Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Свердловской области, признаны судом, как не свидетельствующие о нарушении процессуальных требований при производстве по делу об административном правонарушении. И суд прямо указывает, что эти основания не являются препятствием для рассмотрения спора, по существу.

Исходя из приведенной выше практики, считаем логичным предложить законодателю, дополнить Фе-

деральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) [3] статьей обязывающей арбитражного управляющего, как объекта профессиональной деятельности, имеющего специальный статус, регулярно получать почтовую корреспонденцию в отделении почтовой связи, направленную ему по адресу, который он указывает на Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (далее — ЕФРСБ), как адрес для направления корреспонденции. Данный адрес должен совпадать с данными о конкретном арбитражном управляющем на сайте саморегулируемой организации, членом которой он является. Это важно не только с точки зрения ужесточения контроля над деятельностью арбитражных управляющих, но и в целях надлежащего ведения процедур банкротства арбитражными управляющими. Поскольку на указанный арбитражным управляющим, почтовый адрес приходит вся корреспонденция, которая необходима для ведения процедур банкротства — требования кредиторов о включении их в реестр требований кредиторов, уведомления о проведении собрания комитета кредиторов, требования кредиторов о внеочередном проведении собрания кредиторов, ответы государственных органов и финансовых организаций на запросы информации о состоянии и наличии имущества и финансового состояния должника, а также иные запросы кредиторов и самого должника, направленные в адрес арбитражного управляющего. Большинство сроков на опубликование обязательных сообщений на портале ЕФРСБ, а также в газете «Коммерсантъ», зависят именно от даты получения таких требований/уведомлений арбитражным управляющим.

В случае если арбитражный управляющий будет находиться в командировке, отпуске у него должен быть представитель/заместитель, имеющий полномочия на получение корреспонденции на имя арбитражного управляющего, в период его отсутствия.

Между тем, обязанность по своевременному получению корреспонденции арбитражным управляющим, закрепленная в Законе о банкротстве, может выступать как альтернатива увеличению срока на проведение административных расследований до 45 (сорока пяти) календарных дней.

Поскольку при привлечении арбитражных управляющих к административной ответственности необходимо учитывать сроки давности привлечения к административной ответственности, а увеличение срока на проведение административного расследования значительно затянёт процедуру привлечения к административной ответственности арбитражных управляющих, и косвенно будет способствовать пропуску срока привлечения к административной ответственности. Поэтому закрепление обязанности арбитражного управляющего на своевременное получение корреспонденции в Законе о банкротстве, более приоритетно, так как это будет способствовать добросовестному и своевременному исполнению

обязанностей, возложенных на арбитражного управляющего в рамках ведения процедур связанных с банкротством организаций и граждан.

Подводя итоги, считаем, что увеличение срока проведения административного расследования и/или законодательно закреплённая обязанность арбитражного управляющего на своевременное получение почтовой корреспонденции направленной в его адрес, позволит

должностным лицам Росресстра своевременно подготовить и собрать всю доказательственную базу по делу, не нарушая при этом сроки проведения административного расследования; также соблюсти права лица привлекаемого к административной ответственности, для всестороннего, полного и объективного рассмотрения дела об административном правонарушении, и вынесении верного решения по итогам рассмотрения такого дела.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, N31, ст. 4398 // СПС «КонсультантПлюс»
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // «Российская газета», N238–239, 08.12.1994.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 N127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 01.07.2018) // «Собрание законодательства РФ», 28.10.2002, N43, ст. 4190 // СПС «КонсультантПлюс»
4. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N195-ФЗ (ред. от 11.10.2018) // «Российская газета», N256, 31.12.2001 // СПС «КонсультантПлюс»
5. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N95-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // «Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, N30, ст. 3012 // СПС «КонсультантПлюс»
6. Постановление Правительства РФ от 01.06.2009 № 457 «О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии» // «Собрание законодательства РФ», 22.06.2009, N25, ст. 3052 // СПС «КонсультантПлюс»
7. Правила оказания услуг почтовой связи, утвержденных Приказом № 234 от 31.07.2014 Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. // <https://www.pochta.ru/about-documents> (дата обращения: 25.10.2018)
8. Горб Е.Е., Степенко В.Е. Надлежащее извещение арбитражных управляющих в производстве по делам об административных правонарушениях // вестник Тюменского государственного университета. — 2016. — Том 2. № 2. 83–91. — С. 83–91. // <https://vestnik.utmn.ru/sociology/vypuski/2016-tom-2/2/268993/> (дата обращения: 23.09.2018)
9. Информационная система «Электронное правосудие» <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 19.10.2018)
10. Информация взята на официальном сайте Почты России, в разделе «Почтовые услуги и правила» «Контрольные сроки пересылки письменной корреспонденции» (дата обращения: 29.10.2018) <https://www.pochta.ru/support/post-rules/delivery-terms>

Проблемы квалификации неоконченных преступлений в уголовном праве Российской Федерации

Лукияненко Игорь Владиславович, студент
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В настоящей статье автор рассматривает основные проблемные вопросы, возникающие при квалификации неоконченных преступлений. Представляется, что уголовно-правовая оценка неоконченных преступлений представляет собой повышенную сложность для повседневной работы следователей по расследованию тяжких и особо тяжких преступлений.

Ключевые слова: неоконченное преступление, уголовная ответственность, квалификация, уголовный закон, умысел

Наиболее актуальными проблемами квалификации преступных деяний считаются проблемы, связанные с уголовно-правовой оценкой неоконченных преступлений в уголовном праве Российской Федерации.

Такое положение обусловлено, в первую очередь, спецификой изложения самого нормативного материала, который на практике воспринимается далеко не идеально. В современной правоприменительной практике зачастую встречаются ошибки в квалификации действий виновных в неоконченных преступлениях, а также в разграничении неоконченного преступления и добровольного отказа от доведения преступления до конца. В связи с этим тема настоящей статьи представляет собой особую актуальность.

Если рассмотреть положения действующего уголовного закона, то можно обнаружить, что законодатель закрепляет, главным образом, нормы об окончанных преступлениях, закрепляя понятие таких преступлений в части 1 ст. 29 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее — УК РФ). Итак, поступление следует считать окончанным в том случае, если в деянии, совершенном лицом, имеются все признаки состава преступления, которые предусмотрены положениями УК РФ. Из этого законодательного определения можно сделать вывод, что юридический момент окончания преступления напрямую зависит от особенностей законодательной конструкции его объективной стороны.

Для того, чтобы в содеянном признать наличие определенных признаков неоконченного преступления, следует решить вопрос о том, каким образом законодателем регулируются параметры того или иного деяния в самом тексте УК РФ. Другими словами, можно сделать вывод, что правильная квалификация неоконченного преступления зависит во многом от законодателя, то есть от того, с какой степенью конкретизации законодателем было закреплено конкретное общественно опасное деяние. Многими авторами высказываются справедливые суждения о том, что в настоящее время в теории уголовного права по-прежнему отсутствуют четкие правила конструирования составов преступлений по моменту их окончания. Данное обстоятельство становится причиной использования малоэффективных или неэффективных конструкций в законодательной технике, что в итоге неизбежно приводит к ошибкам в квалификации неоконченных преступлений [3].

В УК РФ глава 7 носит название «Неоконченное преступление», которая включает в себя следующие статьи:

- Оконченное и неоконченное преступления (статья 29);
- Приготовление к преступлению и покушение на преступление (статья 30);
- Добровольный отказ от преступления (статья 31).

Согласно положениям статьи 29 УК РФ, преступление следует признавать окончанным в том случае, если в том деянии, которое совершено лицом, можно обнаружить все признаки состава преступления, которые предусмотрены УК РФ. Что касается неоконченного преступления, то таковым следует называть, во-первых, приготовление к преступлению, а, во-вторых, покушение на преступление.

Представляется, что такое понимание неоконченного преступления создает трудности на практике, поскольку наибольшая конкретизация нормы способна предоставить более широкий спектр инструментов для ее применения. Таким образом, можно сделать вывод, что четкое определение неоконченного преступления в УК РФ отсутствует.

Общественная опасность неоконченного преступления выражается в следующих двух значениях:

- во-первых, в оценке категории преступлений, за подготовку которых или за попытку совершения которых и устанавливается уголовная ответственность виновного;
- во-вторых, в размере и виде наказания, которое назначается за его совершение.

В следственной и судебной практике имеется огромное количество примеров, когда действия обвиняемого лица, к примеру, вместо приготовления к преступлению, квалифицируются ошибочно как покушение на преступление, либо же одновременно квалифицируются по обоим видам неоконченного преступления. В связи с этим имеются определенные проблемы разграничения окончанных, неоконченных преступлений и добровольного отказа от доведения преступления до конца.

Как верно отмечает А. М. Климанов, на практике возникают случаи, когда покушение на преступление или приготовление к нему одновременно включает в себя признаки окончанных составов преступлений, к примеру, изготовление преступником поддельного документа в целях использовать этот документ при совершении хищения или незаконное приобретение холодного оружия для совершения будущего убийства и т.д. В подобных случаях действия преступника обычно квалифицируются по правилам идеальной совокупности [2].

Проблема квалификации неоконченных преступлений включает в себя следующие составляющие:

- отграничение покушения от окончанного преступления;
- разграничение приготовления и покушения;
- разграничения добровольного отказа от доведения преступления до конца.

На практике зачастую именно в отношении приготовления к преступлению возникают неясности, суть которых сводится к тому, добровольно ли лицо отказалось от доведения преступного деяния до конца. Либо же данное лицо временно прервало совершение преступления, отложив на неопределенное время дальнейшую реализацию своего замысла для того, чтобы позднее осуществить его при наилучших обстоятельствах.

При разграничении добровольного отказа и неоконченного преступления необходимо иметь в виду сущность добровольного отказа, которая состоит (на основании статьи 31 УК РФ) в «прекращении лицом» соответствующих действий либо бездействия. Отсюда можно заключить, что до того момента, когда досрочное завершение преступного деяния зависит лишь от лица, то в этих случаях следует говорить о добровольном отказе.

В других случаях преступление также может быть не завершено по обстоятельствам, зависящим от лица, но их одних самих по себе для недоведения преступления до конца оказывается недостаточно. Необходимо, чтобы сыграли свою роль еще обстоятельства, не зависящие от лица. И в данной ситуации признание наличия добровольного отказа от преступления весьма сомнительно. Во-первых, при таких условиях результат добровольного отказа обуславливается не столько поведением лица, сколько действием внешних факторов. Во-вторых, в силу ст. 31 УК РФ лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности, если фактически совершенное им деяние содержит иной состав преступления. Решение же вопроса о том, подлежит или нет уголовной ответственности соответствующее лицо, не

может основываться на присутствии случайных факторов, связанных с действием внешних сил и закономерностей.

Квалификация установленных обстоятельств, в силу которых преступление не было доведено до конца, в качестве не зависящих от лица уже дает основание по действующему уголовному законодательству для вывода о неоконченном преступлении. Представляется, что приготовление должно считаться оконченным (имеется в виду, как самостоятельная стадия преступления) и квалифицироваться по соответствующей статье УК РФ со ссылкой на ч. 1 ст. 30 УК РФ только в том случае, когда приготовительными действиями субъекта созданы все условия, позволившие бы деянию достигнуть стадии оконченного преступления, если бы они не были прерваны или пресечены.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Климанов А. М. Некоторые вопросы квалификации неоконченных, групповых и неоднократных преступлений / А. М. Климанов // Инновационная наука. 2017. — № 3–2. — С. 118–122.
3. Проблемы квалификации преступлений: монография / В. К. Андрианов, Е. В. Кобзева, Д. А. Мелешко и др.; под ред. К. В. Ображиева, Н. И. Пикурова. — М.: Проспект, 2018. — 461 с.

Совещательная комната как процессуальный институт гражданского процессуального права

Макарова Дарья Викторовна, студент
Курганский государственный университет

В 1864 году в ходе судебной реформы Александра II в принятом Уставе гражданского судопроизводства появился новый институт — тайна совещания судей. В 693 статье данного документа устанавливалось, что для вынесения решения судьи должны удаляться в совещательную комнату, в которую ограничивался доступ.

Сегодня Гражданский процессуальный кодекс в ст. 192 и в ч. 2 ст. 194 устанавливает императивные положения, которые закрепляют необходимость удаления суда в совещательную комнату, о чем председательствующий оповещает присутствующих. В данном помещении могут находиться лишь судья (судьи), рассматривающие дело, присутствие иных лиц не допускается. П. 7 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ относит «нарушение правила о тайне совещания судей при принятии решения» [1] к основаниям для отмены решения суда первой инстанции.

Таким образом, соблюдение тайны совещания является одним из обязательных условий для законного решения дела, его выполнение является гарантом соблюдения принципа независимости судей при осуществлении

правосудия и их подчинения исключительно Конституции и Федеральному Закону.

Если рассматривать институт через призму международного опыта на уровне СНГ, то мы увидим, что в гражданских процессуальных кодексах Беларуси и Украины так же имеются положения о совещательной комнате, изложенные аналогично российскому закону, а в казахстанском имеется важное уточнение, что по окончании рабочего времени, а также в течение рабочего дня суд (судья) вправе сделать перерыв для отдыха с выходом из совещательной комнаты. Стоит сказать, что в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации имеется такое же положение, но отсутствует в ГПК РФ, было бы целесообразным его включение в указанный документ.

Вызывает сомнение потребность удаления в совещательную комнату судьи, при единоличном рассмотрении дела. Вновь обратимся к истории. Рыжаков А. П. утверждал: «Пока не появилось разделения властей в государстве, пока не существовало коллегиального решения уголовных и гражданских дел, не было и сове-

шания, предшествующего принятию решения, не было совещательных комнат и, соответственно, «тайны совещательной комнаты» [2]. Исходя из данного высказывания, можно получить логический вывод, что удаление в совещательную комнату было продиктовано именно коллегиальным рассмотрением дела (как одной из причин), этим можно объяснить появление этого правила. Но чем обосновать его сохранение?

Рассмотрим два взгляда на данный вопрос.

1) Соблюдение тайны совещания судей является собой элемент содержания принципов независимости судей, беспристрастного разрешения спора, своевременного и всестороннего рассмотрения дела, поскольку в изолированной комнате судья не может подвергнуться какому-либо давлению и склонению к благоприятному сходу дела для заинтересованной стороны.

2) Давление на судью оказывается не в комнате, а за ее пределами до начала судебного заседания, гораздо важнее оградить судью от этого воздействия. Поэтому можно считать необоснованным закрепление тайны совещания в качестве безусловного основания для отмены решения, при ее нарушении. Также высказываются мнения, что данный институт при единоличном рассмотрении является анахронизмом, так как одному судье нет причин удаляться для составления резолютивной части в совещательную комнату. Еще в 19 веке известный юрист Боровиковский А. Л. высказывал мнение о том, что судьи должны совещаться в зале судебного заседания в присутствии всех желающих услышать их доводы.

Также положение, закрепленное в п.7 ч. 4 ст. 330² может стать предпосылкой к злоупотреблению процессуальным правом на обжалование решения, поскольку при анализе судебной практики можно найти жалобы на открытое окно или приоткрытую дверь в совещательную комнату, такого мнения придерживается Батурина Н.А [3].

По статистическим данным, отображенным в статье «Независимой газеты», так же опубликованной в обзоре

СМИ Судебным департаментом при ВС РФ, в 2018 году к дисциплинарной ответственности были привлечены 172 судьи. Самыми распространенными нарушениями являются волокита при рассмотрении дел, прогулы, и, интересующее нас, вынесение решений не в совещательной комнате. [4]

Можно отметить, по Федеральному Закону от 28.11.2018 N 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ст. 20 ГПК РФ должна излагаться в новой редакции, в которой закреплено положение для разрешения вопроса об отводе/самоотводе судья, рассматривающий дело единолично, путем вынесения мотивированного протокольного определения без удаления в совещательную комнату. Данный Закон пока не вступил в силу, но он все-таки уже отражает правильное направление в реформировании гражданского процессуального законодательства.

Тайна совещания — важный институт, от которого нельзя отказываться в полной мере. Правильным представляется мнение экс-председателя ВАС РФ Иванова А. А. (который, кстати, является противником данного правила) «нарушение тайны совещания судей должно влечь отмену судебного акта лишь тогда, когда такое нарушение было существенным, то есть повлияло или могло повлиять на внутреннее убеждение судьи при принятии такого судебного акта» [5]. Поскольку, как минимум, неразумно делать основанием для отмены судебного акта, по процессуальным мотивам, такое действие, как например, выход из комнаты судьи на обед или звонок ребенку.

Таким образом, во-первых, необходимо унифицировать в ГПК РФ положение о возможности перерыва в течение рабочего дня с выходом из совещательной комнаты и по окончании рабочего времени, как это предусмотрено в УПК РФ (ст. 298). Во-вторых, было бы целесообразным закрепить удаление в совещательную комнату лишь при коллегиальном рассмотрении дела.

Литература:

1. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.12.2018)
2. Рыжиков А. П. Тайна судебного совещания при принятии судебного акта // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=32842#0658997211461027> (дата обращения: 16.05.2019).
3. Батурина Н. А. Тайна совещательной комнаты: реальность или видимость // Российский судья. — 2014. — №2. — С..
4. «Обзор публикаций российских СМИ о судебной системе Российской Федерации» от 19.02.2019» // ГАС Правосудие URL: files.sudrf.ru/2478/user/Obzor_SMI_na_19_fevralya_2019_goda.pdf (дата обращения: 19.05.2019).
5. Иванов А. А. За семью печатями, или Тайна совещательной комнаты // «Гарант». URL: https://www.garant.ru/ia/opinion/author/ivanov_anton/613040/ (дата обращения: 19.05.2019)

Особенности правового статуса сотрудников органов внутренних дел

Миренкова Евгения Павловна, студент магистратуры;
Кременов Игорь Наумович, кандидат юридических наук, доцент
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье анализируются особенности прав и обязанностей сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Приводится характеристика основных и специальных прав и обязанностей представителей правоохранительных органов. Определено, что деятельность сотрудников ОВД регламентирована гораздо жестче, чем деятельность государственных служащих (например, в отношении вопроса применения мер наказания в случае нарушения дисциплины). Отмечены случаи, в которых сотрудник ОВД может действовать согласно своим внутренним убеждениям.

Анализируя структуру административно-правового статуса сотрудника ОВД, прежде всего, необходимо разобрать такие понятия как административно-правовой статус гражданина. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Как указано в статье 2 Конституции РФ, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства.

Административно-правовой статус гражданина это юридическое закрепление положения гражданина в обществе, комплекс субъективных прав, юридических обязанностей, гарантий и ответственности граждан, закрепленных административно-правовыми нормами.

Элементы административно-правового статуса граждан:

1. принципы административно-правового статуса граждан;
2. гражданство;
3. административная правосубъектность (право, дееспособность) граждан;
4. права и обязанности граждан в сфере государственного управления;
5. административная ответственность граждан;
6. юридические гарантии административно-правового статуса граждан.

Административная правосубъектность граждан способность гражданина (физического лица) быть субъектом административного права. Ее элементами выступают административная правоспособность граждан и административная дееспособность граждан.

Административная правоспособность граждан способность гражданина иметь в силу норм административного права субъективные права и нести юридические обязанности, возникающие с момента рождения и прекращаемые смертью.

Обстоятельства, определяющие объем административной правоспособности граждан, возраст, состояние здоровья, уровень образования, квалификация, семейное положение и др.

Административная дееспособность граждан — способность гражданина в силу норм административного права своими действиями приобретать права и создавать (реагировать) для себя юридические обязанности в сфере государственного управления.

Таким образом, сотрудник органов внутренних дел — гражданин, который взял на себя обязательства по прохождению федеральной государственной службы в органах внутренних дел в должности рядового или начальствующего состава и которому в установленном порядке присвоено специальное звание рядового или начальствующего состава.

Сотрудник органов внутренних дел может проходить службу в органах внутренних дел в случае его зачисления в распоряжение федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа, подразделения либо в случае прикомандирования, предусмотренного статьей 32 Федерального закона № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации могут быть установлены другие случаи прохождения сотрудником службы в органах внутренних дел, когда он не замещает должность в органах внутренних дел.

Правовое положение (статус) сотрудника органов внутренних дел определяется Федеральным законом № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и другими федеральными законами, регулирующими особенности прохождения службы в органах внутренних дел.

Сотруднику органов внутренних дел выдаются служебное удостоверение и специальный жетон с личным номером. Образцы служебного удостоверения и специального жетона сотрудника органов внутренних дел и порядок их выдачи утверждаются федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел. Служебное удостоверение сотрудника органов внутренних дел является документом, подтверждающим личность сотрудника, его принадлежность к федеральному органу исполнительной власти в сфере [1, с.33]. Форменной одеждой полицейский обеспечивается за счет государства. Нагрудные знаки и знаки отличия на форменной одежде должны располагаться в строгом соответствии с установленным образцом. Все сотрудники полиции имеют право на ношение

оружия и средств защиты. Их выдача осуществляется также за счет средств федерального бюджета.

Характеристика правового статуса кого-либо включает в себя анализ его прав и обязанностей, что также представляется необходимым при рассмотрении особенностей правового статуса сотрудников полиции. Необходимо учесть также и то, что правовой статус сотрудников органов внутренних дел в последние годы претерпел значимые изменения. Изменения, произошедшие в системе социально-политических отношений в стране за последнее время, потребовали пересмотра существующего законодательства в отношении сотрудников ОВД. Данные изменения в основном закреплены в Федеральном законе «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» [2]. Также права и обязанности сотрудника полиции прописаны в Законе о службе в органах внутренних дел, в федеральных законах «О полиции» [3], «О социальных гарантиях сотрудникам ОВД РФ» [4]. Условно права и обязанности сотрудников органов внутренних дел разделены на два основных блока — социальные права и правила применения сотрудниками полиции физической силы и табельного оружия [5, с.186–188].

Значимый объем обязанностей, выполняемых сотрудниками ОВД, связан с оказанием государственных услуг населению. К примеру, сотрудники дорожно-патрульной службы осуществляют прием экзаменов на право вождения автомобилем.

Помимо того, что сотрудник полиции, являясь гражданином Российской Федерации, обладает всеми гражданскими правами, он обладает и специфическими правами, так как обязан укреплять правопорядок и законность в государстве. В РФ существуют три основных вида государственной службы:

1. военная служба — государственные военные службы,
2. государственная гражданская служба — обеспечение исполнения полномочий государственного лица,
3. правоохранительная служба — службы по обеспечению выполнения законов государства и защите прав граждан.

Трудовой кодекс Российской Федерации распространяется на представителей органов внутренних дел лишь в той части, в которой он не соприкасается с законодательными актами, посвященными службе в полиции.

Сотрудником полиции считается лишь должностное лицо, которому присвоено специальное звание и который выполняет определенные обязанности. В территориальных органах внутренних дел сотрудник полиции выполняет свою работу в пределах конкретной территории его территориального органа. Вне пределов своей территории полицейский выполняет обязанности, которые закреплены за ним федеральным органом исполнительной власти Российской Федерации. Безусловным является тот факт, что деятельность сотрудников ОВД гораздо жестче регламентирована, чем деятельность государственных служащих. К ним применяются более жесткие меры наказания в случае нарушения дисциплины. Перечень ус-

ловий, при которых следует увольнение сотрудника полиции из ОВД, гораздо больше, чем подобный перечень в отношении гражданских лиц.

Сотрудники органов внутренних дел имеют право на полное обеспечение всеми техническими средствами, необходимыми для работы. Все сотрудники полиции должны быть ознакомлены со своими должностными инструкциями, в которых перечисляются их права и обязанности. Безусловно, график работы полицейских сильно отличается от графика работы гражданских лиц, но они также имеют право на отдых, выходные и нерабочие дни, ежегодные оплачиваемые отпуска [6, с.24–27].

Если возникает служебная необходимость, сотрудник органов внутренних дел имеет право получить материалы и информацию, составляющую государственную тайну, в строго установленном порядке. Он также может обратиться за нужной информацией в государственные и муниципальные органы.

Все сотрудники органов внутренних дел по желанию могут ознакомиться со своими личными делами и отзывами на свою работу. Никто не имеет право препятствовать продвижению по службе сотрудника полиции, если на то нет значимых оснований. Хотя деятельность полицейских регламентируется специальными федеральными законами, они так же, как и все граждане Российской Федерации, имеют право обратиться в суд за рассмотрением служебного спора в соответствии с законодательством РФ.

Особыми правами сотрудников полиции являются право:

1. требовать от физических и юридических лиц соблюдать законность и правопорядок,
2. проводить задержание лиц, подозреваемых в совершении преступлений,
3. при необходимости проводить проверку документов у граждан и организаций,
4. при необходимости использовать транспортные средства граждан,
5. при необходимости в строго установленном законодательством порядке применять физическую силу, табельное оружие и специальные средства защиты.

Так как сотрудник полиции является представителем государственной власти, его требования являются обязательными для выполнения. Он подчиняется непосредственному начальнику. При получении от начальника приказа или распоряжения, противоречащего законодательству Российской Федерации, прежде всего, он должен руководствоваться положениями закона [7, с.272–275].

Сотрудник полиции осуществляет свою деятельность основываясь на контракте, который вступает в силу со дня, названного в приказе руководителя структурного подразделения о назначении на должность. Контракт может быть как бессрочным, так и на определенный срок.

При принятии на службу гражданина устанавливается срок его стажировки не менее трех месяцев и не более

шести месяцев. На этот период он считается стажером на должность в органы внутренних дел. В испытательный период со стажером заключается срочный трудовой договор.

Полиция обязана следить за соблюдением прав граждан. Если действия сотрудника полиции приводят к ограничению прав граждан для совершения правосудия, данные действия должны быть немедленно прекращены при достижении необходимой цели. Сотрудник полиции не имеет право прибегать к применению пыток, насилия, жестокому обращению и всему тому, что унижает человеческое достоинство гражданина.

Также сотрудник полиции может выбрать по своему внутреннему убеждению, например, вид принуждения, применяемый к нарушителю. Также он сам решает по сложившимся обстоятельствам, основываясь на приказах применять огнестрельное оружие или нет.

Сотрудником полиции не может быть человек, признанный недееспособным или ограниченно дееспособным. Также в ряды полиции не принимаются граждане с судимостью и имеющие заболевания, включенные в утвержденный Правительством РФ перечень. Сотрудниками полиции также не могут быть граждане других государств, имеющих двойное гражданство.

Литература:

1. Административное право: учеб. пособие для прикладного бакалавриата / Н. В. Макареико. — 8-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2014. — 212 с. — Серия: Учебное пособие.
2. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 2011 г. №342-ФЗ // Российская газета. 2011. 7 дек.
3. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 №3-ФЗ // Там же. 8 февр.
4. О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 19.07.2011 №247-ФЗ // Там же. 21 июля.
5. Рахматуллин А. Ф. Особенности правового статуса сотрудников органов внутренних дел как представителей правоохранительных органов современной России // Вестник Новгородской академии МВД. 2012. №20.
6. Тенгизова Ж. А. Защита имущественных прав сотрудников полиции // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. №3—2.
7. Тенгизова Ж. А. Требования законности в деятельности органов внутренних дел // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. №11—1.

Меры административного пресечения, используемые органами государственного надзора и контроля в сфере жилищно-коммунального хозяйства

Мурсалов Физули Айдинбекович, аспирант
Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)

В статье предпринята попытка исследовать виды мер административного пресечения, используемых в области жилищно-коммунального хозяйства разными органами и их должностными лицами. В данном исследовании будут рассматриваться такие вопросы, как определение сущности и содержания мер административного пресечения в жилищно-коммунальном хозяйстве и исследованы организационные проблемы их применения на основе общих и частных методов научного познания объективной действительности, к которым относятся формально-юридический, абстрагирование, синтез, анализ и другие методы.

Ключевые слова: административные наказания, административная ответственность, сфера жилищно-коммунального хозяйства, субъекты государственного контроля и надзора, меры административного пресечения, административные правонарушения.

Актуальность вопроса об использовании мер административного пресечения в области жилищно-коммунального хозяйства связана существенным числом нарушений в данной области. Разные способы управлен-

ческого влияния, воздействующие на всех субъектов, работающих в области жилищно-коммунального-хозяйства, образуют единый комплекс и находятся во взаимосвязи. Используемые способы также нуждаются в постоянном

усовершенствовании с точки зрения, как порядка, так и содержания их реализации, базирующихся на результатах исследовательских работ.

Сегодня прослеживается тенденция роста числа нарушений в области жилищно-коммунального хозяйства, особенно на уровне субъектов РФ. Данная тенденция диктует необходимость усиления метода принуждения при параллельной реализации защиты прав народа на качественные условия проживания и жилищно-коммунальные услуги.

На примере Республики Дагестан около полутора тысяч нарушений выявила Госжилинспекция республики в первом квартале 2019 года. Об этом заявил главный госжилинспектор Дагестана Али Джабраилов. Говоря о результатах, глава надзорного ведомства подчеркнул, что, несмотря на загруженность, коллективу удалось в срок решить поставленные задачи. Среди них были названы мероприятия по контролю за прохождением осенне-зимнего периода и исполнением поручения вице-преьера Правительства РФ В. Мутко по проведению проверок наличия у управляющих организаций договоров на техническое обслуживание и диагностирование газового оборудования. С докладом по основному вопросу повестки дня выступил заместитель руководителя ГЖИ РД Магомед Шапиев, который сообщил, что за отчетный период ведомством проведено 1 524 проверки [11].

«Было обследовано 3 349 домов общей площадью 12186,9 тыс. кв. м, в результате обнаружено 1482 нарушения, из них 1150 — связаны с нарушением правил содержания и ремонта жилищного фонда. На устранение нарушений было выдано 901 предписание. Из тех, срок исполнения которых приходится на отчетный период — 648, по 546 нарушениям устранены в сроки, то есть процент исполнения составил 84,2 %. Всего за квартал на виновных лиц (совокупно ГЖИ и судами по протоколам ГЖИ) наложено штрафов на 2 млн 654 тыс. рублей», — констатировал Шапиев [4].

Что касается содержания обращений, Шапиев доложил, что в жилищную инспекцию всего поступило 939 обращений граждан, из них 412 — об отсутствии тех или иных коммунальных услуг. «По 70 выявленным нарушениям выдано 69 предписаний на их устранение. За нарушение нормативов обеспечения населения коммунальными услугами было возбуждено 28 дел, при рассмотрении которых вынесены постановления о назначении штрафов на 322 тысячи рублей», — заключил он [11].

Одним из видов реализации метода принуждения является применение мер административного пресечения. По мнению А. Ю. Соколова, «в литературе по юриспруденции не имеется единого понимания содержания мер административного пресечения» [12, с. 320]. В современной юридической литературе наблюдаются разные взгляды авторов на исследуемую проблему. Например, одними учеными меры административного пресечения представляется в качестве мер административного влияния, используемые для предотвращения новых адми-

нистративных правонарушений и пресечения длящихся, воспрепятствующие наступлению вредных последствий, а также обеспечивающие возможность применения административного наказания [5, с. 145]; другими административно-пресекающие меры исследуются как способ, посредством которого можно предотвратить вредные последствия правонарушения принудительно прекратив уже совершающееся [10, с. 595].

По мнению Л. Л. Попова, что суть рассматриваемых мер заключается в принудительном прекращении противоправных действий юридических и физических лиц, нарушающих предусмотренный порядок. Вместе с тем условием применения административно-пресекающих мер могут являться и правонарушения, и объективно противоправные деяния, правонарушением не являющиеся. Исследуя виды административно-пресекающих мер, к их числу он относит и некоторые меры обеспечения производства об административных правонарушениях [7, с. 272–273].

А. Б. Агапов в своих работах исследует меры административного пресечения только связывая их с производством по делам об административных правонарушениях, идентифицируя их с административно-пресекающими мерами соответствующего производства [1, с. 562–577].

На специальные и общие классифицирует административно-пресекающие меры В. М. Манохин, причисляя к первым меры, установленные отраслевыми законами (о государственной границе, о внутренних войсках МВД России и т. д.), а ко вторым — меры, обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Специальные меры, которые включают в себя применение боевой техники, оружия, специальных средств, физической силы, применяются намного реже и касаются существенно малого числа лиц [6, с. 100].

Значимость вопроса о применении мер административного пресечения именно в области жилищно-коммунального хозяйства связана с существенным числом нарушений в указанной области. 10 апреля 2019 г. на заседании Совета Федерации ФС России Генпрокурор Российской Федерации Юрий Яковлевич Чайка выступил с докладом, в котором подчеркивалось, что в 2018 г. во всех регионах проводились проверки исполнения законодательства в сфере капитального ремонта, ликвидации аварийного фонда, управления многоквартирными домами, выявлялись злоупотребления с финансовыми ресурсами [15].

«В области исполнения законов остается еще много проблем. Для их решения нам необходимо работать совместно с палатами Федерального Собрания, органами власти, правоохранительными ведомствами, общественными институтами. Мы приложим все усилия для утверждения верховенства права, развития страны и благополучия российского общества и граждан», — подчеркнул Юрий Яковлевич Чайка [15].

Для целей настоящей статьи меры административного пресечения будут рассматриваться с аспекта субъек-

ектов их осуществления, круг которых относительно не большой. Это территориальные органы федеральных органов исполнительной власти (ГПС МЧС России, Роспотребнадзор, ФАС России и др.), жилищные инспекции субъектов России, должностные лица муниципального жилищного контроля в системе органов местного самоуправления. Помимо этого, следует установить и изучить меры пресечения, применяемые разными органами государственного надзора и контроля в сфере жилищно-коммунального хозяйства и их должностными лицами.

В соответствии с п. 2 Положения о государственном жилищном надзоре «задачами государственного жилищного надзора выступают пресечение, предупреждение и выявление нарушений органами местного самоуправления, органами государственной власти, а также гражданами, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями предусмотренных согласно с жилищным законом, законом об энергосбережении и об увеличении энергетической эффективности требований к сохранности и использованию жилищного фонда независимо от его видов собственности» [8]. Государственный жилищный надзор осуществляется при помощи принятия установленных законами России мер по устранению и пресечению выявленных нарушений.

Организации, производящие эксплуатацию многоквартирных домов, могут выступать субъектами разных групп правонарушений, к которым относятся: неисполнение требований правил пожарной безопасности и по предоставлению технической документации (ст. 20.4 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации); нарушения норм, предусмотренных на предоставление жилищно-коммунальных услуг (ст. 7.23 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации); непредоставление общедоступной информации согласно Федеральному закону от 21 июля 2014 г. №209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» [13] (ст. 7.23.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации); продолжительные либо повторные нарушения правил содержания общего имущества, технической эксплуатации (ст. 7.22 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации) и другие правонарушения.

Высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации принимается закон, который устанавливает общие вопросы Государственной жилищной инспекции Республики Дагестан, отражающийся в специальных положениях исполнения государственной жилищной инспекцией функций и полномочий государства [8]. Руководителями Государственных жилищных инспекций субъектов принимаются административные регламенты, регламентирующие порядок проведения государственными жилищными инспекциями государственного жилищного надзора на соответствующем субъекте.

В соответствии с такими регламентами должностные лица Госжилинспекции субъектов имеют право выдавать предписания о прекращении нарушений обязательных требований, об устранении выявленных нарушений, о проведении мероприятий по обеспечению соблюдения обязательных требований, в том числе об устранении в течении 6 месяцев с момента направления такого предписания несоответствия устава товарищества собственников жилья, внесенных в устав изменений обязательным требованиям [2].

В случае если предписание об устранении нарушений обязательных требований не исполнено в вышеназванный срок, должностные лица Госжилинспекции могут составлять протоколы об административных правонарушениях, установленных статьей 6.24, статьями 7.21, 7.22, 7.23, 7.23.2, 7.32.2, ч.1 статьи 20.25 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации и направлять в полномочные органы материалы, которые связаны с нарушениями обязательных требований, для решения вопросов о возбуждении уголовных дел по признакам преступлений. По проведении проверки составляется акт проверки, а если обнаружено нарушение необходимо подготовить акт проверки, и выдать предписание об устранении нарушения и составить протокол об административном правонарушении. Названная мера пресечения выступает практически одним единственным способом административного воздействия, которое могут осуществлять должностные лица Госжилинспекции.

Далее рассмотрим и другой закон, согласно которой указанные должностные лица субъектов на примере Республики Дагестан вправе применять административно-пресекающие меры.

Итак, согласно Административному регламенту Госжилинспекции РД исполнения государственной функции по лицензионному контролю лицензионный контроль за соблюдением лицензионных требований юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, обладающие лицензией на предпринимательскую деятельность по управлению многоквартирными домами, осуществляется Государственной жилищной инспекцией Республики Дагестан [3].

В ситуации обнаружения членами комиссии по проверке по итогам проведенной проверки нарушений лицензионных требований юридическое лицо или индивидуальный предприниматель получает предписание об устранении обнаруженных нарушений лицензионных требований с указанием периода в течении которого должно быть устранено обнаруженное нарушение. Предписание выступает составной частью акта проверки и должно быть вручено руководителю проверяемого лица (другому полномочному лицу) вместе с вручением ему второго экземпляра акта проверки.

Итак, на основании вышеизложенного можно утверждать, что решение главных вопросов в области жилищно-коммунального хозяйства включены в полномочия Госжилинспекций. Вместе с тем, определенные проблемы

в области жилищно-коммунального хозяйства решаются органами Роспотребнадзора по вопросам жилищно-коммунальной сферы. Таковыми являются: наличие в доме насекомых и грызунов; несоблюдение санитарно-гигиенических норм в месте проживания (в соответствии с ч. 3 ст. 23 ФЗ от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения») жилые помещения должны содержаться согласно санитарным правилам [14]); несоблюдение правил вывоза и хранения бытовых отходов (согласно вышеназванному закону отходы потребления и производства должны размещаться, обезвреживаться, утилизироваться, обрабатываться, накапливаться, транспортироваться, собираться таким образом, чтобы способы и условия которых были безвредными для здоровья граждан и среды обитания и осуществлялись согласно с санитарными правилами и другими законами Российской Федерации и ее субъектов) и др.

Данная ситуация связана с насовсем конкретным ограничением компетенций органов Госжилинспекций и Роспотребнадзора, в связи с чем думается правильным на уровне подзаконного регламентирования четко установить область полномочий названных органов.

Таким образом, несмотря на существенное количество видов административно-пресекательных мер, осуществляемых в жилищно-коммунальной сфере разными должностными лицами и органами, в рассматриваемой области чаще применяются разного рода предписания. Это обусловлено с возможным отрицательным итогом развития событий, если выбрать для использования более строгую меру пресечения для большого круга потребителей жилищно-коммунальных услуг, что требует принятия мер организационного характера для улучшения действенности контрольно-надзорной деятельности и борьбы с латентностью правонарушений в жилищно-коммунальной сфере.

Литература:

1. Агапов А. Б. Административное право: учебник для бакалавров / А. Б. Агапов. — 9-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2014. — 936 с. С. с. 562–577 ISBN 978–5–9916–3271–3. URL: <https://biblio-online.ru/bcode/378827> (дата обращения: 19.05.2019).
2. «Административный регламент исполнения Государственной жилищной инспекцией Республики Дагестан государственной функции «региональный государственный жилищный надзор», утвержден приказом Госжилинспекции РД от 09.11.2015г № 196/02/11 — ОСД // Зарегистрирован в Министерстве юстиции РД от 03.12.2015г № 3604
3. Административный регламент Государственной жилищной инспекции Республики Дагестан исполнения государственной функции по лицензионному контролю», утвержден приказом Госжилинспекции РД от 15.12.2014г № 89/02/11 — ОСД // Зарегистрирован в Министерстве юстиции РД от 19.12.2014г № 3200
4. Даир Казиев Статья: С начала года в сфере ЖКХ Дагестана выявлено полторы тысячи нарушений от 30.04.2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://riaderbent.ru/s-nachala-goda-v-sfere-zhkh-dagestana-vyuavleno-poltory-tysyachi-narushenij.html>
5. Колязина А. В. (Александра Владимировна). Государственный контроль и надзор в жилищно-коммунальном хозяйстве: дисс... на соискание ученой степени к. ю.н. Специальность 12.00.14 — административное право; административный процесс / А. В. Колязина; науч. рук. А. Ю. Соколов. — Саратов, 2018. — 246 с. С. 145
6. Манохин В. М. Административное право России [Электронный ресурс]: учебник / Манохин В. М. — Электрон. текстовые данные. — Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2011. — 137 с. С. 100. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/1285.html>.
7. Попов Л. Л. Административное право: учебник / Московская государственная юридическая академия; Под ред. Л. Л. Попова, М. С. Студеникиной. — М.: НОРМА, 2008. — 992 с. С. 272–273
8. Постановление Правительства Республики Дагестан от 11 ноября 2013 года N 576 «Вопросы Государственной жилищной инспекции Республики Дагестан» (с изм. от 21.09.2018 N 134) // Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/460226107>
9. Постановление Правительства РФ от 11.06.2013 N 493 (ред. от 13.09.2018) «О государственном жилищном надзоре» (вместе с «Положением о государственном жилищном надзоре») // «Собрание законодательства РФ», 24.06.2013, N 25, ст. 3156
10. Россинский Б. В. Административное право: учебное пособие / Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. — 4-е изд., пересмотр. и доп. — М.: Норма, 2009. 927 с. С. 595
11. Статья: Около 1500 нарушений в сфере ЖКХ выявлено в первом квартале в Дагестане от 30 апреля 2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.riadagestan.ru/news/economy/okolo_1500_narusheniy_v_sfere_zhkh_v_yuavleno_v_pervom_kvartale_v_dagestane/
12. Соколов А. Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. М.: Норма, 2015. 320 с.
13. Федеральный закон «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» от 21.07.2014 N 209-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30, ч. I, ст. 4210

14. Федеральный закон от 30.03.1999 N 52-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018) // «Российская газета», N 64–65, 06.04.1999
15. Чайка Ю. Я.: Мы приложим все усилия для утверждения верховенства права, развития страны: доклад Генерального прокурора РФ на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 10 апреля 2019 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://council.gov.ru/events/committees/103670/> (дата обращения: 11.05.2019).

Судебный прецедент в странах романо-германской правовой семьи

Мухин Илья Дмитриевич, студент магистратуры

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

В статье рассматриваются проблемы применения судебного прецедента в современных судебных системах стран романо-германской правовой семьи, в частности — Российской Федерации.

Ключевые слова: *судебный прецедент, правовая семья, судебная практика, Российская Федерация, норма, юридическая наука, прецедент, нормативно-правовой акт, действующее законодательство, суд.*

The judicial precedent as a source of administrative procedural law

Mukhin I. D., graduate student

Russian state university of justice (N. Novgorod)

The article deals with the problems of judicial precedent application in the modern judicial systems of the Romano-German legal family, in particular, the Russian Federation.

Keywords: *judicial precedent, legal family, judicial practice, Russian Federation, norm, legal science, precedent, normative legal act, current legislation, court.*

Как известно, доктринально Российская Федерация принадлежит к романо-германской правовой семье, и это отражено в нормах российского законодательства. Согласно гл. 1 ст.4 Конституции Российской Федерации, «Конституция РФ и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации» [1]. Можем сделать вывод, что Россия относится к романо-германской правовой семье, и нигде не упоминается о прецеденте как о действующем источнике права. Нормативный правовой акт — основной источник права. Но, как достаточно часто отмечается в юридической литературе, в современной правоприменительной практике России судебный прецедент имеет место быть.

Правовая природа судебных актов определяется прежде всего юридической природой и характером судебной власти, которая будучи составной частью государственной власти, обладает свойственными только ей функциями, назначением и рядом других специфических черт, не присущими двум иным ветвям государственной власти — законодательной и исполнительной. К специфическим чертам судебной власти принято относить: ее самостоятельность и независимость от других ветвей власти: она не подлежит контролю со стороны других ветвей

власти, сама же вправе проверять конституционность и законность актов других ветвей власти; представляет собой публично — правовое образование, составляющее систему специальных государственных органов — судов, обладающих властными полномочиями; присущими только ей формами и принципами организации и деятельности; ей принадлежит исключительное право осуществлять правосудие и судебный нормоконтроль за правовыми актами правотворческих и исполнительных органов власти; процессуальный характер деятельности, строгое следование установленной законом процедуре; подзаконность, подчинение Конституции и общегосударственным законам [9].

Исходя из специфики судебной власти, можно выделить особенности и черты судебных актов. Во-первых, судебный акт принимается только органами судебной власти в пределах законодательно установленной компетенции. Во-вторых, имеет определенную форму и структуру, установленные правилами юридической техники и соответствующие его содержанию. В-третьих, представляет собой властное волеизъявление органа судебной власти, которое принимается от имени государства. В-четвертых, носит правовой характер, т. е. основан на действующем материальном и процессуальном праве. В-пятых, пред-

полагает окончательность и стабильность акта, возможность его пересмотра только при наличии веских оснований, например, для исправления судебных ошибок и обеспечения единства судебной практики. В-шестых, обязателен для исполнения всеми органами государства, органами местного самоуправления, общественными организациями, физическими и юридическими лицами. Исполнение обеспечивается мерами государственного принуждения [5].

Судебные акты неоднородны по своему содержанию, целям, формам выражения, функциям. Вместе с тем, в юридической литературе выделяют общие функции, присущие всем судебным актам. К ним чаще всего относят: регулятивную функцию, которая состоит в индивидуальном регулировании общественных отношений; информационную функцию, посредством которой заинтересованным субъектам сообщается государственная воля; воспитательную (превентивную) функцию, с помощью которой осуществляется воздействие на участников судебного процесса в целях формирования у них правомерного варианта поведения. На других субъектов

оказывается воспитательное воздействие путем информирования их о возможных юридических последствиях того или иного деяния; правообеспечительную функцию, которая ориентирует участников спора на правовые средства его разрешения и подключает действие юридических гарантий осуществления права, в том числе средства правовой защиты субъективных прав и законных интересов.

Отмечая неоднородность судебных актов, следует обратить внимание на то, что они разнообразны и по своим формам. Это могут быть приговоры по уголовным делам, решения и заочные решения по гражданским делам, постановления, определения, судебные приказы, протоколы судебных заседаний, судебные повестки, извещения, заявления о самоотводе и др.

В юридической науке достаточно давно и все чаще высказываются различные идеи касательно роли судебного прецедента, признания его функций за некоторыми правовыми актами, возможности применения судебного прецедента в качестве источника права в странах романо-германской правовой семьи [2].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6–ФКЗ от 30.12.2008 N 7–ФКЗ, от 05.02.2014 N 2–ФКЗ, от 21.07.2014 N 11–ФЗ) // Российская газета. — 1993. — №237.
2. Блохин П. Д. Аналогия в праве и судебный прецедент: сравнительно-правовые параллели // Журнал конституционного правосудия. — 2017. — №3. — с. 29.
3. Поляков С. Б. Судебный прецедент в России: форма права или произвола? // LexRussica. — 2015. — №3. — с. 28.
4. Каменков М. В. Закон и судебный прецедент // Петербургский юрист. — 2015. — №2. — с. 66.
5. Охрименко Е. С. Судебный прецедент как источник права в странах романо-германской правовой семьи // Student research. — 2018. — №8.
6. Судебный прецедент в романо-германской правовой семье [Электронный ресурс] // Образовательный онлайн-ресурс «Studbooks». — Режим доступа: www.studbooks.ru. — Дата обращения: 31.01.2019г.
7. Богдановская И. Ю. Закон и судебный прецедент: эволюция борьбы за верховенство // Российское правосудие. — 2015. — №9. — с. 18.
8. Миронов В. О. Судебный прецедент как источник права // Право и государство. — 2018. — №1. — с. 19.
9. Казаков Д. В. Источники административного права Российской Федерации // Современное общество и право. — 2014. — №4. — с. 124.

Проблемы определения признаков вещных прав в современном гражданском законодательстве Российской Федерации

Нефедова Елена Петровна, студент магистратуры
Омская юридическая академия

В данной статье проводится теоретический анализ признаков вещных прав. Исследуются мнения различных ученых-цивилистов в рассматриваемой области, действующее российское гражданское законодательство, а также изменения, предусмотренные Концепцией развития гражданского законодательства и проектом изменений Гражданского кодекса Российской Федерации, выявлены проблемы определения признаков вещных прав в современном гражданском законодательстве.

Ключевые слова: гражданское право, вещное право, правовое регулирование, признаки вещных прав, Концепция развития гражданского законодательства, проект, право следования.

Актуальность исследования. В настоящее время вопросы регулирования вещных прав интересуют многих ученых. Вопросы понятия и признаков вещных прав на сегодняшний день остается актуальным для современного гражданского законодательства. Следовательно, в настоящее время наблюдается особый интерес к вопросу вещных прав, в связи с изменением положений Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ). [1]

Результаты и обсуждение. В соответствии со статьей 166 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) оспариваемая сделка может быть признана недействительной, если она нарушает права или охраняемые законом интересы лица, оспаривающего сделку, в том числе повлекла неблагоприятные для него последствия. [1]

В случаях, когда в соответствии с законом сделка оспаривается в интересах третьих лиц, она может быть признана недействительной, если нарушает права или охраняемые законом интересы таких третьих лиц.

Автор Формакидов Д. А. дал юридическую характеристику охраняемого законом интереса: «это правовая возможность поведения в общерегулятивном правоотношении заинтересованного лица». [2]

По мнению Гукасяна Р. Е. «Охраняемый законом интерес, или законный интерес — это опосредованная возможность особыми механизмами и юридическими средствами вещных отношений в равной степени каждому правоспособному субъекту для осуществления законных способов удовлетворения своих потребностей, которая, прямо не закреплена в субъективных правах [3].

Как считает Васильев В. В. «законный интерес составляет простая правовая дозволенность, которая имеет характер стремления, где отсутствуют указания требовать соответствующего поведения от других лиц, действовать строго зафиксированным в законе способом, и которая не обеспечена конкретной юридической обязанностью» [4].

Аналогичный подход к сущности охраняемого законом интереса ставит под сомнение формулировку статьи 166 ГК РФ, которая содержит указание на важность и необходимость исключительного нарушения такого интереса как условия оспаривания сделки. Это является существенной проблемой и пробелом в данной сфере законодательства. [5]

«С учетом изложенного о понятии и признаках законного интереса как стремления очевидна невозможность его нарушения. В этой связи более обоснованным является понимание нарушения применительно к интересам как «создания препятствий в их осуществлении и реализации», а не как виновного и противоправного деяния», — считает Райхер В. К. [6]

В настоящее время в области гражданского законодательства действует гражданско-правовой интерес, имеющий пробелы в толковании статей Гражданского кодекса РФ.

По мнению автора Емелькиной И. А. «гражданско-правовой интерес — это отраслевой вид охраняемого законом интереса, в отличие от субъективного права, которому предоставляется правовая охрана на условиях его успешного осуществления по личной инициативе носителя; также в развитие начала автономии воли промежуточный правовой эффект действий заинтересованного лица подлежит фиксации в организационных отношениях, определяющими порядок образования и изменения организуемых, гражданских правоотношений, то есть в организационно-образующих отношениях» [7].

В области указанных отношений формой гражданско-правового интереса охватываются юридически защищенные правовые интересы лица в изменении его юридического положения как субъекта организуемых имущественно-правовых отношений. Этот гражданско-правовой интерес, понимаемый как юридический интерес, представляет собой правовую возможность заинтересованного лица реализовать свой интерес за счет добросовестного приобретения субъективных гражданских прав или освобождения от обязанностей и обременений, а также достижения иных разумно ожидаемых выгодных правовых последствий.

В данной сфере гражданского законодательства имеются значительные и весомые пробелы, исследуемые многими авторами.

Так, автор Голобородкина Е. В. одной из проблем определения признаков вещных прав в современном гражданском законодательстве Российской Федерации считает факт отсутствия в Гражданском кодексе РФ полного перечня признаков вещных прав. Таким образом, на сегодняшний день можно констатировать, что к признакам вещных прав отнесены:

- вещное право непосредственно обременяет вещь;
- вещные права не имеют срока действия, если иное не установлено ГК РФ;
- оно следует за вещью;
- вещное право защищается от нарушения его любым лицом, т. е. вещное право обладает абсолютной защитой;
- непосредственное господство над вещью, которое предоставляется лицу. [8]

Законодательные нормы о вещном праве и его признаках, которые предложены авторами в проекте изменения во втором разделе Гражданского кодекса Российской Федерации «Право собственности и другие вещные права», испытали значительные перемены по сравнению с действующим законодательством.

Значимость определения понятия и признаков вещного права при создании механизма правового регулирования вещных правоотношений указана и в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (далее по тексту — Концепция), утвержденной Советом

при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. [9]

Многие законодатели говорят о том, что «раздел о вещных правах должен включать в себя определение вещного права как субъективного права, а также общих для всех вещных прав правила, которые отражают признаки вещного права. Закрепление в ГК РФ понятия вещного права и его признаков в «общей части вещного права, предоставит возможность отечественному законодателю издать закон немного другого уровня, отличного от аналогичных зарубежных законодательств». [10]

По мнению автора Маковского А. Л. «концепция совершенствования законодательства о вещных правах трактует новые подходы в отношении правовой категории вещного права, по сравнению с теми, которые имеются сейчас в доктрине». [11]

Также одной из важных проблем в гражданском праве относительно определения признаков вещных прав в современном гражданском законодательстве является то, что гражданско-правовое, действующее, современное законодательство РФ не раскрывает в полной мере признаки и понятие вещного права, поэтому в современной российской цивилистике имеется значительное количество подходов к понятию, определению вещных прав, а также его признаков. Сегодня нет единого мнения авторов, которое бы закрепило и утвердило в законе окончательные понятия и признаки вещного права.

По мнению В. А. Гончаровой «нарушение охраняемого законом интереса, как и нарушение прав, в ситуации оспоримости сделки состоит в создании правовой неопределенности в порядке его осуществления тем или иным участником гражданского оборота. В целом думается, что столь широкое определение объектов правовой защиты при совершении и (или) исполнении оспоримой сделки преследует цель максимально широко определить сферу возможного негативного влияния оспоримой сделки на

участников гражданского оборота, тем самым всесторонне защитив их имущественную сферу».

Также В.А. Гончарова считает, что «возникновение в имущественной сфере хотя бы одного из субъектов гражданского права такой правовой неопределенности, порожденной совершением и (или) исполнением оспоримой сделки, иными словами — правовой аномалии, влечет формирование особой разновидности охранительного правоотношения — правоотношения по защите прав и охраняемых законом интересов таких субъектов. По аналогии с иными видами охранительных правоотношений нарушителем в таком правоотношении будут выступать обе стороны при заявлении соответствующих требований иными лицами или в интересах третьих лиц. В случае заявления соответствующих требований стороной сделки фигура нарушителя представлена контрагентом такой стороны по сделке». [12]

Выводы. По вышесказанному, анализируя вопросы проблем определения признаков вещных прав в современном гражданском законодательстве российской федерации, можно сделать выводы: нарушение прав и охраняемых законом интересов с учетом изложенного в рамках отечественной правовой традиции выступает не чем иным, как инструментом сдерживания бесконечного оспаривания сделок по формальному основанию наличия волеизъявления, содержания, дефекта воли, формы,.

Таким образом, как раньше, так и сейчас, нет единого подхода к перечню признаков вещных прав. Нововведения, предложенные в Раздел II ГК РФ, вызвали большую и серьезную полемику среди юристов, что вызывает необходимость исследования данного института.

Для дальнейшего совершенствования гражданского законодательства и построения единой системы вещного права, вопрос о всестороннем рассмотрении и законодательном закреплении признаков вещных прав, требует сегодня незамедлительного решения.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.08.2018 г.)
2. Формакидов Д. А. Вещное право. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», — 2016. — 247 с..
3. Гукасян Р. Е. Охраняемый законом интерес как предмет судебной защиты. — Саратов, 2016. — 214 с.
4. Васильев В. В. Признаки вещных прав: проблемы и пути научного разрешения / В. В. Васильев // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. — 2017. — № 5. — С. 43–49.
5. Певницкий С. Г. Некоторые вопросы вещных прав на помещения в отечественном правопорядке / С. Г. Певницкий // Нотариус. — 2018. — № 5. — С. 25–29
6. Райхер В. К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву / В. К. Рейхер // Вестник гражданского права. — 2017. — № 2. — С. 164–169.
7. Емелькина И. А. Система ограниченных вещных прав. Автореферат диссертации канд. юрид. наук. — М.: Инфра — М, — 2017. — 119 с.
8. Голобородкина Е. В. Совершение оспоримой сделки как гражданское правонарушение: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2014. 169 с.
9. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 г.). [Электронный ресурс], <http://www.consultant.ru>

10. Гражданское право: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные немущественные права / И.А. Зенин и др./; отв. ред. Е.А. Суханов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2010. — Т. 2. — 496 с.
11. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / Вступ. ст. А.Л. Маковского. — М.: Сфера, — 2015. — 123 с.
12. Гончарова В.А. Нарушение прав и охраняемых законом интересов как условие возникновения права на защиту участников оспоримой сделки // Вестник Томского государственного университета. — Право. — 2018. — № 28. — С. 117–124. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://journals.tsu.ru/uploads/import/1726/files/28-117.pdf>

Процессуальный статус переводчика в уголовном судопроизводстве

Ооржак Байыраа Чамзырыновна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье рассматриваются требования, предъявляемые к переводчику при участии в уголовном судопроизводстве. Изучение различных точек зрения многих авторов показывает о многообразии подходов при определении компетентности переводчика при участии в уголовном процессе.

Ключевые слова: переводчик, компетентность переводчика, принцип языка уголовного судопроизводства, электронный (автоматизированный) перевод.

В теории уголовно-процессуального права принцип языка уголовного судопроизводства особых теоретических дискуссий не вызывает. Однако, нужно отметить, что при реализации данного принципа в правоприменительной деятельности возникают ряд проблем, одним из которых является привлечение переводчика к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Важность принципа языка уголовного судопроизводства выделяется тем, что Российская Федерация является многонациональным государством, где отдельные его субъекты имеют свои государственные языки. Несмотря на то, что государственным языком на всей территории Российской Федерации является русский язык, участники уголовного судопроизводства, не владеющие или недостаточно владеющие языком, на котором ведется производство по делу, имеют право пользоваться родным языком и бесплатной помощью переводчика.

Отметим, что российское уголовно-процессуальное законодательство не предусмотрело требования, предъявляемые к переводчику. Согласно ч. 1 ст. 59 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации переводчик — это лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода. По ч. 2 ст. 169 УПК РФ следователь, привлекая переводчика к участию в производстве по уголовному делу, должен удостовериться в его компетентности. При этом вопрос, «по каким критериям следователь определяет компетентность переводчика», остается открытым, что является

открытым вопросом для дальнейшего обсуждения и дискуссии.

В теории уголовного и уголовно-процессуального судопроизводства многими авторами предложены различные критерии по определению компетентности переводчика при участии его в производстве.

Так, по мнению А. Фирсовой, при переводе мало знать синтаксис и грамматику языков. Кроме этого, необходимы определенные познания в терминологии медицинской, юридической, технической направленности и достаточный и точный для письменного и устного перевода словарный запас. [1, с. 60].

И. И. Бунова отмечает, что переводчик должен уметь переводить обычную разговорную речь и тексты с учетом их специальной терминологии. В противном случае, говорить о его компетентности в области перевода текста и речи будет неправильно. [2, с. 206].

Представляется, что мнение данных авторов логично, так как, например, при мошенничестве в сфере кредитования, не представляется возможным выполнить перевод текста, если переводчик не разбирается в терминологии данной области. Однако, очень трудно найти переводчика, обладающего знанием и достаточным словарным запасом в определенной области.

Так, старшим следователем следственного отдела Межмуниципального отдела МВД России «Дзун-Хемчикский» майором юстиции Монгуш А. А. было возбуждено уголовное дело в отношении Саая А. О. по ч. 1 ст. 159.1 УК РФ. Обвиняемый Саая А. О. недостаточно владел русским языком, поэтому воспользовался правом бесплатно пользоваться помощью переводчика. При выполнении оперативно-следственных мероприятий и при ознаком-

лении с материалами дела был приглашен переводчик, ранее работавший консультантом в Сбербанке.

Интересным является мнение А. Ю. Мищенко, который предлагает в роли переводчика по делу допускать лицо, которое имеет не только высшее профессиональное образование либо дополнительное профессиональное образование соответствующего профиля, а которое получил сертификат о знании иностранного языка на достаточном для осуществления свободного перевода уровне, имеющее опыт работы в качестве переводчика не менее 2-х лет [3, с. 244].

С мнением А. Ю. Мищенко трудно согласиться, так как не каждый переводчик, имеющий высшее профессиональное образование соответствующего профиля и получивший сертификат о знании иностранного языка, является компетентным. Кроме этого, автором подчеркивается знание иностранного языка на уровне, признанном достаточным для осуществления свободного перевода, однако непонятно кем и как будет оцениваться достаточный уровень знания.

Весьма спорным является предлагаемые О. Ю. Кузнецовым требования, определяющие компетентность переводчика. Так, автором предлагается при определении компетентности переводчика установить постоянное проживание на территории России в течение значительного периода времени; одинаковая этническая принадлежность переводчика и участника процесса, не владеющего или недостаточно владеющего языком уголовного судопроизводства; получение общего среднего образования в одной этнической среде с участником процесса, не владеющим или недостаточно владеющим языком судопроизводства или их воспитание в данной среде; наличие высшего профессионального образования, полученного переводчиком в России или наличие высшего профессионального образования, полученного переводчиком в одной из республик СССР на русском языке [4, с. 60–61].

По справедливому замечанию И. В. Смольковой, к счастью, законодатель в тексте уголовно-процессуального закона не сформулировал идеалистические требования к переводчику, предлагаемые в науке. На практике в сельских местностях по этой причине достаточно эффективно в качестве переводчиков по уголовным делам выступали продавцы с национальных рынков, не имеющие высшего образования, но несколько лет проработавшие в России [5, с. 319].

Вопросы определения критериев компетентности переводчика в уголовном судопроизводстве, несмотря на множество предложений и дискуссий авторов, до настоящего времени остается открытыми и неурегулированными. На сегодняшний день данный недостаток отражается на результатах работы, как следственных органов, так и судебных органов.

Так, Кызылский городской суд Республики Тыва отмечает, что выполнение переводчиком возмездных работ по устному, синхронному и письменному переводу производится в соответствии с требованиями к качеству работы: перевод должен быть терминологически правильным, соответствовать смыслу исходного текста в масштабе

микро- и макроконтраста, не должен содержать орфографических, грамматических, стилистических ошибок и опечаток. Основными требованиями, предъявляемые к переводчику, Кызылский городской суд выделяет:

- российское гражданство;
- наличие высшего (предпочтительно — юридического) образования;
- без предъявления требований к стажу [8].

Однако, несмотря на усилия судов по тщательному избиранию кандидатов к должности переводчика, прослеживается снятие с апелляционного рассмотрения уголовных дел с апелляционного рассмотрения по причине несоответствия перевода приговора тексту его оригинала.

Так, в 2018 году снято с апелляционного рассмотрения 11 уголовных дел, что составляет 3 % от общего количества направленных дел. Из них:

- 5 уголовных дел возвращены в связи с недостатками в оформлении (копии апелляционного представления (жалобы) вручались не всем участникам судебного разбирательства, не было сведений о вручении копии приговора осужденному),
- 1 уголовное дело — в связи с нарушением требований УПК РФ (апелляционные жалобы осужденного и защитника не содержали доводов, по которым они считают судебное решение незаконным),
- 3 уголовных дела были сняты в связи с поступлением в суд апелляционной инстанции ходатайств о восстановлении срока на подачу замечаний на протокол судебного заседания и на обжалование приговора, ходатайства об ознакомлении с протоколами судебных заседаний,
- 2 уголовных дела были сняты из-за неправильного перевода приговора на тувинский язык [9].

Проблема длительного оформления уголовных дел в апелляционную инстанцию играет немаловажную роль в судопроизводстве. Одним из причин длительного оформления уголовных дел в апелляционную инстанцию является проблема перевода процессуальных документов с русского языка на национальный язык республики².

Кроме этого, из обобщения работы судов видно, что в большинстве случаев причиной возвращения дела прокурору явились составление обвинительного заключения с нарушением уголовно-процессуального закона, несоответствие перевода обвинительного заключения его оригиналу.

Так, в связи с несоответствием оригинала процессуального документа, подлежащего обязательному вручению обвиняемой * 2017 года возвращено прокурору уголовное дело в отношении С, обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч.5 ст.33, ч.2 ст.228, ч.2 ст.228 УК РФ. В судебном заседании было установлено, что формулировки предъявленного с обвинения в постановлении о привлечении в качестве обвиняемой и в обвинительном заключении не соответствуют друг другу, и что перевод обвинительного заключения не соответствует его оригиналу, тем самым нарушены права подсудимой с. на защиту, предусмотренные ч.3 ст.18, ч.4 ст. 47 УПК РФ, а именно права знать в чем она обвиняется, возра-

жать против обвинения, давать показания по предъявленному обвинению. Нарушение гарантированного права на защиту обвиняемой является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, препятствующим рассмотрению дела по существу [10].

С учетом сложившейся практики представляется оправданным сделать следующее предложение. Так как в республиках, входящих в Российскую Федерацию, наиболее востребованным для перевода по уголовным делам является национальный язык данной республики, которым владеет большая часть населения республики, представляется целесообразным создание на базе Судебного департамента структурных подразделений со штатными переводчиками. Думается, что содержать в штате переводчиков с иных языков экономически не оправданно, так как востребованность их привлечения к участию по уголовным (или даже гражданским и административным) делам спрогнозировать невозможно.

На современном этапе развития научно-технического прогресса более чем актуальным является вопрос о возможности использования в уголовном судопроизводстве электронного (автоматического) перевода.

Так, Р. В. Мазюк рассматривает использование электронного (автоматического) перевода с обязательным условием видеофиксации в случаях, когда обеспечить переводчика в тот момент не представляется возможным [7, с. 236–238].

Исходя извышензложенного можно отметить, что участие переводчика как в досудебных и судебных стадиях не только необходимо, но и является гарантией защиты прав человека, которую не заменит электронный (автоматический) переводчик. Как мы отметили ранее, электронный (автоматический) переводчик следует считать как минимальную гарантию лишь в случаях, не терпящих отлагательств, когда невозможно обеспечить участие переводчика (например, в труднодоступных местах).

Литература:

1. Фирсова А., Джафаркулиев М. Работе переводчиков в судопроизводстве — организационную базу // Социалистическая законность. — 1972. — №2. — с. 60–61.
2. Бунова И. И. Некомпетентность переводчика как основание его отвода от участия в уголовном производстве // Общество и право. — 2010. — №3. — с. 205–208.
3. Мищенко А. Ю. Понятие переводчика и его роль в уголовном судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. — 2013. — №6. — с. 244–246.
4. Кузнецов О. Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве. — М.: Изд-во МПИ ФСБ России, 2006. — 256 с.
5. Принципы современного российского уголовного судопроизводства: монография / науч. ред. И. В. Смолькова. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 384 с.
6. Мазюк Р. В. Перевод на язык уголовного судопроизводства как средство защиты прав и процессуальных интересов его участников // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2015. — №1 (7). — с. 27–40.
7. Мазюк Р. В. Смартфон как средство реализации процессуального интереса участников уголовного судопроизводства в надлежащем переводе на их родной язык // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. мат-ов XXI междунар. науч. — практ. конф. В 2 т. Т. 1. — Иркутск: Изд-во ВСИ МВД России, 2016. — с. 236–240.
8. О переводчиках Кызылского городского суда РТ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://kizilskiy-g.tva.sudrf.ru/modules.php?id=143&name=vacance>. Дата обращения: 02.03.2018 г.
9. Доклад-выступление о рассмотрении уголовных дел судьями Кызылского городского суда Республики Тыва за 2018 год [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://kizilskiy-g.tva.sudrf.ru/modules.php?did=111&name=press_dep&op=3. Дата обращения: 11.02.2018 г.
10. Обобщение работы суда по итогам 2018 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://kizilskiy-g.tva.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&id=79. Дата обращения: 11.02.2018 г.

Уголовное наказание в виде лишения свободы, его сущность и содержание

Орлов Максим Сергеевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Наказание как одна из форм реализации уголовной ответственности выступает самой строгой мерой принуждения государственного характера. Оно имеет ле-

гальное определение, которое дано в ч.1 ст. 43 УК РФ, согласно которой «наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание

применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных УК РФ лишении или ограничении прав и свобод этого лица». Законодательное определение наказания дает повод утверждать о том, что строгость наказания в системе мер государственного принуждения заключается в его существенном влиянии на правовой статус личности, выражающееся в лишении или ограничении прав и свобод этого лица.

В системе наказаний лишение свободы занимает ведущее место. Оно «достаточно распространенное в уголовном законе и в практике применения судами наказание, обладающее наибольшим числом правоограничений для осужденного, следовательно, повышенной по отношению к другим видам наказания репрессивностью» [1].

Сущность уголовного наказания в виде лишения свободы заключается «в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение, помещения в воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму» (ч. 1 ст. 56 УК РФ). Как видно из процитированной уголовно-правовой нормы объектом воздействия лишения свободы, в отличие от иных уголовных наказаний, выступает физическая свобода личности.

Как по этому поводу справедливо отмечает Н. И. Насиров, «существенной чертой уголовного наказания в виде лишения свободы, отражающей его сущность, является изоляция осужденного от общества путем направления его в тот или иной вид исправительного учреждения. Именно данный признак отличает лишение свободы, как уголовно-правовой меры, от других наказаний» [2].

Аналогичной точкой зрения придерживается и Ю. В. Пленкин, который полагает, что сущность уголовного наказания в виде лишения свободы выражается в изоляции являющейся главным его признаком. По мнению автора, изоляция, как основной признак лишения свободы, представляет собой помещение осужденного в исправительном учреждении и последующее его содержание под охраной и надзором [3].

В соответствии с действующим уголовным законодательством России, уголовное наказание в виде лишения свободы может устанавливаться в двух самостоятельных формах, а именно:

- а) на определенный срок (ст. 56 УК РФ);
- б) на пожизненный срок (ст. 57 УК РФ)¹.

Уголовное наказание в виде лишения свободы на определенный срок в общем виде может устанавливаться на срок от двух месяцев до двадцати лет, по совокупности преступлений не может превышать двадцати пяти лет, а по совокупности приговоров — более тридцати лет. В предусмотренных УК РФ случаях продолжительность уголовного наказания в виде лишения свободы на определенный срок по совокупности преступлений и приговоров может быть изменена в сторону увеличения².

Исполнение данного наказания и его обеспечение такого его сущностного признака как изоляция виновного лица от общества осуществляется исправительными учреждениями уголовно-исполнительной системы России. В соответствии со ст. 74 УИК РФ систему исправительных учреждений составляют: воспитательная колония; колония-поселение; исправительные колонии общего, строгого и особого режимов; тюрьма; лечебное исправительное учреждение; следственный изолятор³.

По статистическим данным ФСИН России по состоянию на 1 января 2019 года в исправительных учреждениях содержалось: в исправительных колониях — 462 952 человек; в колониях-поселениях — 33 909 человек; в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колониях, — 99 722 человек; в 8 тюрьмах — 1 212 человек; в воспитательных колониях — 1 309 человек [4].

Уголовное наказание в виде лишения свободы, кроме изоляции, влечет для осужденного и другие установленные законом правоограничения, которые в совокупности значительно изменяют его правовой статус. В основном эти правоограничения касаются сферы политических (например, участие в выборах), трудовых, жилищных, семейных и ряда других прав.

В заключении хотелось бы отметить, что любое наказание, в том числе и лишение свободы, должно применяться не в целях установления правоограничений для правового статуса виновного лица, а для достижения конкретного социально-позитивного результата. По нашему мнению, таким социально-позитивным результатом выступает удержание виновного лица от совершения нового преступления.

Литература:

1. Насиров Н. И. Получение осужденным к лишению свободы юридической помощи // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2010, Вып. 2 (73). с. 24

¹ В настоящей работе исследуется уголовное наказание в виде лишения свободы на определенный срок.

² Согласно ч. 5 ст. 56 УК РФ в случае совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205-205.5, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст. 277-279, 353, 356-358, 360-361 УК РФ, при частичном или полном сложении сроков лишения свободы при назначении наказаний по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы не может быть более тридцати лет, а по совокупности приговоров — более тридцати пяти лет.

³ Заметим, что согласно ч. 1 ст. 74 УИК РФ следственные изоляторы выполняют функции исправительных учреждений в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, осужденных, в отношении которых приговор суда вступил в законную силу и которые подлежат направлению в исправительные учреждения для отбывания наказания, осужденных, перемещаемых из одного места отбывания наказания в другое, осужденных, оставленных в следственном изоляторе или переведенных в следственный изолятор в порядке, установленном ст. 77.1 УИК РФ, а также в отношении осужденных на срок не свыше шести месяцев, оставленных в следственных изоляторах с их согласия.

2. Насиров Н. И. Воспитательное воздействие на осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики / под ред. Б. Т. Разгильдиева. Саратов: ИЦ «Наука», 2014. с. 12.
3. Пленкин Ю. В. Правовые и организационные основы изоляции осужденных к лишению свободы: Автореф. дисс.... канд. юрид. Наук. Самара, 2007
4. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы / Официальный сайт ФСИН России [электронный ресурс] // URL: fsin.rf (дата обращения: 20.01.2019).

Проблемы молодежной политики в Российской Федерации и пути их решения

Панова Юлия Алексеевна, студент
Тюменский государственный университет

Изучение положения молодежи, создание необходимых условий для укрепления правовых и материальных гарантий осуществления прав и свобод молодых граждан, деятельности молодежных организаций с целью полноценного социального становления и развития молодежи, помощь молодым людям в реализации и само-реализации их творческих возможностей и инициатив.

The study of the situation of young people, the creation of the necessary conditions for strengthening the legal and material guarantees of the rights and freedoms of young people, the activities of youth organizations for the full social development and development of young people, helping young people in the implementation and self-realization of their creative opportunities and initiatives.

Что такое молодежная политика? Точки зрения разделились. Одни полагают, что это профессия, иные, что стиль жизни. В советское время все было понятно. Октябрьенок-пионер-комсомолец. А какое чувство гордости ощущали наши родители, когда в первом классе получали октябрятскую звёздочку? И каким невероятным патриотизмом заполнялось сердце, когда старшеклассники повязывали им красные галстуки.

Затем все пошло по наклонной. В государстве — новая философия. Однако до настоящего времени осталось желание быть причастным чему-то весьма существенному и это живет во многих молодых людях и, скорее всего, остается на целую жизнь. Возможность осуществить это желание и дает молодежная политика.

Задача молодежной политики — инициировать как можно больше ребят, выделив их из серой безразличной массы, дав новые возможности. На сегодняшний день молодежная политика — это трамплин для активных и инициативных людей.

Молодежь в политике играет существенную значимость и напрямую каждый может дать отличные идеи по поводу разных областей реализации.

Любой молодой человек желает быть человеком, что принимает участие в формировании государства и основными направлениями, к примеру, в социальной либо культурной области деятельности.

В моем представлении молодёжная политика — то, что дает возможность совершенствоваться человеку все-сторонне. Это творчество, наука, физкультура и политика в целом. Это реализация наиболее безумных идей. Молодёжная политика — время, когда мы создаем соб-

ственное будущее, постигаем горизонты, достигаем новых высот, развиваем государство. Здесь созданы условия для общественно-финансового и культурного формирования. Это наша сфера, в которой есть место любому, где мнение каждого важно. Мы — молодое поколение, и нам не безразлично, что происходит вокруг. Мы объединяемся в команды и вместе мы — сила. Сила, что может рушить непостижимое и достигать результатов. Только от молодого поколения зависит то, как будет дальше.

Считаю одной из главных проблем молодежной политики — посредственную работу разных молодежных учреждений. Большая часть руководителей не заинтересованы в качественном результате работы.

Решение данной проблемы: молодежные организации обязаны, прежде всего, сформировать и политическую, и социальную, и финансовую, и духовную базы для реализации устремлений молодого поколения. Нынешнее поколение молодых людей не лучше и не хуже предыдущих, оно — другое. Собственно, создание и поддержание молодежных учреждений и движений даст возможность раскрыть ценностные ориентации молодого поколения, использовать жизнеспособность, предприимчивость, нестандартные подходы к решению, как их проблем, так и построению будущего всего общества.

Вторая проблема — пассивность самой молодежи и материальная заинтересованность в жизни. Молодое поколение старается провести собственное свободное время в клубах и барах и никак не выражают заинтересованность к жизни и обществу. Между тем, в основной массе случаев молодые люди имеют больше свободного времени и обладают большей энергией и амбициями. Вдобавок проблема

в том, что многочисленные молодежные организации мало финансируются на местном уровне. Большая часть молодых людей предпочитают либо отдохнуть в свободное время, или подзаработать. Принимая же участие в общественных мероприятиях, молодые люди чаще всего даже не получают благодарственные письма и грамоты. Ребята, принимающие участие в акциях, из средне-специальных учебных учреждений и средних учебных заведений, расположенных в неблагополучных районах, не пользуются авторитетом среди ровесников. Наоборот, они являются объектом издевок и издевательств.

Решение — волонтерство. Самый яркий и эффективный способ борьбы с пассивностью (необходимо повысить уровень волонтерства, к примеру, как главный фактор приема на работу, как в США).

Сейчас очень много молодежных НПО, которые работают видимо по чуть-чуть, потому что ощутимого эффекта не видно. Нужно систематизировать все молодежные НПО, создать один главный центр откуда будет координироваться и мониториться работа каждой организации.

— Социальные ролики (упор нужно сделать так же на гражданские СМИ, так как они очень популярны среди молодежи.).

— Не бояться спамить (информацией о молодежных акциях с лозунгом «не оставайся в стороне», чтобы информировать молодежь).

— Заинтересовать (будущими перспективами и пользой от социальной работы).

— Вознаграждать (грамотами или денежно, как например гранты или стипендии, ведь так заинтересовывает нашу молодежь наше государство).

— Спорт и культура (страна не знает своих героев, поднять популярность музыкантов и спортсменов, а они в свою очередь должны проводить мастер классы для молодежи, мотивировать и подавать пример).

Всё же главный фактор, нужно чтоб у всей молодежи был доступ к качественному образованию, не только у богатой. Тогда поднимается культура поведения, жизненные цели, а в этом случае пассивность у молодежи отпадет сама собой.

Еще одна проблема в том, что многие инициативные молодые люди, видя безразличие в глазах руководителей молодежных организаций, неэффективные или неактуальные акции, многообещающие речи, не дающие никакого результата, полностью теряют интерес к государственной молодежной политике, к общественной деятельности. Многие из них попадают в радикальные политические движения и направляют свою энергию против действующего государственного управленческого аппарата.

Расскажу еще об одной проблеме, которая заключается в том, что после окончания вуза или иного учебного учреждения идет нехватка рабочих мест по специальности молодых специалистов, и эту проблему стоит решать на общегосударственном уровне.

Решение этой проблемы: после окончания ВУЗа государство должно предложить молодому специалисту не-

сколько, или хотя бы одно рабочее место по специальности на год или несколько лет, и не обязательно вблизи его местожительства, чтобы он набирался необходимых навыков по профессии и получал рабочий стаж, без которого он может не найти места работы (такая система распределения существовала в Советском Союзе и была очень эффективна).

Следующая проблема заключается в здравоохранении молодежи.

Решение этой проблемы: необходимо хотя бы один раз в году проводить полное добровольное медицинское обследование граждан возрастом до 30 лет, а школьников и студентов обследовать на принудительной основе. Это должно помочь выявлению различных заболеваний на ранних этапах и своевременному лечению их. Для тех граждан, кто хорошо учится и работает, государство могло бы выделять путевки на оздоровительные курорты или санатории (например, тем у кого проблемы с опорно-двигательной системы выделять путёвки в ортопедические санатории).

Очередная проблема заключается в неэффективной социализации молодежи находящиеся в трудной жизненной ситуации.

Решение этой проблемы: государство должно выделять денежные средства, и как-то помочь той молодежи, которая находится на обучении в вузах, и предоставление для них бюджетных мест, и разных льгот.

Одной из важнейших проблем заключается в обеспечении жильем молодых семей.

Решение проблемы: государство должно предоставлять молодым семьям хотя бы временное жилье, так как в нашей России купить жилье очень проблематично, и очень дорого.

Рассмотрим те проблемы и пути их решения, которые предлагают разные авторы.

Ильинский И. М. говорит, что основными проблемами на данный период в молодежной политике представляется [3, с. 104]:

— отсутствие полноценного федерального закона по осуществлению государственной молодежной политики;

— низкий уровень целеполагания и постановки стратегических задач в молодежной области;

— недостаточное формирование инфраструктуры государственной молодежной политики;

— отсутствие качественных и численных критериев оценки эффективности работы органов местного управления по работе с молодыми людьми и вовлечения ее в социально-активную деятельность.

Апарина А. В. выявляет проблемы законодательного характера [1, с.67]:

— недостаточная исследованность нормативно-правовой базы;

— отсутствие законодательного закрепления определения «молодежь» равно как единой социальной группы по показателям критерия «возраст», без учета региональной, профессиональной, социальной, этической и другой дифференциации;

– в имеющихся официальных «концептуальных разработках» о ГМП весьма мало нового, много абстрактного, отвлеченного от молодежной практики.

Смирнов А. С. пишет о проблемах организационно-правового характера [5, с.23]:

– отсутствие государственных и муниципальных нормативов и стандартов социальной поддержки молодого поколения;

– недостаточность информации о федеральных и областных проектах и программах общественной работы с молодыми людьми;

– преобладание в практической области реализации государственной молодежной политики «мероприятийного» подхода;

– отсутствие общего информационного банка сведений о функционирующих в области государственной молодежной политики государственных организаций управления, их учреждениях, профильных направлениях деятельности, социальных, педагогических и других технологиях работы с молодыми людьми.

– отсутствие эффективного механизма привлечения молодого поколения к формированию и реализации ГМП;

– недостаточность полномочий органов по делам молодого поколения в системе исполнительной власти;

– отсутствие на федеральном уровне и в абсолютном большинстве субъектов Российской Федерации концепции диагностики и единого общественного мониторинга состояния молодежной области.

Широков Д. А. выделяет проблемы организационно-технического характера [6, с.27]:

– отсутствие координации деятельности с иными сферами государственной политики, приводящей к определенной искусственной замкнутости молодежной проблематики относительно иных направлений деятельности страны (социальная стратегия, кадровая политика, вопросы обеспечения и соотношения социализации и воспитания и др.);

– недостаточный уровень кадрового и экономического обеспечения государственной молодежной политики;

– узковедомственный и отраслевой подход в работе с молодыми людьми.

– отсутствие соответствующей потребностям инфраструктуры учреждений по работе с молодыми людьми, адекватно отвечающих потребностям, заинтересованностям и проблемам молодежной области;

– недостаточное субсидирование мероприятий ГМП;

– недостаточное материально-техническое обеспечение работы органов по делам молодежи.

Далее я попытаюсь выделить общие положения из данных проблем и предложить меры по их решению.

На данный период регулирование и развитие молодежной политики в Российской Федерации заключено в «Стратегии развития молодежи Российской Федерации на этап вплоть до 2025 года». Эта политика призвана дать ответ на стоящие перед Российской Федерацией вызовы и возможности в формировании молодого поколения,

определить цели, приоритеты и инструменты государственного регулирования области молодежной политики.

Итак, данная политика не может быть полноценным законодательным актом, таким образом, я считаю, что необходимо создать нормативно-правовую обоснованность реализации молодежной политики в Российской Федерации. Кроме того, необходимо создать и утвердить соответствующий федеральный закон (к примеру, закон «О государственной молодежной политике») и профильной общероссийской программы. Принятие этого закона несомненно поможет совершенствовать и улучшать молодежную политику регионов в одном законодательном «русле»

Кроме нормативно-правового регулирования отрасли, отсутствуют четкие стратегические задачи и целеполагание в области молодежной политики, что приводит к недопониманию регионов по формированию идей и направлений государственной молодежной политики. Регионам необходимо четко установить задачи и направления их работы, в которых они обязаны двигаться для достижения общей цели.

Недостаточное развитие инфраструктуры молодежной политики непосредственно сопряжено с дефицитом кадрового резерва сферы молодежной политики. Только в минувшие года в высших учебных заведениях стали усердно готовить кадровый состав по работе с молодыми людьми. Тем не менее данные кадры никак не могут решить проблемы из-за того, что есть хороший теоретический багаж познаний, но нет практических умений работы с молодыми людьми.

Я считаю, что нужно:

– создать основной законодательный нормативно-правовой акт «О государственной молодежной политике», который будет четко координировать сектор молодежной политики.

– должны формироваться в высших учебных заведениях направления подготовки связанные с работой молодого поколения.

– разработать оценку эффективности работы организаций регионального управления по работе с молодыми людьми.

– разработать качественные и численные критерии оценки для регионов, по которым станут оцениваться работа регионов по формированию молодежной политики.

Также отмечу, что важную значимость при становлении молодежи представляют органы местного самоуправления и государственные органы власти, реализующие молодежную политику с опорой на научные, общественные и практические исследования в молодежной сфере города и района.

Итак, молодежная политика является одним из значимых и многообещающих направлений общественной и финансовой политики Российской Федерации. Основной целью молодежной политики — представляется формирование общественно-финансовых, организаци-

онно-правовых условий, поддержка и гарантии для самореализации молодого поколения в современных обстоятельствах, осуществлении его заинтересованностей и общественного положения в обществе, максимального

раскрытия индивидуального потенциала молодого поколения в заинтересованностях развития гражданского общества, а кроме того для поддержки молодежных социально-значимых объединений.

Литература:

1. Апарина А. В. Проблема социально-правовой защиты детей и молодежи в современных условиях. М.: Эксмо, 2015. — 210с.
2. Бабинцев В. П. Региональные органы власти и проблемы реализации государственной молодежной политики. // Молодежная политика: информационный бюллетень. — 2014. — №96—100. С.65.
3. Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос, 2013. — 584с.
4. Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации. / Под ред. Э. Ш. Камалдиновой. — М.: Социум, 2014. — 284с.
5. Смирнов А. С. Государственная молодежная политика в современных условиях.// ЭКО. — 2014. — №5. — С.23
6. Широков Д. А. Молодежная политика: проблемы выработки приоритетов // Власть. — 2013. — № 12. — С.27

Институт раскрытия доказательств в гражданском процессе

Попов Дмитрий Владимирович, студент
Курганский государственный университет

Ключевые слова: раскрытие доказательств, гражданский процесс, доказательство, судебное доказывание, судебное разбирательство.

Одним из важнейших действий любой стороны в гражданском процессе является обязанность доказать те факты, которыми она руководствуется с целью обоснования своих требований либо возражений. В свою очередь, процедура доказывания представляет собой ключевой элемент судебного разбирательства, т. к. именно в этот момент разрешается спорное правоотношение. Но доказывание — не есть простая совокупность действий стороны по предоставлению и оглашению сведений о фактах и событиях, имеющих отношение к рассматриваемому спору. Это четкая процедура, состоящая из этапов, одним из которых является раскрытие доказательств.

Долгое время между учеными не было ясности о наличии либо отсутствии данного этапа в судебном доказывании. Раскрытие представлялось в качестве действия, неразрывно связанного с представлением доказательств, либо с собиранием. Институт существовал лишь формально, однако, по мнению Баулина О. В., — «Говорить о том, что нормы о раскрытии — абсолютная новелла российского законодательства, было бы неверно. Отдельные положения, которые можно рассматривать как устанавливающие обязанность раскрывать доказательства, и ранее содержались в процессуальном законодательстве» [6, с.3]. В подтверждение этих слов следует сказать, что регламентация раскрытия доказательств произошла еще в Арбитражном процессуальном кодексе в редакции от 1.09.2002 года, а именно, в п.3 ст.65: «Ка-

ждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть доказательства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, до начала судебного заседания или в пределах срока, установленного судом» [1, ст. 65]. Однако, в сравнении с арбитражным, в гражданском процессе отсутствовала норма, которая прямо регулировала бы процесс раскрытия. Статьи о данном институте были «разбиты» по Гражданскому процессуальному кодексу, в частности, одним из проявлений института раскрытия доказательств в ГПК является статья 132, содержащая сведения о документах, прилагаемых к исковому заявлению, в котором, помимо всего прочего, должна быть ссылка на доказательства, обосновывающие требования и возражения. К исковому заявлению прилагаются документы, подтверждающие обстоятельства, на которых истец обосновывает свои требования, что говорит о направлении стороне состязательного документа и одновременно раскрытии доказательства. Часть 3 статьи 71 ГПК РФ подразумевает: «Копии письменных доказательств, представленных в суд лицом, участвующим в деле, или истребуемых судом, направляются другим лицам, участвующим в деле» [2, ст. 71], что говорит о процессуальной обязанности предоставить копию письменного доказательства в целях раскрытия перед другой стороной. Пункт 1 части 1 статьи 149 Гражданского процессуального кодекса содержит обязанность истца передать ответчику

копии тех доказательств, на которых он обосновывает фактические основания иска. Но наиболее точной нормы кодекс не содержал.

Однако, законодатель в 2018 году внес ясность в понимание раскрытия доказательств как отдельного процесса доказывания. В Федеральном законе от 28 ноября 2018 г. N 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ГПК РФ в главе о доказательствах и доказывании статья 56 претерпела значительные изменения, а именно, была дополнена частью 3: «Каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть доказательства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, в пределах срока, установленного судом, если иное не установлено Кодексом» [3, п. 25 ст. 10]. Это положение говорит о том, что теперь раскрытие доказательств не является формальным институтом, каким оно было до введения данных изменений, теперь это конкретная гражданско-процессуальная норма, указывающая на конкретную процессуальную обязанность сторон.

Но признание этого процессуального этапа в качестве такового кодексом еще не является четким образованием института раскрытия доказательств. Важно заметить, что данные изменения ничего не устанавливают относительно того, что понимается под раскрытием, на каком этапе будет производиться раскрытие доказательств, какие виды доказательств подлежат раскрытию, сроки раскрытия, ответственность за неисполнение данной процессуальной обязанности. Эти пробелы будут порождать значительное количество неточностей в применении введенной нормы.

Прежде чем формулировать определение раскрытия, необходимо зафиксировать основную цель введения данного института в гражданский процесс. О. В. Баулин считает: «Цель раскрытия — предварительное доведение до участников процесса и суда содержания доказательственного материала» [4, с. 3], что является довольно простой формулировкой, однако существенный признак здесь имеется — предварительное доведение до стороны сведений о материалах доказывания. В свою очередь Ю. В. Кайзер видит цель раскрытия более широкой: «Цель раскрытия доказательств заключается в обеспечении рассмотрения и разрешения дела в одном судебном заседании...» [6, с. 93], среди признаков которой рассматривается заблаговременное и взаимное осведомление сторон о наличии имеющихся доказательств, которыми будет обосновываться их позиция по делу.

Таким образом — целью раскрытия доказательств стоит считать предварительные, на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, действия по ознакомлению сторон об имеющихся доказательствах, которые они намерены использовать при рассмотрении дела по существу.

Для верного и правильного применения раскрытия доказательств было бы целесообразным привести понятие

этого этапа судебного доказывания. «Раскрытие доказательств — это деятельность лиц, участвующих в деле, по заблаговременному, до начала основного судебного заседания, ознакомлению других лиц, участвующих в деле, со всеми составительными документами и доказательствами, на которые они ссылаются как на основание своих требований или возражений и которыми они намерены воспользоваться в ходе осуществления доказательственной деятельности, с целью рассмотрения и разрешения дела в одном судебном заседании» [6, с. 93]. Именно такая формулировка представляется наиболее обоснованной, содержащей все предпосылки для дальнейшего регулирования данного института процессуального права.

Одним из важнейших критериев раскрытия является критерий заблаговременности, т. е. уведомление лиц о имеющихся доказательствах заранее до начала рассмотрения спора по существу. Введенные изменения в ст. 56 упоминают о сроках раскрытия доказательств лишь формально «в пределах срока, установленного судом». Такая формулировка представляется неточной, создает возможность стороне приобщить материалы дела без предварительного ознакомления других лиц с этими документами, что ведет к невозможности полноценно и точно формировать точку зрения в ходе рассмотрения спора по существу. Более правильной будет введение дополнительной части, содержащей обязанность стороны раскрыть свои доказательства и сведения о них путем направления копий всем участникам процесса в момент подготовки дела к судебному разбирательству.

В случае неисполнения одной из сторон обязанности по раскрытию доказательства наиболее адекватной мерой будет являться не штраф, а определение суда о признании нераскрытого доказательства недопустимым для исследования и утратившим свою юридическую силу. Кайзер Ю. В. по этому поводу говорит следующее: «...нераскрытые доказательства не могут быть положены в основу судебного акта в подтверждение наличия или отсутствия юридически значимых фактов. Если суду будет предоставлено право исследовать доказательства, полученные в стадии судебного разбирательства без заблаговременного ознакомления лиц, участвующих в деле, с их содержанием и формой, то такая позиция повлечет злоупотребление субъектами гражданско-процессуальных отношений процессуальными правами, поскольку будет ставиться одна из сторон спора в более выгодное положение» [5, с. 211].

Необходимо отметить, что законодатель не предусмотрел момент, какие виды доказательств подлежат раскрытию, в связи с чем могут возникнуть вопросы при реализации данной нормы. Так как все доказательства имеют одинаковую юридическую силу, то и раскрытие необходимо по отношению ко всем видам доказательств, а не только к письменным документам. Таким образом, и вещественные доказательства, и аудио, видео — материалы, свидетельские показания, относящиеся к существу спора, также подлежат раскрытию.

В завершение данного исследования нельзя не отметить большой шаг законодателя в вопросе модернизации гражданского процессуального права, а именно, регламентации прогрессивного института раскрытия доказательств, принятого в западных правовых системах. Установление данной нормы свидетельствует о легальном признании этого процессуального института, предпосылки которого были заключены в вышеназванных статьях еще с момента вступления кодекса в законную силу. Однако, важно заме-

тить, что установление нормы — не есть полное правовое регулирование этого этапа судебного доказывания. При исследовании были выявлены значительные упущения: отсутствие определения раскрытия, сроков раскрытия доказательств и ответственности за несоблюдение данной обязанности, что говорит о наличии множества проблем, которые не были проработаны при установлении данной нормы. Раскрытие доказательств и на данный момент остается процедурой, неурегулированной в полной мере.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. N 95-ФЗ [Текст] // Собрание законодательства РФ. — 2002. — 18 ноября.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ [Текст] // Российская газета. — 2002. — 20 ноября.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. N 451-ФЗ [Текст] // Собрание законодательства РФ. — 2018. — 3 декабря.
4. Баулин О. В. Раскрытие доказательств в новом процессуальном законодательстве [Текст] / О. В. Баулин // Арбитражный и Гражданский процесс. Законодательство. — 2005. — № 4.
5. Кайзер Ю. В. Особенности правового регулирования раскрытия доказательств как этапа процессуального доказывания [Текст] / Ю. В. Кайзер // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2008. — № 3 (16). — с. 208–211.
6. Кайзер Ю. В. Характеристика раскрытия доказательств в качестве самостоятельного этапа судебного доказывания [Текст] / Ю. В. Кайзер // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2012. — № 1 (30). — С. 92–97

Ограничение субъектного состава представителей в судах как мера повышения эффективности судопроизводства

Прокофьев Максим Геннадьевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье рассматривается вопрос о возможности повышения эффективности судопроизводства в случае ограничения субъектного состава представителей в арбитражных судах. Автором установлено, что на данный момент юридическую помощь наряду с членами квалифицированных профессиональных сообществ оказывают иные юридические и физические лица, и при этом законодательством не установлены условия их участия в предоставлении такой помощи. Рассматриваются положительные и отрицательные стороны сужения круга вышеуказанных лиц.

Ключевые слова: адвокат, арбитражный процесс, квалификация, представительство, юридическая помощь.

Одним из главных направлений концепции развития российской правовой системы является гарантированная Конституцией Российской Федерации судебная защита прав и свобод личности, которая включает в себя возможность использования судебного представительства.

Представительство — один из важных процессуальных институтов, содействующий надлежащей защите прав и законных интересов лиц, участвующих в судопроизводстве. Запреты на судебное представительство для

всех граждан, не являющихся адвокатами, установлены Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [4].

Согласно законопроекту Федерального Закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации

и отдельные законодательные акты Российской Федерации», предлагается закрепить в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — ГПК РФ) положение о том, что помимо адвокатов представителями в суде смогут быть лица, оказывающие юридическую помощь «и» имеющие высшее юридическое образование, за исключением судей, следователей, прокуроров (предлагается ст. 51 ГПК РФ дополнить такими субъектами, как помощники судей, работники аппарата суда), которые вправе быть представителями либо от имени соответствующих органов, либо если выполняют роль законного представителя [7].

Данное требование на сегодняшний день нашло свое отражение в нормах Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Полномочия на ведение дела представитель, оказывающий юридическую помощь, обязан будет подтвердить, представив суду документы о высшем юридическом образовании и документы, удостоверяющие его полномочия. Что касается адвокатов, то предъявляемое к ним требование о подтверждении их прав на ведение дел останется неизменным.

Такого порядка нововведение нарушает свободу выбора представителя, продиктованную ч. 1, 6 ст. 59 АПК РФ [3], устанавливающими требования к дееспособности и надлежащему оформлению полномочий представителя. На сегодняшний день нет никаких иных дополнительных критериев для выбора того, кто будет защищать интересы в рамках судебного процесса.

Неравное положение сторон, как одно из последствий новшества, продиктовано финансовой возможностью граждан. Очевидно, что оказываемые юристами услуги имеют стоимостное выражение, что приводит к сокращению возможности ими воспользоваться. Таким образом, одна сторона вынуждена вести процесс самостоятельно, а другая, имея возможность, воспользуется услугами представителя-юриста.

Конституция РФ закрепляет положение о гарантии права получить квалифицированную юридическую помощь бесплатно, но только в случаях, предусмотренных законом [1]. Как гласит ч. 1 ст. 9 АПК РФ судопроизводство в арбитражном суде осуществляется на основе состязательности. Ч. 1 ст. 8 АПК РФ дополняет, что стороны в арбитражном процессе являются равноправными. Следовательно, реализован данный принцип будет тогда, когда каждому будет обеспечен доступ к получению квалифицированной юридической помощи.

С нашей точки зрения, у ограничения субъектного состава лиц, имеющих право быть представителями в арбитражном процессе, существуют как положительные, так и отрицательные стороны. К положительным аспектам следует отнести:

1. Участие в арбитражном процессе квалифицированных юристов, обладающих специальными познаниями в области права, позволит значительно сократить срок производства по делу в арбитражном суде.

2. Повышение эффективности осуществления защиты нарушенных прав. При квалифицированном ведении дела в арбитражном суде представитель будет исполнять возложенную на лиц, участвующих в арбитражном процессе, активную роль по сбору и представлению необходимых доказательств, истребованию доказательств, участию в судебном разбирательстве, даче необходимых объяснений и пояснений суду и др. [8].

3. Введение института профессионального представительства согласуется с международными договорами Российской Федерации. В ч. 4 ст. 15 Конституции РФ закреплено правило, согласно которому в случае наличия противоречий между законом РФ и международным договором РФ, применению подлежат нормы международного права. Отметим, что согласно Протоколу от 16 декабря 2011 г. «О присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г». [2] только адвокатам разрешается осуществлять представительство в уголовных судах и арбитражных судах (Российская Федерация ратифицировала настоящий Протокол Федеральным законом от 21 июля 2012 г. № 126-ФЗ [5]). Протокол разъясняет, что под адвокатом следует понимать физическое лицо, получившее статус адвоката в соответствии с российским законодательством.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 9 июля 2012 г. № 17-П [5] указал, что под арбитражным судом в Протоколе следует понимать специализированный государственный арбитражный суд, а также признал, что Протокол соответствует Конституции Российской Федерации в той части, какой устанавливаются специфические обязательства в отношении допуска лиц к оказанию юридических услуг на территории России. При этом Конституционный Суд РФ указал, что право каждого на судебную защиту не означает возможность допуска любого гражданина к участию в судопроизводстве в качестве представителя, данная возможность и требования к представителям устанавливаются законодательно.

Однако, наряду с этим, необходимо учитывать и некоторые отрицательные стороны ограничения субъектного состава представительства. Так, возникает вопрос о качестве получаемой помощи. В одной из научных статей Н.А. Чудиновская выразила свою позицию по рассматриваемому вопросу так: «нельзя отрицать, что в определенных случаях наиболее эффективными представителями в суде являются не столько юристы, сколько квалифицированные специалисты в той или иной узкой области предмета спора, например, главный бухгалтер, главный инженер, прораб, товаровед и другие. Чтобы обеспечить возможность участия в процессе таких лиц, помимо того, что они способны участвовать в роли специалиста или свидетеля, планируется ввести новую фигуру — поверенный» [11].

Согласно законопроекту, функции поверенного минимальны, которые будут реализовываться лишь на стадии не-

посредственного судебного разбирательства, исключается его возможности участвовать в прениях сторон, принимать участие в судебных заседаниях апелляционной, кассационной, надзорной инстанций. Ни какими дополнительными полномочиями наделить поверенного лица, от имени которого он будет действовать, не может. Появление новой фигуры не повлияет на качество, эффективность судебного процесса. Поверенный, как и представитель, будет действовать в интересах лица, наделившего его полномочиями.

Также следует отметить, что законом не закреплены критерии «квалифицированности» оказанной юридической помощи [10]. Соответствуют ли данным критериям только адвокаты, или представителями в арбитражных судах могут выступать также иные лица, не уточняется. На наш взгляд, требования к лицам, которые могут быть представителями в арбитражном суде, необходимо установить на законодательном уровне. Такими требованиями могут стать, например, наличие высшего юридического образования, определенный стаж работы по специальности, участие в судебных процессах. Обсуждается идея о том, что к участию в арбитражном процессе будут допускаться только аккредитованные лица, для этого претенденты должны будут представлять в суд комплект документов, подтверждающих соответствие установленным требованиям [9].

Еще одним отрицательным моментом наделения полномочиями по представлению интересов стороны в арбитражных судах только адвокатов является специфика их подготовки. В рамках подготовки и сдачи квалификационного экзамена от лица, претендующего на должность, требуется знание самых различных отраслей права. Полагаем, что неоправданно рассчитывать на возможность одного специалиста оказывать квалифицированно юридическую помощь во всех сферах права с учетом динамично развивающегося и изменяющегося законодательства,

формирования судебной практики и правовых позиций судов высших инстанций.

Резюмируем, что на данный момент планируемый к введению институт профессиональных представителей не содержит механизмов, обеспечивающих доступность квалифицированной юридической помощи для граждан. Вместо этого предлагается закрепить ограничения прав для лиц, не обладающих квалификацией юриста. Кроме того, отметим, что наличие высшего юридического образования не всегда прямо связано с качеством юридических услуг, и повысить его не удастся путем введения запрета на представительство в суде для отдельных лиц. По нашему мнению, это приведет лишь к ограничению конкуренции.

Необходимо также учитывать, что после принятия поправок стоимость услуг судебного представителя может увеличиться, что, с одной стороны, не будет гарантировать его реальную квалификацию, а с другой — может сделать недоступными услуги действительно профессионального судебного представителя. Таким образом, распространение образовательного ценза по аналогии со ст. 55 КАС РФ на представителей в арбитражном процессе может ограничить доступ к правосудию и создать дополнительную финансовую нагрузку на участвующих в деле лиц.

Исходя из вышесказанного, склоняемся к тому, что действительно необходимо расширять в судах подход профессионального представительства. Необходима квалифицированная помощь как в разрешении тех или иных вопросах, так и для того, чтобы действительно быстро и эффективно осуществить судопроизводство. Для этого допускаю возможным предоставить выбор лиц, представляющих интересы в суде из тех, кто соответствует определенным критериям по стажу работы, уровню образования, направлению деятельности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4.
2. Протокол о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г. (Женева, 16 декабря 2011 г.) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 37. ст. 4986.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30.
4. Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
5. Федеральный закон от 21 июля 2012 г. № 126-ФЗ «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 30. ст. 4177.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2012 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации — Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 29. ст. 4169.
7. Проект Федерального закона № 383208–7 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административ-

ного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

8. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. М.: Статут, 2008. 847 с.
9. Выступление Председателя Высшего Арбитражного суда РФ от 25 января 2012 года. URL: <http://www.arbitr.ru/presscentr/news/speeches/42013.html> (дата обращения: 18.03.2019).
10. Панченко В. Ю. Квалифицированность как признак юридической помощи // Адвокатская практика. 2012. № 2. С. 18–20.
11. Чудиновская Н. А. К вопросу о реформировании института представительства // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 21–22.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 21 (259) / 2019

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, О. В. Майер

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.
ISSN-L 2072-0297
ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»
Номер подписан в печать 05.06.2019. Дата выхода в свет: 12.06.2019.
Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.